

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт археологии и этнографии

Д. Г. Коровушкин

ОЧЕРКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н. А. Томилов*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2006

ББК 63.5 (2)

К 67

Утверждено к печати

Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н. А. Алексеев*

доктор исторических наук *В. М. Кулемзин*

кандидат исторических наук *И. В. Лоткин*

кандидат исторических наук *Т. Б. Смирнова*

*Издание подготовлено в рамках выполнения программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
“Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям”*

Коровушкин Д. Г.

К 67 Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири / Д. Г. Коровушкин. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 200 с.

ISBN 5-7803-0154-9

Монография посвящена этнокультурной адаптации представителей этнокультурных групп (сельских диаспор) Западной Сибири – латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев, сформировавшихся в лесостепной полосе этого обширного региона в результате массовых переселений конца XIX – первой четверти XX в. В книге описывается история формирования этнических массивов, выясняются причины и пути масштабных миграций, роль государства в процессах переселения, водворения и землеустройства переселенцев. Рассматриваются проблемы адаптации к новым природно-климатическим условиям традиционного хозяйства и традиционной материальной культуры. Освещаются вопросы развития национальных языков и языковой адаптации переселенцев в иноязыковой среде в условиях дисперсного расселения в преобладающей массе русского населения.

Книга рассчитана на этнографов и историков.

ISBN 5-7803-0154-9

ББК 63.5 (2)

© Коровушкин Д. Г., 2006

© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография является сводным очерком, сравнительно описывающим процессы этнокультурной адаптации у столь различных по происхождению, языку и конфессиональной принадлежности этнических групп, как латыши, немцы, украинцы, чуваш и эстонцы, расселившиеся на обширных пространствах Западной Сибири в результате бесспорно «великого переселения народов» конца XIX – начала XX в.

Отличия между ними столь велики, что, казалось бы, ничего не может быть общего. Однако же общее, ничуть не умаляющее особенного, есть – историческая судьба, схожие модели хозяйственной и языковой адаптации к весьма суровым природно-климатическим условиям Сибири. И главное, пожалуй, это ощущение простора, ожидание свободы и лучшей жизни – основной побудительный мотив и движущая сила переселения.

Использование в работе словосочетания «поздние переселенцы» не случайно. Представители каждого этноса, группы которых мы изучали, переселялись в Сибирь и ранее, как минимум, со времен петровской эпохи. Однако это были, скорее, индивидуальные миграции конкретных лиц, семей или небольших объединений. Назвать данные подвиги «переселениями» в рамках устоявшегося понятия не совсем справедливо. Именно в конце XIX – первой четверти XX в. в истории Российского государства в целом и Сибири в особенности имел место феномен широкомасштабного переселения и освоения новых, ранее не подвергшихся хозяйственному освоению, огромных пространств Северной Евразии. В дальнейшем основная часть переселений носила насильственно-вынужденный характер и была связана либо с прямыми насильственными перемещениями целых народов, социальных слоев или групп, либо с нуждами и тяготами Второй мировой войны и послевоенного развития (в известной мере сюда можно отнести и освоение целины).

Автор не склонен идеализировать ни политическую систему, вызвавшую к жизни могучий порыв движения из Европейской

Переселенческие потоки на территорию Западной Сибири
в конце XIX – первой трети XX в.:

1 – латыши и эстонцы; 2 – чувашы; 3 – немцы; 4 – украинцы

России в Сибирь, ни условия, в которых это движение происходило. Следует помнить, что именно этот период сыграл основную формообразующую роль в создании современной структуры населения и хозяйственно-экономической инфраструктуры в лесостепной полосе Западной Сибири. Тогда же начал складываться современный тип сибиряка – нередко метиса с разнообразными этническими составляющими, целеустремленного, упорного и удивительно адаптивного, с непреходящим, так и не вытравленным стремлением к свободе.

Книга эта написана по результатам многолетних полевых экспедиционных, музейных и архивных изысканий, предпринятых автором и его коллегами под руководством профессора Николая Аркадьевича Томилова в 1970–1990-х гг. Многие материалы собраны уже в последние годы.

Целью нашей исследовательской программы являлось изучение особенностей этнического развития и решение проблемы этнокультурной адаптации как основного формообразующего массива – русских [Жигунова, 2004], так и дисперсно расселенных этнолокальных групп, сформировавшихся в результате массовых переселений из европейской части России в Западную Сибирь в конце XIX – первой четверти XX в. [Коровушкин, 1997; Лоткин, 1996; Смирнова, 2003; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003]. Определенное внимание было уделено также коренным народам, населяющим Западную Сибирь [Томилов, 1992; Шаргородский, 1994].

Основным источником для написания данной книги явились материалы экспедиций и этносоциологических опросов, прове-

денных при участии или под руководством автора в 1980–1990-х гг. среди сельского латышского, немецкого, украинского, чувашского и эстонского населения Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей. Нами собран значительный объем информации, характеризующей различные стороны хозяйства и культуры переселенцев и их потомков в Западной Сибири со времени первых переселений и до современности. Так, были получены материалы по жилищам и хозяйственным постройкам, орудиям труда и предметам быта, одежде и пище. Их изучение позволило выделить национально-специфичные и иноэтничные черты, этнолокальную специфику в материальной культуре и хозяйстве исследуемых нами групп. Собран также весьма ценный (к сожалению, не по всем группам полный и всеобъемлющий) материал по традиционной семейно-бытовой обрядности, религиозным верованиям и фольклору.

Сбор данных о сибирских чувашах охватил территорию одиннадцати районов Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей. В ходе экспедиционных работ Сибирской историко-этнографической экспедиции ОмГУ в 1980–1983 гг. (руководитель Н. А. Томилов) и 1987–1992 гг. (руководитель Д. Г. Коровушкин) было обследовано чувашское сельское население Колыванского, Кыштовского и Северного районов Новосибирской области, Знаменского, Крутинского, Любинского, Муромцевского, Тарского и Усть-Ишимского районов Омской области, Нижне-Тавдинского и Ярковского районов Тюменской области. Экспедиции были маршрутными, что продиктовано особенностями расселения сибирских чувашей.

Этнографические исследования немцев Западной Сибири были начаты с работы Сибирской историко-этнографической экспедиции ОмГУ в 1989 г. (общее руководство осуществлял Н. А. Томилов, руководитель немецких отрядов – Т. Б. Смирнова, автор участвовал в качестве рядового члена отряда и руководителя этнографической практики студентов Омского госуниверситета). В 1989–1994 и 1996–2000 гг. проведено несколько маршрутных экспедиций в Баганский, Карасукский и Татарский районы Новосибирской области, Топкинский и Юргинский районы Кемеровской области, Азовский немецкий национальный, Горьковский, Марьяновский, Исилькульский, Любинский, Одесский, Шербакульский и Тарский районы Омской области, в несколько районов Алтайского края. Собран обширный материал по этнической истории, традиционной и современной культуре немцев Сибири.

Полевые работы по изучению латышского и эстонского населения проходили в 1986–1990 гг. и в последующие годы (с некоторыми перерывами) в рамках деятельности прибалтийского отряда Сибирской историко-этнографической экспедиции ОмГУ. Были обследованы латышские и эстонские поселения Мариинского района Кемеровской области, Болотнинского, Венгеровского, Кыштовского, Татарского, Тогучинского и Чановского районов Новосибирской области, Знаменского, Калачинского, Кормиловского, Крутинского, Одесского, Оконешиниковского, Седельниковского и Тарского районов Омской области, Зырянского, Кривошеинского и Первомайского районов Томской области. Общее руководство экспедиционными работами осуществляли: в 1986–1987 гг. – Н. А. Томилов, в 1988–1990 гг. – В. В. Реммлер. Прибалтийский отряд в 1986 г. возглавляли В. В. Реммлер и Л. Т. Шаргородский, а с 1987 г. – И. В. Лоткин. Автор также принимал участие в работе этого отряда.

Изучение традиционной культуры и современного этнического и этнокультурного развития украинцев Западной Сибири было начато в 1976 г. силами этнографов Омского госуниверситета под общим руководством Н. А. Томилова. Непосредственно руководил отрядом С. Ю. Первых. Этнографическое изучение украинцев было продолжено в 1982–1983 гг. В ряде районов Омской области (Исилькульский, Полтавский, Таврический) проводился дополнительный опрос и сбор полевых материалов. Общее руководство осуществлял Н. А. Томилов, а руководителем отряда был В. В. Реммлер. Автор также участвовал в этих работах. В 1986–1991 гг. исследования были продолжены под началом В. В. Реммлера при участии Д. Г. Коровушкина как руководителя практик и экспедиций. В ходе работ было обследовано украинское население Исилькульского, Калачинского, Нововаршавского, Полтавского и Таврического районов Омской области, а также Карасукского района Новосибирской области.

Для обследования выбирались, как правило, наиболее типичные поселения с преобладанием представителей изучаемых нами групп.

Нами были привлечены и результаты всеобщих и локальных переписей населения, опубликованные статистические сведения, материалы фондов территориальных органов Переселенческого управления. Огромную роль сыграли архивные материалы – документы землеустроительных организаций, органов народного образования, хранящиеся в Государственном архиве

Кемеровской области (ГАКО), Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), Государственном архиве Омской области (ГАОО), Государственном архиве Томской области (ГАТО), Государственном архиве Тюменской области (ГАТюО). Кроме этого, автор использовал материалы Центрального государственного архива Латвии (ЦГА Латвии), Центрального государственного архива Эстонии (ЦГА Эстонии), Центрального государственного исторического архива Латвии (ЦГИА Латвии) и Центрального государственного исторического архива Эстонии (ЦГИА Эстонии), любезно предоставленные И. В. Лоткиным.

Особенно полезным для работы в данном направлении оказался многолетний опыт сибирских этнографов, занимающихся изучением проблем современного этнического развития целого ряда народов и национальных групп Западной Сибири, их традиционной духовной и материальной культурой. Использовались нами и их методики сбора и обработки материалов [Бронникова, 1989; Корусенко, 1988, 1994; Лоткин, 1996; Луговая, Реммлер, 1991; Майничева, 1997, 2003; Патрушева, 1985, 1992; Смирнова, 2002, 2003; Томилов, 1978, 1992; Фурсова, 1991, 1999, Шелегина, 2005].

Общая схема исследования этнических групп, определение понятий, вводимых в анализ, их интерпретация и способы «инструментального» выражения приведены в ряде публикаций М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, А. А. Сусоколова и других отечественных ученых [Арутюнян, Дробижева, Кондратьев, Сусоколов, 1984; Арутюнян, Дробижева, 1981; Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998; Губогло, 1972, 1992; Дробижева, 1981, 1991, 1992; Степанов, Сусоколов, 1987, 1991].

Не менее важным представляется использование в данной работе положений, высказанных в ходе многолетней дискуссии о феномене диаспоры [Арутюнов, 2000 а, б; Дробижева, 1989; Дятлов, 1999; Семенов, 2000; Тишков, 1989, 2000, 2003; Шнирельман, 1999]. Интерес к таким этническим образованиям в последние годы возрос в связи с интенсификацией в них этнических процессов, которые могут служить индикатором тенденций и направлений развития этносов, к которым они принадлежат.

Автор выражает искреннюю признательность своим коллегам, друзьям и соратникам – М. А. Жигуновой, И. В. Лоткину, Ю. В. Пирогову, В. В. Реммлеру, Т. Б. Смирновой, А. Л. Чередникову, многолетний труд которых создал основу для написания этой книги.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДИСПЕРСНЫХ ГРУПП ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1.1. Сибирские чуваш

Судьба чувашей, переселившихся за пределы собственно Чувашии, всегда волновала исследователей этого народа. Однако основное внимание ученых было направлено на описание и изучение материальной культуры чувашей, проживающих в Поволжье и Приуралье [Земляницкий, 1926; Иванов, 1965, 1966; Никольский, 1928].

В последние десятилетия XX в. на волне огромного интереса к изучению современных этнических процессов появились работы, посвященные чувашскому народу [Григорьева, 1984а, б; Гузенкова, 1984; Иванов, 1973, 1979; Кондратьев, 1984; Фокин, 1985]. При этом ученые заинтересовались группами чувашей, по тем или иным причинам оказавшимися вне территории Чувашии [Иванов, 1985; Чуваши..., 1987].

Однако, как известно, Поволжско-приуральским регионом чувашская диаспора не исчерпывается. Мы с сожалением должны констатировать, что вопросы этнографии чувашей, переселившихся в Сибирь, фактически не рассматривались исследователями. Пробел в известной степени восполнили наши работы, посвященные формированию этнического массива, традиционной материальной и духовной культуре, современным этническим процессам у чувашей Западной Сибири [Коровушкин, 1988; 1989а, б; 1990а, б; 1991а, б; 1992а, б; 1994; 1997; Коровушкин, Пирогов, 1990]. Тем не менее, некоторые вопросы этнического развития сибирских чувашей остались за рамками вышеозначенных трудов.

В последние десятилетия, на фоне всплеска интереса к изучению этнического развития чувашского этноса, появились но-

вые работы, в которых рассматривалась и чувашская диаспора [Чувашское население..., 2000, 2002]. Однако и в них сведения о сибирской части этноса отрывочны и лапидарны.

1.2. Немцы Сибири

Проблемы социально-экономического и этнокультурного развития немецкой диаспоры в России в разной степени затрагивались в трудах отечественных исследователей [Смирнова, 2002, с. 5–10; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2001б]. Дореволюционные авторы рассматривали, как правило, историю переселения немцев в Россию, касаясь лишь отдельных аспектов положения немецких колонистов [Писаревский, 1909, 1917; Штах, 1916; Schmidt, 1930]. Большинство этих работ посвящено крупным колониям на юге России и в Поволжье.

В начале XX в. появились исследования о переселении немцев в Сибирь [Морозов, 1900 и др.] В них проблемы немцев-переселенцев и их роль в социально-экономическом развитии края рассматривались с точки зрения центральной исполнительной власти, давалось лишь общее представление о хозяйственной жизни переселенческой немецкой деревни.

С началом антинемецкой шовинистической кампании во время Первой мировой войны прекратился выпуск литературы о немцах, была закрыта немецкая пресса.

После установления советской власти выпуск книг и немецкой периодики был возобновлен. Большая часть литературы стала выходить в образованной в 1924 г. Республике немцев Поволжья. В 1927 г. Ф. П. Шиллер составил обширную библиографию о российских немцах, содержащую сведения о работах по истории, этнографии немецких поселений с 1764 по 1926 гг. [Schiller, 1927]. Однако о сибирских колониях, которые значительно уступали по численности населения «материнским» колониям европейской части России, в этом обзоре не было сказано почти ничего.

Самым значительным научным достижением 1920–1930-х гг. в истории изучения немцев России явилось создание российской немецкой диалектологической школы, у истоков которой стояли Г. Дингес, А. П. Дульзон, В. М. Жирмунский [Hagin, 1982]. Исследования Георга Дингеса, основателя советской диалекто-

логии, были посвящены проблемам русскоязычных заимствований в диалектах поволжских немцев. Им была создана языковая карта немецких диалектов, выделены основные типы немецких диалектов Поволжья, проведено разграничение между диалектами материнских колоний и смешанными диалектами в дочерних колониях. Этот исследователь впервые поставил вопрос о смешении волжских диалектов и выравнивании диалектных систем как результате смешения [Dinges, 1923].

В 1922 г. в г. Саратове и в 1924 г. в г. Ленинграде были основаны диалектологические центры. Ленинградский центр возглавил В. М. Жирмунский. Большинство его ранних работ было посвящено смешению немецких диалектов. Исследования проводились в немецких колониях Украины, Крыма и Кавказа [Жирмунский, 1927, 1933]. В. М. Жирмунский выделил важные и второстепенные различия контактирующих диалектов, основав теорию первичных и вторичных признаков немецких диалектов. Большое практическое значение имеет сформулированный им закон отмирания первичных и сохранения вторичных признаков при контакте различных диалектных систем.

Дальнейшее развитие его теория получила в трудах А. П. Дульзона, который выделил первичные и вторичные признаки в области морфологии, синтаксиса и лексики, углубленно исследовал факторы, определяющие направление процесса скрещивания диалектов.

В 1931 г. ленинградский центр прекратил свое существование, а В. М. Жирмунский вынужден был изменить направление исследований. Несмотря на это, ему принадлежат основополагающие работы в области немецкой диалектологии [Жирмунский, 1936, 1964]. В 1956 г. вышел его фундаментальный труд «Немецкая диалектология». Эта работа, основанная на огромном фактическом материале, имеет важное методологическое значение – почти все современные исследователи придерживаются классификации диалектов, предложенной В. М. Жирмунским [1956].

В конце 1930-х гг. диалектологические и этнографические работы свернули, а после депортации 1941 г. на долгие годы были фактически запрещены не только научные изыскания, но и упоминания о советских немцах в научной литературе.

Затянувшийся процесс реабилитации советских немцев не способствовал возобновлению исследований. В 1960-х гг.

лишь Л. В. Малиновский работал над проблемами немецкой колонистской деревни. Им исследованы вопросы экономического, социального развития немецкой деревни, проблемы коллективизации сельского хозяйства [Малиновский, 1967а, б]. Л. В. Малиновскому принадлежит и единственная статья этнографического характера, посвященная жилищу немецких колонистов [1968]. Он же впервые провел социологическое обследование немецкого населения Западной Сибири [Малиновский, 1969]. К сожалению, в условиях, когда немцев приходилось называть то «некоторыми группами», то «западными меньшинствами», не имея возможности прямо указать национальность, не могло быть и речи о широкомасштабных исследованиях. В 1980-х гг. появились новые работы Л. В. Малиновского [1980], в которых рассматривались вопросы расселения немцев в Сибири, проблемы развития немецких колоний в дореволюционной России и в 20–30-х гг. XX в. К сожалению, эти труды, безусловно имеющие важное значение, содержат мало этнографического материала.

Наиболее значительный вклад в изучение этнических процессов среди немецкого населения Советского Союза внесла Т. Д. Филимонова, работавшая в Институте этнографии АН СССР и проводившая этносоциологические исследования среди немцев Закарпатья [Гроздова, Филимонова, 1970; Филимонова, Шин, 1972]. В 1980-х гг. появились еще две её работы [Филимонова, 1986; 1989], посвященные уже не одной группе, а немцам СССР в целом. Основным источником для их написания послужили Всесоюзные переписи населения. Монографии по истории и этнографии советских немцев, за исключением книги о меннонитах [Ипатов, 1978], не издавались.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. наблюдался бурный рост интереса к истории российских немцев, вызванный «перестроечной» волной в обществе. В периодической печати появлялись статьи и заметки, посвященные немецкому вопросу и затрагивающие в основном проблемы эмиграции и восстановления немецкой национальной автономии [Бокк, 1988; Вормсбехер, 1989; Исаков, 1991; Симонов, 1992; Суханова, 1992 и др.]. Сотрудники Института этнографии АН СССР в 1986 г. провели этносоциологическое обследование нескольких немецких групп в Казахстане [Наумова, Чешко, 1989]. Было опубликовано немало статей историко-этнографического ха-

рактера [Кригер, 1990; Лайгер, Кригер, 1988; Наумова, Чешко, 1990; Остроух, Шервуд, 1993; Социально-культурное..., 1990; Чешко, 1988].

Особого внимания заслуживают работы С. В. Соколовского [1986, 1990, 1993, 1996], посвященные меннонитам Алтая.

Вполне логичным является перемещение центра исследовательской работы в Сибирь – в города Новосибирск, Омск, Барнаул и Кемерово. Это обусловлено наличием в данном регионе самой крупной в России территориальной группы немцев (около 417 тыс. человек), образованием немецких национальных районов в Омской области и на Алтае, наличием значительного круга не востребовавшихся источников, особенно архивных материалов. В последнее десятилетие XX в. в Западной Сибири прошла череда научных конференций, посвященных проблемам российских немцев [Немцы..., 1993; Томилов, 1993а, б; 1994; 1995; Всероссийская..., 1995; Самоценность..., 1995].

Именно в Новосибирске и Омске на рубеже тысячелетий сформировались два центра изучения истории и культуры сибирских немцев. Направленность исследований в них различается. Так, в Омске Т. Б. Смирнова и Н. А. Томилов со своими студентами и аспирантами в основном занимаются изучением этнической и этнокультурной истории, вопросами этноязыкового и этноконфессионального развития сибирских немцев. Специалисты в Новосибирске – Л. П. Белковец, М. Н. Колоткин, А. А. Шадт – больше внимания уделяют вопросам этно- и социально-политического развития немецкой диаспоры в Сибири [Белковец, 2003; Брейзе, Колоткин, 1997; Смирнова, 2002, 2003].

Российским немцам посвящено также большое количество зарубежной литературы общеисторического характера. Следует сказать, что уже в 1959 г. библиографический указатель, составленный К. Штумппом, включал в себя свыше 1,7 тыс. наименований [Stumpp, 1959]. В архивах западных стран имеется широкий круг источников по данному вопросу, поскольку в Германии, Канаде, США, Аргентине проживает много немцев, предки которых эмигрировали из России в разные периоды русской истории. Они продолжают называть себя «русскими немцами», объединяются в землячества, располагающие архивами, библиотеками, средствами на издательскую деятельность. Эти публикации чаще всего рассчитаны на широкого читателя, но нередко содержат богатый фактический материал.

Достаточно подробный обзор зарубежных исследований по интересующей нас тематике уже был осуществлен [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2001], поэтому в мы отметим лишь наиболее значимые труды.

Необходимо упомянуть работы Я. Штаха [Stach, 1925 a, b; 1938], а также серьезные исследования К. Штумппа, основанные на большом количестве архивных материалов [Stumpp, 1936, 1939, 1941, 1956, 1964, 1993]. Большого внимания заслуживают труды И. Флейшхауэр, особенно «Die Deutschen im Zarenreich» [Fleischhauer, 1986]. Чуть позже вышла её совместная с Б. Пинкусом работа, посвященная положению немцев в СССР [Pinkus, Fleischhauer, 1987]. В 1990 г. появилась книга по истории советских немцев, написанная И. Флейшхауэр в соавторстве с эмигрировавшим из России Г. Едигом [Fleischhauer, Jedig, 1990].

Одним из крупных исследований по истории российских немцев является книга А. Айсфельда «Die Russland Deutschen» [Eisfeld, 1992]. Ей синхронны труды эмигрировавшего в Германию В. Кригера [Krieger, 1992, 1993a, b].

Несмотря на обилие зарубежной литературы о российских немцах, информацию, содержащуюся в ней, нельзя назвать исчерпывающей. Сибирская группа немцев очень редко привлекала к себе внимание западных исследователей, почти не использовавших материалы сибирских архивов. Практически все эти труды носят исторический характер. Этнографическое же изучение сибирских немцев было вне научных интересов авторов данных работ.

Таким образом, вопросы этнографии и проблемы этнического развития немцев Западной Сибири фактически остались вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей.

1.3. Сибирские прибалты

Проблемы истории и этнического развития различных групп латышей и эстонцев, живущих за пределами основной территории расселения своих этносов, рассматривались в историко-этнографической литературе [Лоткин, 1996; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2001б].

О лютеранских колониях на р. Оми и в Минусинской котловине в 1860–1890 гг. писали В. Гаупт [1864, с. 16–31; 1865,

с. 58–78], Н. М. Ядринцев [1878], Н. Лассман [1895], появлялись публикации в периодической печати [Народное..., 1863; Сибирские..., 1863]. Содержащиеся в этих работах сведения о прибалтийских поселенцах носят крайне противоречивый характер.

На рубеже XIX–XX вв., с развитием переселения жителей Прибалтики во внутренние районы России и за Урал, в Прибалтийском крае усилился интерес к соотечественникам, покинувшим родину. В 1900 г. в г. Тарту вышла работа Й. Меомуттеля [Meomuttel, 1900], в которой автор попытался обобщить сведения об эстонских колониях России. Часть его описаний посвящена и Западной Сибири.

В 1909 г. в газете «Druva» («Нива»), выходившей в Санкт-Петербурге на латгальском языке, появилась статья К. Скринды «Где живут латыши, которые выехали в Сибирь?» [Skrinda, 1909]. В 1912–1913 гг. был опубликован цикл статей М. Скуйниека об иммиграции и эмиграции в Латвии со времен Ивана Грозного до начала XX в., включая переселение латышей и латгальцев в Сибирь [Skujnieks, 1912–1913].

Деятели революционного движения в Прибалтике тоже уделяли внимание соотечественникам, уехавшим в Сибирь. Так, В. Кингисепп протестовал против распространения среди поселенцев националистической идеологии [Kingisepp, 1913].

В 1918 г. в Тарту вышла монография пастора А. Ниголя обо всех эстонских колониях в России [Nigol, 1918]. В работе упомянуты 347 эстонских поселений, перечислены города, где осели выходцы из Эстонии, даны интересные сведения о природных и климатических особенностях регионов, о хозяйственных занятиях и культурной жизни переселенцев. Однако в этом труде допущено немало фактических ошибок при указании местоположения эстонских поселений и дат их основания [Люткин, 1996, с. 7].

В конце 1920 – начале 1930-х гг. в СССР было издано несколько работ прибалтийских авторов по проблемам этнической истории латышей и эстонцев в России. В первую очередь необходимо упомянуть две монографии К. Шкилтера [Skilters, 1928, 1931]. Особый интерес представляет его работа «Latkoloniju vesture» («История латышских колоний»), где приводится обзор всех латышских и латгальских поселений в Сибири и существовавших в них культурно-просветительных учреждений [Skilters, 1928, lk. 133–137].

В 1932 г. Я. Баллод и А. Эйсуль опубликовали в «Сибирской Советской энциклопедии» статьи о латышах и латгальцах Сибири [Баллод, 1932; Эйсуль, 1932].

Интересный фактический материал о жизни латышских и эстонских поселенцев в Сибири регулярно появлялся в 1920 – начале 1930-х гг. на страницах латышской газеты «Sibirijas Cīņa» («Борьба Сибири»), а также в эстонских периодических изданиях «Siberi tooline» («Сибирский рабочий»), «Siberi teataja» («Сибирский вестник»), «Kommunaar» («Коммунар») и латгальской «Taisneība» («Правда»).

В 1933 и 1939 гг. увидело свет многотомное издание «Latviesu konversācijas vārdnīca», представившее подробные сведения по расселению и численности латышей в различных регионах, в том числе и в Сибири [Kolonijas latviesu, 1933].

В конце 1930-х гг., после волны репрессий, были закрыты латышские и эстонские национальные школы на местах, ликвидированы национальные газеты и журналы.

В 1966 г. была напечатана статья А. Д. Колесникова «О национальном составе населения Омской области» [1966]. По мнению ее автора, с которым не согласны многие исследователи [Лоткин, 1996, с. 8], первыми прибалтийскими поселенцами в Сибири были не латыши, а эстонцы.

В 1967 г. было опубликовано еще несколько работ, посвященных сибирским латышам и эстонцам [Грюнберг, 1967; Малиновский, 1967; Шарапов, 1967; Тынурист, 1967; Вискна, 1967].

В 1970-х гг. на волне подготовки к празднованию столетия В. И. Ленина и другим партийно-политическим датам резко возрос интерес к деятельности латышских и эстонских партийных и комсомольских организаций России в годы Гражданской войны и восстановительного периода [Голишева, 1970; Бейка, 1973а, б; Veika, 1970, 1972, 1973; Раевский, 1976; Маамяги, 1977]. В них, помимо чисто исторического материала, содержатся и сведения историко-этнографического характера, а также материалы по истории переселений.

Из работ по истории лютеранских колоний в Западной Сибири, написанных в этот период, можно отметить статью В. Злобиной [1971]. Сравнительным материалом может служить работа В. Наулко [1970] об эстонских поселениях на Украине.

В первой половине 1980-х гг. много внимания переселенческому движению уделяли ученые Латвии [Муравская, 1982, 1984,

1986; Беберс, 1982]. Можно также выделить вышедшую в 1987 г. монографию А. Спреслиса [Spreslis, 1987], посвященную борьбе латышских красногвардейцев за Советскую власть в различных регионах страны в 1917–1918 гг.

Изучению сибирских эстонцев во второй половине 1980-х гг. большое внимание уделял таллинский лингвист Ю. Вийкберг [1986а, б; 1988; 1989а, б; Вийкберг, Раннут, 1988; Viikberg, Vaba, 1984; Viikberg, 1985, 1988, 1989, 1990; Vaba, Viikberg, 1988; Keem, Vaba, Viikberg, 1989]. На огромном фактическом материале им были исследованы языковые контакты сибирских эстонцев с русскими, финнами и другими народами и этническими группами, а также выявлены факторы, способствующие сохранению или утрате национального языка. Из трудов зарубежных авторов первой половины 1980-х гг. можно отметить монографию финского исследователя А. Юнтунена, посвященную ссылке финнов, а также латышей и эстонцев в Сибирь [Juntunen, 1983].

Ценный сравнительный материал содержится в монографиях Г. В. Старовойтовой [1987], где значительное место отведено этносоциальным процессам среди эстонцев г. Ленинграда, А. Рекка-Лебедева [1989], рассматривающего историю эстонских поселений на Дальнем Востоке, и в работе М. В. Саввы [1990], посвященной этническим контактам эстонцев Северного Кавказа.

В связи с активизацией национальных процессов в Прибалтике во второй половине 1980-х гг. появилось немало публикаций, связанных с переселениями в Сибирь. Их отличительной особенностью была крайняя политическая ангажированность. Такова, например, статья Х. Стродса [Strods, 1989], посвященная событиям 1940–1949 гг., а также монография Т. Рауна [Raun, 1987]. Более объективно освещали эти вопросы В. О. Каралюн [1988] и ряд других авторов [Вооруженное..., 1990; Машкарин, 1991; Самосудов, 1991].

Кроме вышеупомянутых работ, значительный (но разрозненный) объем сведений содержится и в других исследованиях [Амбайнис, 1954; Буткявичус, Терентьева, Шлыгина, 1966; Витолинь, 1964; Ганцкая, Терентьева, 1963; Геродник, 1964; Кампарс, 1968; Кампарс, Закович, 1967; Кахк, 1974; Курилович, 1958; Моор, 1956; Мурник, 1980; Слава, 1955, 1964; Тараканова, Терентьева, 1957; Терентьева, 1974; Устинова, 1980; Cimermanis, 1959,

1969; Dumpe, 1985; Kalits, 1988; Rank, 1949; Tedre, 1973]. Из трудов, вышедших в последние годы, нужно отметить монографию О. В. Курило [Курило, 1996], посвященную лютеранским группам в России.

В результате этих исследований сравнительно неплохо изучена этническая история данных национальных групп (особенно вопросы расселения и численности), языковые контакты сибирских эстонцев, но недостаточно освещена традиционная культура прибалтов, а также современные этнические процессы у латышей и эстонцев, проживающих за пределами основной этнической территории. Эта проблема была решена усилиями сибирских исследователей – И. В. Лоткина [1987, 1988, 1996] и М. Н. Колоткина [1994а, б], внесших огромный вклад в историко-этнографическое изучение латышей и эстонцев Сибири.

1.4. Украинцы Сибири

Процессы формирования, существования и развития частей украинского этноса за пределами его этнической территории всегда были одними из важнейших для исследователей. Это вполне объяснимо, если учитывать, насколько часто данный народ оказывался разделенным границами и политическими системами.

Однако с середины 1930-х гг., после начала череды насильственных переселений и депортаций, и до конца 1970-х гг. тема эта фактически не разрабатывалась в отечественной этнографии.

Стоит заметить, что даже в фундаментальном труде, подготовленном Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с НАН Украины и Международным научным братством украинских антропологов, этнографов и демографов [Украинцы, 2000] украинцам Сибири и Дальнего Востока уделено минимальное внимание: можно сказать, что факт их существования просто констатирован.

Одной из первых весомых работ периода последней трети XX в. стала диссертация В. Я. Бабенко [1985], посвященная украинцам Башкирии. В 1990 г. была опубликована монография этого исследователя [Бабенко, 1990]. Еще более значительным, охватывающим все регионы проживания украинцев, трудом стала книга В. И. Наулко «Украинцы вне Украинской

ССР» [1986]. Однако, в силу особенностей построения книги, украинцам азиатской части России в ней уделено не очень много места.

Очень интересна статья С. И. Брука и В. М. Кабузана [1981], в которой скрупулезно подобраны сведения о численности и расселении украинцев в царской России. Необходимо сказать, что В. М. Кабузан внес огромный вклад в изучение демографии украинского этноса и его частей за пределами собственно этнической территории [Кабузан, 1971; Кабузан, Махнова, 1965; и др.].

Значительное количество новых материалов ввели в научный оборот украинские исследователи Ф. Заставний [1991, 1992] и Н. Якименко [1998, 1999].

История заселения украинцами азиатских просторов России безусловно волновала исследователей. При этом наибольшую заинтересованность вызывала украинская «колонизация» Дальнего Востока – региона, где относительная численность украинцев очень высока, а роль, которую играют выходцы из украинской диаспоры, важна и значима.

Большим вкладом в изучение украинского населения Западной Сибири в 1970-х – начале 1980-х гг. стали труды омских исследователей А. Д. Калашникова, С. Ю. Первых, О. М. Провоторовой [Калашников, Первых, Провоторова, 1981; Первых, 1985] и Е. А. Мордик [1982].

Второй этап в исследованиях украинцев связан с представителями омской школы этнографии под руководством профессора Н. А. Томилова. Этому новому поколению исследователей принадлежит череда небольших публикаций [Артамонова, 1991; Луговая, Реммлер, 1991; Милищенко, 1990; Реммлер, 1987, 1988, 1999; Царегородцева, 1994; Чередников, 1990]. К огромному сожалению, обобщающая монография по современному этнокультурному развитию этой этнической группы так и не появилась.

В 1987 г. состоялась защита весьма содержательной диссертации А. М. Шпорт «Хозяйство и традиционно-бытовая культура украинских переселенцев в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье)» [1987]. Однако в виде монографии она так и не вышла.

Весьма серьезное внимание проблемам этнического развития украинских переселенцев в последнее десятилетие уделяется этнографами-славистами Института археологии

и этнографии СО РАН [Майничева, 1997а, б; 1998; 1999а, б; Майничева, Фурсова, 1995; Фурсова, 1991, 1993, 1998, 1999.] Работы этих исследователей отличаются глубокой проработкой материала и достаточно широкими географическим и хронологическим диапазонами.

Истории заселения украинцами Дальнего Востока, их этнографии и этнокультурному развитию посвящен ряд работ дальневосточных исследователей [Аргудяева, 1993а, 1993б, 1996, 1997] и представителей украинского научного сообщества. Последние особенно заинтересованно занимаются этой темой (по-видимому, немалую роль здесь играет активность украинских землячеств российского Дальнего Востока и Северной Америки) [Ковальчук, 1992; Луцак, 1993; Марунчак, 1993; Попок, 1996, 1997а-в, 1998а, б, 2001].

Глава 2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЭТАПЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Для более полного раскрытия темы монографии необходимо кратко охарактеризовать переселенческую политику российского правительства во второй половине XIX – первой четверти XX в. и ее последствия.

Вопросам развития переселенческой политики в отечественной исторической науке уделялось значительное внимание [Аврех, 1991; Беркенгейм, 1902; Гешеле, 1957; Горюшкин, 1989; Гурвич, 1888; Дашевич, 1912; Дубровский, 1975; Кауфман, 1894, 1905; Покшишевский, 1951; Скляр, 1962; Соловьева, 1956; Ямзин, 1912 и др.]. В досоветский период эти труды носили в основном описательно-статистический характер и были пропитаны апологетико-верноподданническим духом [Азиатская Россия, 1914]. В советской историографии ведущей тенденцией стал классовый анализ злодеяний царизма, не позволявший трезво оценить достижения и недостатки переселенческой политики. Однако большая часть указанных трудов является добротной исторической литературой и прекрасным источником по истории переселенческого движения.

Следует оговориться, что в последние годы в подходах к трактовкам исторических явлений появилось новое, ранее невозможное – неполитизированный анализ. Это обусловило всплеск исследовательского интереса к проблемам сибирских переселений и организации государственного управления Сибирью [Ремнев, 1997].

Переселенческая политика царского правительства на протяжении XIX – начала XX вв. часто менялась. Неодинаковы были и ее последствия.

Сравнивая переселенческое движение в Азиатскую Россию в годы столыпинской аграрной реформы и в период с 1861 г. и до конца 1880-х гг. можно сделать следующий вывод. Значительно различались условия выхода переселенцев из общины в Европейской России и водворение на новых землях, а также масштабы переселений и их воздействие на жизнь сибирской деревни и Сибири в целом. Однако на всех этапах переселенческая политика государства основывалась на объективных закономерностях и экономических предпосылках, возникших после отмены крепостного права. С нарастающей силой они действовали вплоть до октябрьской революции 1917 г.

В основе бурного развития переселенческого движения конца XIX – начала XX в. лежали не капиталистические противоречия, а неуклонное развитие экономики и благосостояния страны в целом. Здесь уместно сослаться на данные Б. Л. Бразоля [1958] об увеличении народонаселения России в 1894–1914 гг. на 60 млн жителей (т. е. в среднем на 2,4 млн в год). С учетом этого можно представить желанность переселения на новые просторы для растущих семей и народов.

Следует заметить, что изменения в переселенческую политику правительством вносились крайне взвешенно и осторожно, сообразно интересам крупных землевладельцев и настроениям крестьян. Так, за шесть лет до принятия нового закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» правительство послало запрос к губернаторам относительно его положений [Скляров, 1962, с. 61–62]. После подготовительной работы закон был принят 13 июля 1889 г. и значительно облегчил переселение [Полный сборник..., 1889, ст. 6198].

Ситуацию, однако же, не стоит идеализировать. Так, положения 19 февраля 1861 г., дав крепостным «волю», полностью исключали право крестьян на переселение. Правительство Александра II, отменив личную зависимость крестьян, не имело ни желания, ни возможности освободить их полностью. На протяжении всех 1860-х гг. правительство упорно отказывало бывшим помещичьим крестьянам в праве на переселение, справедливо опасаясь оставить свою опору – помещичье дворянство – без дешевой рабочей силы. Запрещено было и переселение государственных крестьян.

Нараставшие противоречия привели к значительной напряженности на местах и росту самовольных переселений в причерноморские и приуральские губернии, в Западную Сибирь и Степной край. За пореформенное десятилетие в приуральских губерниях скопились тысячи самовольных переселенцев, фактически не имевших никаких прав. Возвращать их в места выхода не находили возможным, справедливо опасаясь крестьянских волнений [Скляров, 1962, с. 54].

В этой связи в 1868 г. при министерстве внутренних дел была создана комиссия по выработке общих переселенческих правил [Там же]. С учетом собранных ею материалов 9 апреля 1869 г. император Александр II утвердил положение Главного комитета по устройству сельского состояния «О мерах к водворению в Оренбургской губернии издавна проживающих там переселенцев из других губерний» [Полный сборник..., 1869, ст. 45952]. Оренбургская губерния в том момент была наиболее насыщена безземельными переселенцами. Закон этот был относительно лоялен к переселенцам, не дошедшим к местам водворения в Сибири и Амурском крае, и бывшим государственным крестьянам, имевшим паспорта. Однако он же ограничивал права самовольных переселенцев из бывших помещичьих крестьян. Впоследствии подобные законодательные акты были приняты и в отношении других приуральских губерний.

Переселение в Сибирь в этот период было незначительным. Несколько больший интерес государство демонстрировало к дальневосточным окраинам империи. Так, в 1861 г. крестьяне получили право переселяться в недавно присоединенный Амурский край и Приморскую область, а в 1866 г. – в Уссурийскую область. Но даже это стратегически обусловленное переселение не имело государственной поддержки. Единственным исключением стал Алтайский край, кабинетские заводы которого нуждались в рабочей силе, но и здесь государственная поддержка была незначительной.

К середине 1870-х гг. число самовольных переселенцев в приуральских губерниях увеличилось настолько, что многие стали уходить за Урал. Помимо них на землях Западной Сибири оседали переселенцы, следовавшие на Дальний Восток. С учетом этого обстоятельства 9 ноября 1876 г. правительство приняло постановление «О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давнего времени» [Полный сборник..., 1876, ст. 56571].

Можно констатировать, что к концу 1870-х гг. правительство объективно не могло справиться с растущим самовольным переселением, сталкиваясь с необходимостью укрепления все расширявшихся рубежей империи, невозможного без заселения и хозяйственного освоения новых территорий.

На дальнейшее развитие процесса переселения непосредственное воздействие оказала ситуация 1879–1880 гг., оцениваемая в советской историографии как «революционная». Крестьянские волнения, охватившие практически все южные и центрально-черноземные губернии, вынудили правительство пересмотреть систему выкупных платежей и ослабить жесткие правила, касающиеся переселений. При поддержке крупных землевладельцев-помещиков, резонно опасавшихся «бунта», правительство представило Александру III «Временные правила о переселении крестьян на свободные казенные земли», утвержденные им 10 июля 1881 г.

Всё последующее десятилетие количество самовольных переселенцев непрерывно росло, постоянно превышая масштабы санкционированного процесса. В 1883 г. под давлением ситуации подавляющая часть губернаторов высказалась за принятие более продуманного и либерального закона.

Закон от 13 июля 1889 г. стал краеугольным камнем крестьянской колонизации Акмолинской области, Сибири и Дальнего Востока. В соответствии с ним в Tobольской и Томской губерниях, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях переселенцы получали государственную землю сразу в бессрочное пользование, без права отчуждения (т. е. она оставалась собственностью государства). Нормой закона была круговая порука. За пользование землей предусматривалась подушная подать, вскоре замененная государственной оброчной податью. В целом закон давал крестьянам, желавшим изменить свою жизнь, столько преимуществ по сравнению с переселенцами, водворявшимися в восточных и южных губерниях Европейской России, что они перевешивали все тяготы пути и трудности обустройства в местах водворения. Данный закон действовал вплоть до 1904 г.

Значительное влияние на рост числа переселенцев оказала деятельность Сибирского комитета под руководством председателя Кабинета министров Н. Х. Бунге, с 1892 г. активно занимавшегося организацией переселенческого движения [Кауфман, 1898, с. 273].

С. Ю. Витте
[Азиатская Россия, 1913, т. II].

А. Н. Куломзин
[Азиатская Россия, 1913, т. I].

Еще одним фактором, оказавшим благотворное влияние на крестьянскую колонизацию Сибири, стала постройка Сибирской железной дороги. Инициатором строительства выступил С. Ю. Витте – министр путей сообщения (с 1892 г.). Образованный в 1893 г. Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД), огромную роль в деятельности которого сыграл управляющий делами Комитета А. Н. Куломзин [Азиатская Россия, т. I, с. 461], фактически определил направления и механизмы переселения за Урал на десятилетия вперед. Роль КСЖД в развитии Сибири, столь неоднозначно оценивавшаяся дореволюционной и советской историографиями (см., например: [Кислинский, 1902; Богданович, 1990]), безусловно, велика.

Именно строительство железной дороги обеспечило относительно быструю и дешевую переброску значительных людских масс на восток, а часто и давало переселенцам работу. Так, 16 апреля 1896 г. было принято постановление, поощрявшее заселение прилегающих к Сибирской железной дороге районов. Оно упрощало порядок выдачи разрешений и давало право на льготный проезд по железной дороге лицам, следующим в эти районы. На остальную часть Азиатской России постановление не распространялось.

Дальнейшее развитие процесс переселения получил с учреждением в 1896 г. Переселенческого управления при Министерстве внутренних дел (министр – И. Л. Горемыкин), фактическим руководителем которого был А. В. Кривошеин, впоследствии назначенный министром земледелия (1908–1915).

Отдельно следует сказать о землеустроительных органах. Объем их работы был колоссален: только за 9 лет (1896–1904) в Сибири водворилось более 1 млн человек [Ставровский, Алексеев, 1906, с. 1–2]. Деятельность этих органов не обходилась без откровенных просчетов, но уровень квалификации персонала был достаточно высок, как, впрочем, и степень ответственности чиновников, ими управлявших. Структура землеустроительных органов, сложившаяся в первые 15 лет XX столетия, была отлаженной, разветвленной и вполне самодостаточной.

И. Л. Горемыкин
[Азиатская Россия, 1913, т. I].

А. В. Кривошеин
[Азиатская Россия, 1913, т. I].

П. А. Столыпин
[Азиатская Россия, 1913, т. I].

Западно-Сибирская железная дорога (начало XX в.)
[Азиатская Россия, 1913, т. I].

Новый этап, отмеченный наибольшей степенью проработки системы переселения, водворения и землеустройства крестьян, начался с принятием 6 июня 1904 г. «Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев». По нашему мнению, их принятие и последовавшая столыпинская реформа не были сиюминутной реакцией правящих классов на развитие революционной ситуации начала XX в. Действительно массовые крестьянские волнения, вспыхнувшие на юге России, особенно в Малороссии (Полтавская, Харьковская, Черниговская губернии), чрезвычайно обеспокоили и напугали правительство. Но это лишь ускорило принятие готовившихся законодательных актов. Деятельность Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и Особого совещания по переселенческому делу при правительстве, Сибирского комитета правительства и Переселенческого управления Министерства внутренних дел создали прочную основу для осуществления реформы.

Законом от 6 июня 1904 г. правительство поощряло желающих заниматься хлебопашеством и водворяться в районах, опре-

Переселенцы (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 479].

деленных в связи с государственными нуждами. Лояльно закон относился и к тем крестьянам, которые переселялись из мало-земельных губерний. Этим двум категориям переселенцев были гарантированы льготы и материальная помощь со стороны правительства. Те же, кто избирал места водворения по своему желанию, никакой государственной поддержки не имели, но власти им и не препятствовали. Термин «самовольные переселенцы» отныне к ним не применялся.

Закон не был идеальным. Он утвердил сложную процедуру получения разрешений на переселение от губернской и уездной крестьянской администрации, ставил обязательным условием посылку ходоков для выбора земли именно в тех районах, заселение которых рекомендовало правительство, накладывал иные ограничения. Таким образом, разрешив широкое переселение, власти предусмотрели сохранение за собой всех рычагов для его регулирования.

В новый закон практически неизменными вошли статьи закона 1889 г., определявшие условия водворения и землеустройства, права переселенцев и формы землепользования. Новой являлась статья, позволявшая новоселам требовать выделения земельных наделов в хуторские отруба (если это не причиняло ущерба остальным переселенцам). По сути, данное положение было направлено на поддержку зажиточных новоселов, составивших в дальнейшем гонимое и проклинаемое при советской

Автомобиль Переселенческого управления (начало XX в.)
[Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 469].

власти кулачество. Закон отменял круговую поруку и ориентацию на традиционную общину. В остальном он сохранял старые порядки: оберегал экономические интересы помещиков в ущерб общегосударственным, допускал только разрешенное переселение и разделял переселенцев на поощряемых и непоощряемых (самовольных). Тем самым закон отодвигал на задний план важнейшую задачу заселения окраин с целью развития производительных сил страны.

Окончательное оформление законодательства, регулирующего переселение и землеустройство в Сибири, произошло после подписания указа от 9 ноября 1906 г. Несмотря на то, что его действие на территорию Сибири не распространялось, правительство активно поощряло действия местных властей и Переселенческого управления, направленные на поддержку зажиточных переселенцев и землепользователей вообще. Землеустройство на вновь осваиваемых землях проводилось масштабно, имея своей особенностью ориентацию на поддержку хуторского (отрубного) землепользования [Скляров, 1962, с. 304–311]. Система эта, постоянно модернизируемая, просуществовала вплоть до 1920 г., когда на территории Сибири окончательно утвердилась советская власть.

Подводя итоги огромного по своей значимости переселенческого процесса, следует подчеркнуть, что именно он явился

Ручная корчевка (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I].

той основой, на которой зиждилось все развитие Сибири в XX столетии. Создание разветвленной транспортной инфраструктуры в лесостепной полосе Западной Сибири определило развитие сельскохозяйственного производства, сопряженного с первичной (и не только) переработкой продукции, промышленным производством (в том числе машиностроительным). Фактически жизнь региона (его сельской части) шла по дорогам, проложенным во времена «загнивающего царизма», в той же структуре поселений и сельскохозяйственных занятий.

После победы октябрьской революции в России были установлены новые земельные отношения, основанные на государственной собственности на землю. С первых дней своего существования Советское правительство уделяло значительное внимание вопросам перестройки земельных отношений, крестьянского землепользования и землеустройства. Главной задачей было ликвидировать старый строй и заложить принципиальные основы аграрной политики новой власти.

Для Сибири выработка и проведение четкой аграрной политики имели огромное значение. Для региона в целом было харак-

Временные жилища переселенцев (начало XX в.)
[Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 482].

терно относительное многоземелье, наличие фонда свободных земель, существование de-facto вольнозахватного права на землю. Сельское хозяйство дореволюционной Сибири отличалось значительным проникновением и развитием капиталистических отношений. Это привело к более глубокой классовой дифференциации сибирского крестьянства по сравнению с другими регионами страны.

В «Декрете о земле» — одном из первых законодательных документов Советской власти — провозглашался переход всей земли во всенародное пользование и формулировалось положение об уравнительности землепользования. Основные идеи декрета были развиты в «Положении о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» от 1919 г. В нем отмечалась направленность землеустройства на постепенное обобществление землепользования, предусматривалось широкое проведение землеустроительных работ по устройству колхозов, устранение неудобств в землепользовании (чересполосица, дальнотелье и др.). В положении впервые нашел отражение тезис о первоочередности землеустройства колхозов.

Следующий этап в развитии системы советского землеустройства начался с переходом от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Закон от 22 мая 1922 г. «О трудовом землепользовании» покончил с уравнительными принципами распределения земель и объявил свободу выбора форм землепользования (принят на третьей сессии ВЦИК IX созыва). Этот закон лег в основу «Земельного кодекса РСФСР», принятого на четвертой сессии ВЦИК 30 октября 1922 г. Кодекс регулировал земельные отношения в период восстановления народного хозяйства после Гражданской войны, оформлял основы взаимоотношения государства с трудовыми землепользователями, обеспечивая устойчивость и защиту их прав.

С октября 1917 г. и до 1 декабря 1922 г. (до введения в действие «Земельного кодекса РСФСР») все землеустройство, за исключением натуральных повинностей, финансировалось по госбюджету в безвозвратном порядке. Таким образом, до этого момента советское землеустройство практически было продолжением «стольпинского», которое фактически полностью финансировало государство.

В кодексе основное внимание уделялось землепользованию единоличных крестьянских хозяйств в рамках общины. По нему все члены земельного общества участвовали в общем сходе и могли быть избраны в состав сельской администрации. При этом земельные общества решали все земельные вопросы. За соблюдением обществами законов наблюдали волостные исполнительные комитеты. Был установлен минимальный размер хозяйства, до которого возможны разделы, а также минимальный срок переделов (он, правда, колебался в зависимости от системы севооборота) в 3 севооборота. В пределах волости подлежали регистрации все без исключения отдельные земельные участки. Регистрацию проводил Народный комиссариат земледелия (НКЗ) и его местные органы.

Землеустроительные работы осуществлялись местными землемерами, получившими весьма широкие полномочия. Они могли составлять и исполнять проекты землеустройства без предварительной проверки землеустроительными органами. Земельные споры разрешались в волостных, уездных и губернских земельных комиссиях. Волостные земельные комиссии состояли при волостных исполнительных комитетах, а споры рассматривались в порядке состязательного процесса. За выполнение земле-

Саманные дома переселенцев (начало XX в.)
[Азиатская Россия, 1913, т. I].

устроительных действий с заинтересованных сторон взималась плата, то есть финансирование землеустройства было построено по принципу самокупаемости.

Споры при внутриселенном и междуселенном землеустройстве находились в ведении волостных земельных комиссий, а уездная комиссия разрешала споры при междуволостном землеустройстве, а также землеустройстве советских и коллективных хозяйств.

В период становления системы советской власти (1917–1925 гг.) в Сибири (да и во всей России) правительство еще не уделяло столь явного внимания разграничению интересов беднейшего, среднего и зажиточного крестьянства. Советский аппарат на местах, в особенности в деревне, был зачастую некомпетентен в вопросах управления, поэтому «новые кадры» в деревенских советах соседствовали с представителями зажиточного крестьянства. Среди землеустроителей большинство составляли технические работники (землемеры, агрономы и др.) и управленцы среднего исполнительного звена, имевшие дореволюционное образование и опыт работы.

Это с сожалением констатировалось в документах РКП(б). В резолюции XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г. отмечалось: «Советский аппарат носит следы буржуазно-царистского прошлого, так как заполнен человеческим материалом, доставшимся от него в наследство» [Решения партии..., 1967, с. 367]. На XIII съезде РКП(б) были поставлены конкретные задачи: усилить и «освежить» существующий землеустроительный персонал, повысить квалификацию землеустроителей, постепенно изменить систему оплаты их труда, вовлечь «новые кадры» в культурно-

общественную работу в деревне, а подбор кадров землеустроителей осуществлять среди коммунистов и комсомольцев [Аграрная политика..., 1926, с. 61–62].

Несмотря на то, что основной сельского хозяйства в законодательстве все еще считалось единоличное крестьянство, постепенно большее внимание стало уделяться землеустройству колхозов и государственных учреждений – совхозов. В Постановлении ЦК РКП(б) от 9 февраля 1925 г. отмечалось, что одной из основных задач является скорейшее окончание землеустройства совхозов [Решения партии..., 1967, с. 448]. Так, в «Положении о кредите на производство землеустроительных работ» от 22 сентября 1924 г. кооперативы и товарищества получили значительное преимущество: им выдавалась ссуда в размере 90 % стоимости землеустроительных работ, тогда как индивидуальным землепользователям – лишь 75 % [Сборник..., 1954, с. 189].

Уже в 1926–1927 гг. позиции правительства и власти в целом весьма укрепились, чему в немалой степени способствовали новая экономическая политика и применение земельного кодекса 1922 г. Следствием стала закреплённая решениями XV съезда ВКП(б) смена генеральной линии в отношении землепользователей и установление классового подхода: подавление зажиточного крестьянства (кулачества), пока еще лояльное отношение к середнякам и полноразмерная поддержка бедняцких хозяйств и колхозов. При этом более 60 % хозяйств сибирской деревни были зажиточными и середняцкими [История социалистической..., 1976, с. 48, 122; ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 134, л. 429].

Таким образом, мы можем констатировать, что в конце первой четверти XX в. завершился многолетний период переселения и землеустройства, основанный на принципах поощрения свободной инициативы российского крестьянства и стремления его к лучшей жизни, созданной собственными руками, смекалкой и умом.

Глава 3

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МАССИВОВ И ЭТНОЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

3.1. Сибирские чуваш

Трудно достоверно обозначить дату первых переселений чувашей на сибирскую землю. Можно лишь предположить, что чувашские переселенцы прибыли в Сибирь одновременно с русскими землепроходцами еще во времена Ивана IV [Дмитриев, 1975, с. 124–129]. Но уже XVII в. мы можем уверенно принять за точку отсчета участия чувашей в заселении Сибири: именно с этого времени все чаще встречаются упоминания о приездах торговцев-чувашей в Зауралье [Преображенский, 1956, с. 124]. Однако следует отметить и то обстоятельство, что еще в конце XVI в., после поездки Кучума в Казань, с ним в Сибирь пришли служилые чуваша [Томилов, 1981, с. 69]. Имеются также сведения о более ранних появлениях чувашей на сибирской земле, а также об их участии в формировании искро-тобольской группы сибирских татар [Томилов, 1981, с. 70, 248].

Первые переселения были весьма немногочисленными и в силу своей стихийности и нерегулярности не могли играть системообразующей роли в формировании сибирских чувашских групп. Поэтому говорить о начале складывания чувашского массива в Западной Сибири мы можем лишь применительно к концу XIX в.

Именно тогда, в 1880-х гг., сложились следующие объективные предпосылки для миграции чувашей из Поволжья в менее населенные районы Российской империи:

1. Отмирание запретительной крепостнической системы.
2. Высокая плотность населения в северных и северо-западных районах Чувашии.
3. Невозможность дальнейшего расширения возделываемых земель в Чувашии.

4. Сокращение лесных массивов Чувашии.

По переписи 1897 г., в Тобольской и Томской губерниях насчитывалось 3 447 чувашей обоего пола [Патканов, 1911]. Они проживали в Ишимском, Курганском, Тарском, Тобольском, Тюкалинском, Тюменском и Ялуторовском округах Тобольской губернии, Барнаульском, Бийском, Змеиногорском, Каинском, Кузнецком, Мариинском и Томском округах Томской губернии.

На ход процесса заселения Сибири чувашами огромное влияние оказали развившееся отходничество и аграрная политика, проводимая правительством П. А. Столыпина.

О масштабах отходничества говорят следующие цифры: если с 1895 г. по 1900 г. в Чувашии крестьянам-отходникам было выдано 14 962 паспорта, то в 1901–1905 гг. – уже 19 473 паспорта [Любимов, 1948, с. 79].

В соответствии с императорским указом от 9 ноября 1906 г., Переселенческое управление землеустройства при Совете Министров начало организованное переселение крестьян из европейской части Российской империи в Сибирь. Так, крестьянам-переселенцам из Казанской губернии предоставлялись земельные наделы в Тобольской, Томской и Иркутской губерниях. При этом учитывалось, что в XIX в. чувашаи уже расселились по Тоболу, Иртышу, Енисею и рекам Дальнего Востока [Никольский, 1928, с. 20.].

На территории Западной Сибири чувашаи проживали как совместно с русскими, мордвой и марийцами, так и однопациональными селениями. В конце XIX в. это были д. Уваровка (1888 г.) Аевской волости Тарского округа, д. Ермаковка (1892 г.) Бутаковской волости, пос. Ново-Никольский Слободчиковской волости того же округа, пос. Ново-Архангельский Семилужской волости Томского округа, д. Яй-Бобровка Спасской волости и Сидоровский заселок Чаусской волости Томского округа, деревни Чувашская и Чебаки, пос. Нижне-Назаровский Шипицинской волости Каинского округа.

Однако количество переселенцев из Поволжья в Сибирь в конце XIX в. было невелико. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Томского губернского земельного управления о переселенцах, проследовавших через Томскую губернию в 1884–1893 гг. [ГАТО, ф. 3, оп. 48, д. 175, л. 201]. К сожалению, отчетные данные тех лет не всегда содержат сведения о национальном составе переселенцев, хотя их национальная прина-

длежность, несомненно, учитывалась при водворении на те или иные земельные участки.

За неимением прямых статистических данных на 1906–1917 гг., о масштабах переселения чувашей в Сибирь в период осуществления столыпинской аграрной реформы мы можем судить по динамике численности чувашского населения в Тарском уезде Омской губернии (в границах бывшего Тарского округа Тобольской губернии) за 1897–1920 гг. Если в 1897 г. здесь насчитывалось 442 чуваша [Патканов, 1911, с. 2–3], то в 1920 г. их численность составила 2 081 человек [Итоги..., 1923, с. 81].

За это время к уже имевшимся селениям чувашей добавились следующие населенные пункты: в границах современной Тюменской области – Агалья (конец XIX в.), Ново-Александровка (1900-е гг.), Поляновка (1912 г.); в пределах современной Омской области – Новоекатериновка (конец XIX в.), Казанка (конец 1890-х гг.), Евгеньевка, Чистяки, Сергеевка, Новоказанка (начало XX в.); в Новосибирской области – Новониколаевка, Новопокровка (начало XX в.) и Витинск (1910-е гг.) [Колесников, 1966, с. 101–102].

Самая мощная волна переселений чувашей из Европейской России в Сибирь пришлось на 1921–1929 гг. Именно тогда отмечено «массовое стремление населения Европейской России к переселению в Сибирь» [ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 396, л. 81]. Масштабы переселений ограничивались: в 1922 г. планировалось принять 170 тыс. переселенцев, в том числе в Омскую и Новониколаевскую губернии по 25 тыс. человек [ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 398, л. 31].

Согласно письму ВЦИК от 28 июня 1921 г., большинство переселенцев из Чувашии должны были водворяться в Енисейскую губернию [ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 396, л. 65]. Помимо этого, им предоставляли участки в Новониколаевской и Омской губерниях, а также в Зауралье, на территории Уральской (современной Тюменской) области. Однако многие люди переселялись вне плана, самостоятельно [ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 398, л. 31].

В Новониколаевской губернии чувашским переселенцам выделяли земельные участки в границах современных Колыванского, Кыштовского и Усть-Тарковского районов Новосибирской области [ГАНО, ф. 209, оп. 1, д. 492, л. 29, 32; ф. 9, оп. 1, д. 65, л. 373], в Омской губернии – на территории современных Любинского, Муромцевского и Тарского районов Омской области

[ГАО, ф. 209, оп. 1, д. 492, л. 23; ф. 209, оп. 1, д. 650, л. 267, 275, 277], в Уральской губернии – в пределах современных Нижне-Тавдинского и Ярковского районов Тюменской области [ГАТюО, ф. 163, оп. 1, д. 2, л. 91–92; ф. 163, оп. 1, д. 30, л. 15]. Ими были основаны следующие населенные пункты: в Омской области – деревни Мошканка (1923 г.), Выборненовка (1924 г.) и Соло-ревка (начало 1920-х гг.); в Тюменской области – Иска (начало 1920-х гг.), Канаш (1922 г.), Михайловка (1921 г.), Петрунькино (1923 г.). Во многих вновь образованных селениях жители объединялись в добровольные товарищества по обработке земли [ГАО, ф. 209, оп. 1, д. 650, л. 267, 373, 383].

Материалы окружных, губернских и краевых земельных управлений не содержат сведений о районах выхода переселенцев из Чувашии и Поволжья, поэтому трудно определить их этногрупповую принадлежность. В целом деятельность указанных учреждений, как и работа предшествовавшего им Переселенческого управления Министерства внутренних дел, привела к тому, что за тридцать лет, прошедших со времени первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность чувашей на описываемой нами территории Западной Сибири возросла многократно [Всесоюзная..., 1929, с. 68–87].

Несмотря на то, что границы административных округов 1926 г. не совпадают полностью с границами округов 1897 г., территории, занимаемые ими в целом, практически адекватны, что позволило провести сравнение, показывающее рост численности чувашского населения более чем в 12 раз.

Итогом двух переселенческих потоков чувашских мигрантов в Сибирь явилось формирование чувашского массива в западной части этого региона. Все последующие подвижки населения – в годы Великой Отечественной войны и после нее – не произвели сколько-нибудь значительных изменений в его территориальной структуре. Что же касается динамики численности чувашей в 1930–1940 гг., то ее проследить невозможно из-за недоступности важнейшего статистического источника по данному периоду – материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г.

Обратиться сразу к переписи 1959 г. Однако и здесь нас ждет разочарование: по какой-то причине в итогах переписи не указано количество чувашей в Новосибирской, Омской и Тюменской областях, а в Кемеровской, Томской областях и в Красноярском крае она составила 57 115 человек [Итоги..., 1963, с. 330]. По-

пытка восполнить недостающие данные архивными материалами не увенчалась успехом.

Точная численность чувашей в этих областях стала известна лишь из публикации итогов Всесоюзной переписи населения 1970 г.: она составила 30 250 человек. Из них 8 007 человек проживало в Новосибирской области [Итоги..., 1973, с. 107], 6 007 – в Омской области [Там же, с. 108], 16 236 – в Тюменской области [Там же, с. 121]. В Красноярском крае, Кемеровской и Томской областях в этот период насчитывалось 66 097 чувашей [Там же, с. 93, 120], т. е. прирост к 1959 г. составил 15,7 %.

К 1970 г. активно начало проявляться воздействие фактора миграции населения из села в город [Население..., 1971, с. 141; Рабинович, Шмелева, 1981, с. 36]. Так, если в 1897 г. горожанами были 1,6 % чувашей Западной Сибири, а в 1926 г. – всего 2,9 %, то в 1970 г. эта цифра составила 29,7 %.

В 1960–1980-х гг. значительно изменились не только численность чувашей Западной Сибири, но и их расселение. В результате улучшения хозяйственно-экономических условий жизни сельское население страны приобрело большую, нежели ранее, миграционную подвижность [Брук, Кабузан, 1982, с. 18]. Помимо миграций, обусловленных личными причинами – переездами в связи с учебой, женитьбой или замужеством и т. д. – значительную роль (особенно в конце 1950 – начале 1960-х гг.) стали играть миграции, вызванные внешними причинами – укрупнением хозяйств и реорганизацией машинно-тракторных станций. Часть селений сибирских чувашей слились в крупные хозяйства, которым был придан статус отделений или ферм. Их жители нередко переезжали на центральные усадьбы хозяйств. Подобные перемещения привели к еще более дисперсному расселению чувашей, что ускорило этноассимиляционные процессы. На такую зависимость указывал Б. М. Эккель [1976, с. 36], говоря о значительном уменьшении первоначально высокого индекса мозаичности Омской области в результате этих процессов.

Наиболее дисперсно расселены чуваше в Новосибирской и Омской областях. Например, лишь в трех из десяти селений Новосибирской области доля чувашей является преобладающей (более 60 %), в остальных она значительно меньше.

Для Тюменской области характерно относительно более компактное проживание чувашей в иноэтничной среде, что объяс-

няется их кустовым расселением при плановых переселениях 1920-х гг. При этом часть таких поселений сохранила практически гомогенный национальный состав, который, однако, в последние десятилетия все более размывается под воздействием иноэтничных мигрантов.

Одно из проявлений процесса дальнейшего «распыления» сибирских чувашей – прогрессирующее исчезновение чувашских селений. За последние годы только в Омской области исчезли населенные пункты Уваровка, Новоказанка, Черемшанка, Евгеньевка, Сергиевка и Чистяки. На грани исчезновения находятся деревни Малиновка, Новопокровка и Ивановка в Новосибирской области. Слилась с русским селом Велижаны деревня Иска в Тюменской области.

Местные уроженцы среди опрошенных нами сибирских чувашей в среднем составили лишь 55,3 % (показатель варьирует от 27,3 до 86,8 % в зависимости от возраста и пола). Здесь необходимо сделать следующее замечание: очень низкий процент местных уроженцев в возрастной группе 60 лет и старше объясняется тем, что значительная часть респондентов привезена в Сибирь родителями при переселении. Это подтверждает высокий удельный вес в указанной и других старших возрастных группах людей, проживающих в данном населенном пункте свыше 10 лет. Та же зависимость прослеживается во взаимосвязи возрастной структуры мигрантов с качественной характеристикой миграций (внутрирайонные, внутриобластные, межобластные).

Круг причин этих миграций достаточно ограничен: переезды с родителями во время переселения, семейные обстоятельства (замужество, реже – женитьба, переезды к родственникам или родителей к детям), производственная необходимость (перевод специалистов, распределение после учебы и т. п.), переезды в связи с укрупнением хозяйств.

Чрезвычайно любопытными оказались для нас результаты анализа исходных пунктов миграционных потоков. Практически во всех селениях оказались переселенцы из трех культурно-этнографических ареалов Чувашии. Среди опрошенных чувашей Тюменской области не оказалось ни одного мигранта из Новосибирской или Омской областей, и наоборот. Для чувашей Новосибирской и Омской областей не существует границ – взаимные миграционные потоки давно и надежно существуют.

Все вышесказанное позволяет нам выделить в Новосибирской, Омской и Тюменской областях две этнолокальные группы чувашей – новосибирско-омскую и тюменскую.

Таким образом, в истории расселения чувашей в обследованных областях Западной Сибири и формировании здесь их этнических групп прослеживаются четыре периода.

Первый период – конец XVI – третья четверть XIX в. – характеризуется отдельными случайными переселениями чувашей, оказавшими определенное влияние на этническую историю некоторых групп коренного населения Западной Сибири.

Второй период – середина 1880-х – 1905 г. – начало активного проникновения чувашей в Сибирь; основание первых чувашских селений в юго-западной Сибири, что положило начало современному национально-территориальному размещению западносибирских чувашей.

Третий период – 1906 – начало 1930-х гг. – можно разделить на два этапа: 1) 1906–1917 гг.; 2) 1920-е – начало 1930-х гг. Первый этап связан со столыпинской аграрной реформой и деятельностью Переселенческого управления. Содержание данного этапа определяется мощными миграционными потоками из Поволжья в Сибирь и расселением чувашей в привычных лесистых районах Тобольской и Томской губерний, а также в других губерниях Западной и Восточной Сибири. Второй этап фактически является продолжением первого. Он прошел под знаком переселенческой и землеустроительной деятельности Наркомзема РСФСР. В ходе всего третьего периода чувашский массив в Западной Сибири оформился территориально, в результате чего были заложены основы для формирования двух этнолокальных групп западносибирских чувашей – новосибирско-омской и тюменской.

Четвертый период тоже можно разделить на два этапа: 1) середина 1930 – начало 1950-х гг.; 2) середина 1950 – 1990-е гг. Основной особенностью первого этапа являлись подвижки населения в результате коллективизации сельского хозяйства и Великой Отечественной войны. Второй этап более многозначен. Он характеризуется возрастанием миграционной активности сельского чувашского населения в связи с преобразованиями в экономике страны в послевоенный период, резко возросшими темпами урбанизации населения, а также административно-хозяйственными изменениями в сельском хозяйстве и связанных с ним структурах.

Достаточно продолжительное существование дисперсно расселенных групп сибирских чувашей в значительном географическом удалении друг от друга привело к формированию двух этнических групп, изолированных одна от другой.

Длительное проживание чувашей Западной Сибири в условиях точечной дисперсии в инонациональной (в основном русской), активно воздействующей среде не могло не привести к языковым и этнокультурным изменениям, речь о которых пойдет в следующих главах.

3.2. Немцы Сибири

Немцы, несомненно, находились среди первых переселенцев в Сибирь. Они активно участвовали в колонизации этого края вместе с русскими. Много немцев было среди сибирского чиновничества, офицеров, священников, учителей, архитекторов, музыкантов, купцов и ремесленников. Уже к концу XVIII века в Барнауле, Томске, Тобольске и Омске существовали лютеранские приходы.

Практически все «служивые» немцы первой волны весьма скоро и охотно ассимилировались, попав в среду, в которой нормой была этническая и веротерпимость, та самая толерантность, которая присуща сибирской общности в целом и до сего дня.

Безусловно, история сибирских городов немыслима без немецких фамилий. Однако основную массу немцев Сибири составило сельское население, так называемые «немецкие колонисты». Именно они сыграли основную роль в образовании существующих в настоящее время сибирских немецких групп.

Переселение немцев в Сибирь явилось продолжением и завершающим этапом их движения на восток. Постоянный приток иностранцев в Россию, особенно усилившийся в петровскую эпоху, получил новое направление в царствование Екатерины II. Для освоения пустующих земель Поволжья, а позднее, после успешных войн с Турцией, районов на юге России, необходимо было земледельческое население. 4 декабря 1762 г. Екатерина II издала Манифест «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу». Несколько позже, 22 июля 1763 г., был издан более подробный документ,

гарантирующий эмигрантам надежное будущее – «Манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться, в которых губерниях они пожелают, и дарованных им правах» [Смирнова, 2002, с. 21]. Нужно заметить, что при существовавшем в России крепостном праве не могло быть и речи о переселении сколько-нибудь значительных масс русского крестьянства.

Несмотря на то, что приглашались в Россию все иностранцы, основную массу колонистов составили немцы из западных княжеств Германии: Эльзаса – Пфальца, Гессена, Вюртемберга и др.

Условия в местах предполагаемого поселения колонистов были весьма непростыми, поэтому Екатерина II дала переселенцам значительные привилегии. Казенные земли они получали бесплатно. Им давали деньги на переезд и ссуды на обустройство хозяйства. На 30 лет их освобождали от налогов и всех видов повинностей, в том числе от воинской службы, сохраняли самоуправление и свободу вероисповедания [Pahn, 1975, s. 6; Смирнова, 2002, с. 22].

Благодаря этим привилегиям и активной деятельности вербовщиков в Россию хлынул поток переселенцев. В 1764–1767 гг. из Германии в Россию эмигрировали от 23 до 29 тыс. человек. Небольшая часть переселенцев осела вблизи Петербурга, остальные выбрали для колонизации Волжскую область и земли вокруг г. Саратова [Eisfeld, 1992, s. 10; Плеве, 1998; Смирнова, 2002, с. 22]. Вскоре началось освоение немцами-колонистами южных окраин России.

Новые льготы были дарованы колонистам при Павле I и Александре I [Eisfeld, 1992, s. 22–29]. Число колоний на протяжении XIX в. быстро росло. Они добились значительных экономических успехов и уже к концу столетия встали перед проблемой малоземелья.

В немецких колониях России существовали две системы землевладения. В Поволжье, по образцу русской общины, прижилась система общинного землевладения с периодическими переделами земли. В результате происходило дробление наделов и рост количества малоземельных крестьян. На юге России действовал принцип единонаследия земли, поэтому здесь быстро образовалась масса крестьян, не имевших наделов. Кроме того, на юге, где товарно-денежные отношения были весьма развитыми, существовал слой предпринимателей, желавших приобрести

новые земли для расширения производства. Особенно зажиточными были меннониты. Именно они первыми начали осваивать восточные территории, Сибирь, где земля была дешевле.

Массовую миграцию немцев из Поволжья в Сибирь подтолкнули неурожай и голод 1891–1892 гг. Основными районами расселения немецких крестьян до столыпинской реформы была Акмолинская область, прежде всего – Омский, Акмолинский и Кокчетавский уезды, а также Славгородский уезд на Алтае. Немецкие села располагались компактно, в основном в районе 10-верстного степного пространства и по линии Петропавловск–Омск–Барабинск [Смирнова, 2002, с. 23]. Так, например, в Акмолинскую область в 1893–1896 гг. переселились 452 немецкие семьи численностью 3 057 человек [Кригер, 1991, с. 14]. В Омском уезде к 1897 г. их насчитывалось 3 315 человек (из 14 298 немцев, зарегистрированных в областях и губерниях за Уралом, т. е. 23 %) [Первая..., 1905, с. 4–6]. Образование новых селений интенсивно проходило и в 1903–1906 гг.

Следующим толчком к переселению немцев в Сибирь послужила столыпинская аграрная реформа. Основателями новых поселений были по большей части выходцы из Поволжья и Украины. Наиболее притягательным районом для переселенцев оставался Омский уезд Акмолинской области, где к 1914 г. проживало 20 198 немцев [Обзор..., 1915, с. 70]. Перед Первой мировой войной здесь было сконцентрировано больше немцев, чем где бы то ни было в азиатской части Российской империи. Появились новые немецкие села – Неудачино, Ново-Николаевка (Блюменфельд, Цветнополе), Романовка (Пришиб), Трубецкое, Ребровка, Гофнунгсталь, Литковка и др. [Смирнова, 2002, с. 25].

Особенностью немецких поселений было то, что крупные села окружало множество хуторов. Небольшие хутора насчитывали всего по 1–6 семей, более крупные из них тяготели к селам. Всего в Омском уезде было основано более 220 немецких поселков, большинство которых окружали хутора и выселки [Stumpp, 1964, s. 87–99].

Источники, характеризующие миграционные движения в среде российских немцев, позволили Т. Б. Смирновой выделить четыре основные группы переселенцев в Сибирь:

1. Безземельная беднота юга страны, батраки и издольщики, переселявшиеся с помощью общины и главным образом на казенные земли.

2. Бедные крестьяне-общинники из немецких деревень Поволжья.

3. Сыновья богатых колонистов («полных хозяев») или они сами, переселявшиеся на купленные или арендованные земли.

4. Предприниматели [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 44].

С началом Первой мировой войны их положение значительно ухудшилось, т. к. в России началась кампания против «немецкого засилья» [Смирнова, 2002, с. 26]. В 1915 г. были приняты «ликвидационные законы». Эмиграция в Сибирь перестала носить мирный, экономический характер. Её сменила полоса депортаций и насильственных переселений. Весной и летом 1915 г. в различные местности восточной России были выселены немцы из прифронтовой полосы Азовского побережья и Волынской губернии. Всего с 1915 по 1918 гг. в Сибирь было отправлено около 50 тыс. волыньских немцев [Stumpp, 1964, s. 41].

В сельских местностях только Омской губернии к 1923 г. проживало более 60 тыс. немцев [Итоги..., 1923, с. 65]. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., немецкие села имели повышенную удельную численность по сравнению с украинскими, русскими или казахскими селениями [Назарцева, 1993, с. 145].

Развитие районов, населенных немцами, шло по пути образования национальных территориальных автономий. Кроме АССР Немцев Поволжья в конце 1920-х гг. существовали немецкие национальные районы на Украине, в Грузии, Азербайджане, Крыму и на Алтае [Eisfeld, 1991, s. 14; Гербер, 1993, с. 139].

К концу 1930-х гг. этот процесс пошел вспять – в 1939 г. был упразднен Немецкий район на Алтае и все немецкие районы на Украине. В период коллективизации практически исчезли немецкие хутора. По сравнению с 1926 г., в 1939 г. средняя численность немецких сел выросла в 2,5 раза [Сигутов, 1993, с. 118].

Крутой поворот в судьбе российских немцев произошел в 1941 г. [Белковец, 2003; Смирнова, 2002]. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья», постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) определили места их расселения в Казахской ССР и Сибири. Однако эта волна имела иные принципы, условия и места расселения, в связи с чем исследуемый нами этнолокальный массив не претерпел количественных и качественных трансформаций.

В послевоенный период в Западной Сибири не происходило сколько-нибудь значительных изменений в территориальной структуре немецкого населения. Характер расселения немцев менялся лишь в результате хозяйственно-экономических преобразований – укрупнения населенных пунктов, ликвидации «неперспективных» деревень и т. д. В 1960-х гг., в результате проводившейся политики укрупнения и реорганизации хозяйств, этот процесс еще более усилился. Общая численность сел Омской области с преобладающим немецким населением снизилась до 100. Подобные процессы проходили в Новосибирской и Кемеровской областях.

На увеличение гетерогенности немецких населенных пунктов оказали влияние миграционные процессы. В послевоенный период для немцев была характерна пониженная миграционная подвижность. По данным нашего этносоциологического опроса, 71,8 % респондентов являются местными уроженцами [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 54].

Численность немецкого населения в Западной Сибири в последние десятилетия неуклонно росла. У немцев отмечен самый высокий естественный прирост среди народов и национальных групп Западной Сибири [Итоги..., 1973, с. 232–284; Итоги..., 1989, с. 219–292; Национальный..., 1991, с. 60, 68].

Однако в последнее десятилетие XX в. на численность немцев большое влияние оказали миграционные и эмиграционные процессы, активно изменившие и их территориальное размещение. Даже создание и воссоздание национальных районов (в 1991 г. восстановлен Немецкий район на Алтае с центром в с. Гальштатт, в 1992 г. образован Азовский немецкий национальный район в Омской области) не смогло остановить эмиграционный поток.

Резюмируя изложенное выше и опираясь на положения, обозначенные ранее [Смирнова, 2002, с. 32–33; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 56–57], можно выделить несколько этапов в истории формирования этнотерриториального массива немцев Западной Сибири.

Первый этап – начало XVIII – конец XIX в. – эпизодические переселения немцев в Западную Сибирь.

Второй этап – 1890-е – 1906 г. – активное проникновение немецких колонистов в Сибирь; основание первых немецких поселений в южных районах Западной Сибири; начальное формирование современного ареала расселения немцев в Сибири.

Третий этап – 1907–1913 гг. – переселение в результате столыпинской аграрной реформы; завершение формирования национально-территориального размещения немецкого населения Сибири в современных границах.

Четвертый этап – 1914–1940 гг. В 1914–1916 гг. началась насильственная депортация немцев в Сибирь (в основном это были волыньские немцы). До конца 1930-х гг. преобладали внутренние миграции, которые не носили интенсивного характера. Для этого этапа можно выделить два крупных эмиграционных потока, связанных с революцией (1917–1920 гг.) и коллективизацией (1929–1930 гг.).

Пятый этап – 1941–1944 гг. – насильственная депортация немцев Поволжья, Украины, Крыма и Кавказа, приведшая к значительному увеличению численности немцев в Западной Сибири.

Шестой этап – 1945–1956 гг. – переселение в Сибирь немцев, побывавших на оккупированных территориях, трудармейцев, спецпоселенцев и др.

Седьмой этап начался в 1990-х гг. и характеризуется подъемом эмиграционного движения в Германию. Место выехавших немцев занимают в основном вынужденные переселенцы из южных республик. Это приводит к ускорению и изменению этнических процессов в южных районах Западной Сибири.

3.3. Сибирские прибалты

Первые ссыльные лютеранского вероисповедания появились в Сибири еще в середине XVIII в. [Люткин, 1996, с. 17]. Во времена правления Елизаветы Петровны, а позднее Петра III и Екатерины II в Тобольском центре находились сосланные шведы и финны. Появлению же первой лютеранской колонии в Сибири содействовал указ императора Павла I о заселении Забайкалья уголовными преступниками, изданный в 1799 г. [Rizkova, 1938–1939]. Однако первоначально колония возникла не в Восточной, а в Западной Сибири. В начале XIX в. в Пановской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии была основана деревня Рыжково.

Деревня Рыжково с самого начала была назначена местом пребывания для ссыльнопоселенцев [Люткин, 1996, с. 17]. Однако первыми поселенцами там были финны, прибывшие по собс-

твенному желанию в 1803 г. Лишь с 1820 г. водворялись в Рыжково и ссыльные. По высочайшему повелению, последовавшему в 1845 г., эта деревня была назначена сборным местом лютеран, ссылаемых в Западную Сибирь [ГАОО, ф. 3, д. 4936, л. 138]. С 1845 г. к колонии начали причислять преступников-лютеран [Ядринцев, 1878, с. 3].

В начале XIX в. население Сибири активно пополнялось за счет ссыльных из европейской части России [Колесников, 1978, с. 4]. Среди ссыльных было немало лиц лютеранского вероисповедания. В результате неоднократных просьб лютеранских пасторов в 1845 г. по указу Николая I все ссыльные лютеранского происхождения должны были переселиться в Рыжково и впредь водворяться только в этой деревне, хотя до указа лютеране приписывались к Рыжковской колонии добровольно [Вийкберг, 1986а, с. 3; Лоткин, 1996, с. 19]. Тобольская губернская администрация выделила колонистам 18 тыс. десятин земли [Rizkova, 1938–1939].

К 1859 г. от главной колонии отделились 4 побочных: Казулино, Макарьево, Боярка и Бутаково [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, л. 138; Лоткин, 1996, с. 20]. Начался процесс постепенного распространения по Западной Сибири поселений прибалтов. В 1861 г. эстонцы основали деревню Ревель (Virukula), латыши – деревню Рига (Riga), шведы и финны из Финляндии – деревню Гельсингфорс (Helsingfors), а ижорцы и финны из Ингерманландии – деревню Нарва (Narva) [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, л. 197; Вийкберг, 1986а, с. 5; Лоткин, 1996, с. 21]. Материальное положение колонистов было сложным [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, л. 305–317; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 64], поэтому они нередко мигрировали из одного селения в другое.

В 1880–1890-х гг. начался этап добровольного переселения крестьян в Сибирь. Для развития переселенческого движения созрели как демографические (относительное перенаселение), так и социально-экономические предпосылки.

Значительная часть прибалтийских крестьян стремилась в европейскую часть России [Nigol, 1918, s. 14–24; Лоткин, 1996, с. 25; Маамяги, 1977, с. 7–16]. Сибирское направление переселения в этот период оставалось второстепенным [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 67–68].

1880–1895 годы, как справедливо указал И. В. Лоткин [1996, с. 28], ознаменовался бурным развитием капитализма в промыш-

ленности и сельском хозяйстве Прибалтики. В этих условиях усугубилось социальное расслоение латышского и эстонского крестьянства [Муравская, 1986, с. 59]. В Эстонии, например, 60–66 % крестьян не имели земли и кормились продажей рабочей силы [История..., 1966, с. 362]. Однако в связи с тем, что растущая промышленность развитых районов Прибалтики поглощала значительную часть рабочих рук, основную массу переселенцев в этот период составили жители Латгалии (Двинский, Режицкий и Люцинский уезды Витебской губернии) и Эстонии. Сугубая тяжесть их существования приводила к тому, что крестьяне бросали свое имущество и буквально бежали в Сибирь.

Существенно (о чем уже говорилось в предыдущей главе) содействовало процессу переселения строительство Сибирской железной дороги.

В 1897 г. в Сибири уже проживало 6 768 латышей и 4 082 эстонца [Патканов, 1911, с. 33, 44]. Большинство их осело в Тобольской губернии: 3 283 латыша (48,5 % проживавших в Сибири) и 2 047 эстонцев (50,1 %) [Лоткин, 1996, с. 27].

В 1896–1897 гг. переселенческое движение из Латвии и Эстонии в Сибирь достигло своего апогея [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 70]. В 1899 г. первые эстонские поселения появились и на Дальнем Востоке [Маамяги, 1970, с. 10; Вийкберг, 1986а, с. 8].

Переселялись в Сибирь и латгальские крестьяне, уходившие не только семьями, но и целыми деревнями [Лоткин, 1996, с. 28].

Подавляющее большинство прибалтийских крестьян в этот период переселилось самовольно [Прибалтийский..., 1899, № 79]. В дальнейшем стремление прибалтийских крестьян к переселению на восток стало жестко ограничиваться властями балтийских губерний России в связи со значительными масштабами внутрироссийских миграций и эмиграции за океан [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 70–71].

Иным было отношение царского правительства к заселению Дальнего Востока.

Всего с 1850 г. до начала XX в. из Латвии во внутренние губернии России и в Сибирь (не считая выбывших в Африку, США и Аргентину) переселилось 300 тыс. человек (15,5 % населения края) [Стродс, 1980, с. 191]. По данным переписи 1897 г., здесь находилось более 102 тыс. латышей, что составляло 7,1 % от общего их числа в Российской империи [Всеобщая..., 1905, XI].

Эстонцев к концу XIX в. во внутренних губерниях России и в Сибири насчитывалось 110 тыс. человек (11 % от общего числа эстонцев) [Vassar, 1975, s. 215].

В начале XX в. правительство стремилось направить колонизацию в таежные районы Тобольской, Томской и Енисейской губерний [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 72]. Это было связано с тем, что Ишимский и Тюкалинский уезды на 91–94 % были заселены, оставалось два направления – таежное и степное. Но районы Ишимской, Кулундинской, Барабинской и Бельагачской степей либо были абсолютно непригодны для освоения, либо заселены выходцами с Украины [Минжуренко, 1982, с. 199–211; Муравская, 1986, с. 89–90]. Сами же крестьяне смутно представляли себе, что ждет их в местах водворения, и тяготели к землям, заселенным земляками, с более привычными почвенно-климатическими условиями [Верещагин, 1982, с. 188–198].

Новый импульс переселениям прибалтийских крестьян в Азиатскую Россию придал указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший выход крестьян из общины. На этом этапе уже за 1907–1909 г. только из Курляндской и Лифляндской губерний в Сибирь переселилось более 6 тыс. человек. Как правило, новые участки для переселенцев из Прибалтики нарезались вблизи уже существовавших поселений прибалтов в Тобольской и Томской губерниях.

Именно эти два этапа и сформировали локальную этногрупповую структуру переселенцев из Прибалтики на территории Западной Сибири.

Дальнейшие миграции связаны с Первой мировой войной, оптационными соглашениями Советского правительства с властями прибалтийских республик, вызвавшими большой отток прибалтов из России. Но эти потоки уже не оказали существенного влияния на сложившуюся структуру прибалтийских этнолокальных групп Западной Сибири, т. к. беженцы селились в городах, а оптация затронула Сибирь незначительно. То же можно сказать и о депортациях латышей и эстонцев 1940-х гг.

Таким образом, миграции прибалтийского крестьянства определялись социально-экономическими, политическими, демографическими и культурными условиями, в которых находились латышская, эстонская и сибирская деревня.

В истории расселения латышей и эстонцев в Сибири можно выделить следующие этапы:

1. 1802 г. – середина 1880-х гг. – ссылка латышей и эстонцев в Сибирь.

2. Начало 1890-х – 1914 г. – добровольное переселение, часто сопровождавшееся обратным возвращением; ссылка уголовных и политических преступников.

3. 1914–1917 гг. – эвакуация в Сибирь промышленных рабочих и беженцев из прифронтовых зон.

4. 1920–1923 гг. – оптация латышского и эстонского гражданства и выезд в связи с этим в Прибалтику, а также реоптация.

5. 1940–1941 гг. и 1944 г. – конец 1950-х гг. – двухсторонние миграции: возвращение в Прибалтику латышей и эстонцев из других районов СССР после восстановления Советской власти в 1940 г.; депортации 14 июня 1941 г., эвакуация латышских и эстонских граждан с частями Красной Армии летом 1941 г. и их возвращение после изгнания оккупантов; высылка коллаборационистских, националистических и эксплуататорских элементов (главным образом, кулаков) в 1944 – начале 1950-х гг. с их последующим возвращением. В результате этих переселений в Западной Сибири сложились этнические группы латышей и эстонцев с самобытной материальной и духовной культурой и устойчивым этническим самосознанием.

В настоящее время численность сибирских латышей и эстонцев примерно одинакова: каждая из этих этнических групп насчитывает около 10 тыс. человек.

3.4. Украинцы Сибири

История освоения просторов Сибири украинцами насчитывает не одно столетие. Они пришли вместе с первыми русскими, осваивавшими этот обширный регион. Однако основной поток украинских переселенцев в Азиатскую Россию пришелся на конец XIX – первую четверть XX в.

Приступая к освещению вопроса о формировании этнолокальных массивов украинцев в Западной Сибири, автор вынужден оговориться. При исследовании материалов ревизий и переписей выяснилось, что точную численность украинцев («малороссов») в них выделить невозможно, т. к. нередко они входили в общую категорию – «русские». Во время переписей 1897 и 1917 гг. национальная принадлежность опрашиваемых

фиксировалась по таким показателям, как «родной язык» и «вероисповедание» [Украинцы, 2000, с. 75]. Даже С. К. Патканов в своем труде (в таблицах, в том числе сводной «Распределение населения Сибири по народностям») [1911, с. 2–11] не выделил украинцев в самостоятельную группу. Правда, в пояснении он дал информацию об общей численности украинцев в Сибири и главных районах их расселения. По переписи 1897 г. украинская диаспора Сибири и Дальнего Востока включала 223 274 человек, почти половина которых (99,3 тыс. чел.) проживала в Томской губернии [Брук, Кабузан, 1981, с. 24]. В Барнаульском округе украинцев было 50 310 человек (22,5 % украинской диаспоры), в Змеиногорском округе – 19 250 человек (8,6 %) [Скубневский, 1998а]. Украинское население Тобольской губернии составляло 37,8 тыс. человек [Брук, Кабузан, 1981, с. 24].

При проведении переписей 1917 и 1926 гг. украинцы учитывались уже не только по родному языку, но и по национальной принадлежности респондентов, что позволяет с большей достоверностью использовать эти источники.

Определить места выхода украинских переселенцев в Сибири достаточно сложно, однако, используя опыт предшественников, это выполнимая задача. Так, миграционные потоки конца XIX в. по губерниям уже были проанализированы Б. В. Тихоновым [1978]. По его данным, основная часть украинских переселенцев в эти годы шла в Западную Сибирь из губерний Левобережной Украины – Полтавской, Харьковской и Черниговской. Это подтверждают полевые материалы и данными иных источников [Омская..., 1966, с. 93; Скубневский, 1998а].

Данная тенденция в основном сохранилась и в дальнейшем. Лишь после начала Первой мировой войны в процесс переселений на восток включились украинцы Правобережной Украины (Киевщина, Подолия, Волынь). Но масштабы их переселений вплоть до конца 1920-х гг. были невелики.

Таким образом, к концу 1920-х гг. в Западной Сибири украинцы были расселены относительно крупными массивами на значительной территории современных Исилькульского, Калачинского, Нововаршавского, Полтавского и Таврического районов Омской области, а также Карасукского района Новосибирской области. Кроме того, огромный массив украинского населения сформировался на территории современного Алтайского края, в районах т. н. Степного Алтая (включая Кулундинскую степь).

Глава 4

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Изменения в материальной и духовной культуре этноса или его групп являются неотъемлемой составляющей этнических процессов. Значение материальной культуры для этноса как самовоспроизводящейся системы обусловлено той ролью, которую она играет в обеспечении его жизненных (витальных) потребностей. Не менее важно и то, что наиболее значимые элементы материальной культуры (жилище или пища) относительно более устойчивы к внешним воздействиям и изменениям социально-экономических условий, нежели некоторые другие элементы (одежда, средства передвижения).

Для нашего исследования изменения в материальной культуре этнодисперсных групп Западной Сибири представляют особый интерес, поскольку с модернизацией культурно-бытовых структур и элементов многие из них исчезают, другие же приобретают функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в многонациональной среде [Материальная..., 1989, с. 13].

Этнические процессы прежде всего представляют собой изменения культурной специфики этнических общностей. В научном обороте принято делить этнокультурные процессы на протекающие в сфере материальной или духовной культуры и изменения в соционормативной культуре. Для выявления основных тенденций развития этнокультурных процессов в каждой из исследуемых групп в соответствующем разделе данной главы дана краткая характеристика традиционной культуры (конец XIX – первая половина XX в.).

В нашем исследовании понятие «материальная культура» употребляется в наиболее узком, но традиционно чаще всего используемом смысле: материальные формы культуры, направлен-

ные на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, то есть на жизнеобеспечение. Это хозяйство, жилище, пища и одежда, а также орудия труда, предметы домашнего обихода и средства транспорта.

Как и любая другая подсистема культуры, материальная культура представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды. В материальной культуре находит отражение природно-географическая среда обитания данного этноса, уровень его экономического развития, общественная структура, окружение и другие конкретно-исторические условия. С изменением этих условий меняются и формы материальной культуры.

С одной стороны, в нашу задачу входит изучение этих изменений, произошедших вследствие миграций, аграрных реформ, политических преобразований и других факторов. С другой стороны, нам хотелось поделиться наблюдениями за стабильными элементами материальной культуры, ставшими этническими определителями.

4.1. Сибирские чуваш

Основу хозяйства чувашей традиционно составляло земледелие, базировавшееся на трехпольном севообороте [Никольский, 1956, ч. 1, с. 115–147; Дмитриев, 1986, с. 422–432; Фокин, 1985, с. 3–29]. Оно же легло в основу хозяйства чувашских переселенцев в Западной Сибири, благо климатические и природные условия в полосе их расселения немногим отличались от привычных. Несмотря на перенос в Сибирь применявшихся в Поволжье приемов и способов возделывания сельскохозяйственных культур, наметились и некоторые различия, связанные с приспособлением к конкретным природно-климатическим условиям западносибирской лесостепи. В связи с необходимостью расчищать площади под посевы чуваше вспоминали на время элементы давно исчезнувшей подсечно-огневой системы. Их применение одновременно обеспечивало переселенцев строевым лесом, дровами и материалом для сооружения поскотин и огородов. Зачастую для обработки земли объединялись вместе 2–3 семьи [МЭЭ ОмГУ, 1981, л. 1167–1169], совместно владевшие тягловым скотом и

сельскохозяйственными орудиями (наиболее характерно для переселенческой волны начала 1920-х гг.).

Другой особенностью хозяйства сибирских чувашей был отличный по составу и структуре набор возделываемых сельскохозяйственных культур. Основной зерновой культурой в чувашских хозяйствах Западной Сибири в первой трети XX в. являлась не рожь, как у чувашей Поволжья [Фокин, 1985, с. 8; 1988, с. 37], а пшеница. Обусловлено это было тем, что более долгая и холодная сибирская зима при относительно малоснежье не позволяла получать стабильные урожаи озимой ржи. Однако уже тогда имелись достаточно устойчивые сорта пшеницы сибирской селекции, рекомендованные агрономами Переселенческого управления.

Помимо пшеницы, занимавшей большую часть зернового клина, в сопоставимых с ней масштабах возделывались овес и ячмень. Роль овса для чувашей-сибиряков была тем более значительной, что скот большую часть года находился на стойловом содержании, а одной пшеничной соломы не хватало для его прокорма. Ячмень же практически полностью шел на внутрисемейные нужды, связанные с приготовлением пищи. В весьма незначительных количествах высевались просо, гречиха и горох, возделывание которых в данной климатической зоне представляет определенную трудность.

Кроме перечисленных выше зерновых культур, чувашаи Западной Сибири растили лен и коноплю. Практически повсеместно преобладал лен. Его выращивали в количестве, достаточном не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Конопля возделывалась как бы «походя», поскольку по всему лесостепному поясу Западной Сибири условия благоприятствуют ее хорошему росту и без специального ухода.

Помимо указанных традиционных культур огромное значение для сибирских чувашей приобрел картофель, дававший стабильные урожаи на супесчаных почвах северной лесостепи. Выращивали его на огородах, обильно удобрявшихся органикой. Сочетание сухих почв и навоза позволяло получать высокие урожаи здорового, годного к длительному хранению картофеля.

Основными сельскохозяйственными орудиями сибирских чувашей в конце XIX – первой трети XX в. были деревянный плуг (с начала 1920-х гг. появились однолемешные металлические плуги фабричного и кустарного производства), деревянная

(реже – железная) борона, коса-литовка, серп, цеп, катки (иногда применялись для обмолота). Во многих хозяйствах имелись са- модельные льномялки, но механические молотилки были чрезвычай- но редки.

Помимо земледелия у сибирских чувашей в различной степи были развиты животноводство и рыболовство. Охота же, несмотря на обилие дичи, никогда не играла сколько-нибудь значимой роли и существовала лишь на любительском уровне. Рыболовством в основном занимались дети или отдельные любители этого вида промысла. Занятие рыболовством было направлено лишь на удовлетворение внутрисемейных потребностей. Рыба вообще не пользовалась особым гастрономическим успехом у чувашей.

Животноводство у чувашей Западной Сибири развивалось по двум основным направлениям: разведение крупного рогатого скота и свиноводство. По рассказам наших информаторов, в 1920-е гг. даже считавшиеся бедными хозяйства имели корову. При этом редко какая семья могла содержать более 3–4 голов крупного рогатого скота: сказывался дефицит кормов, особенно сенажа. Объяснялось такое положение тем, что переселенческие участки нарезались по большей части в лесной местности, а луга уже были поделены ранее между старожилами. Свиноводство имело значительно более благоприятные условия для своего развития, поскольку немалая часть картофеля, выращиваемого в крестьянских хозяйствах, шла на корм свиньям.

Перейдем к домашним промыслам и хозяйственным занятиям чувашей Западной Сибири. Определяющее значение имела обработка льна. После уборки лен вымачивали, трепали трепалами, чесали щетями и пряли. Спряденное волокно перематывалось на выюшки, а с них – на цевки. Ткали на ткацком станке; холсты отбеливались на снегу. Помимо холстов изготавливали пестряди из ниток домашней окраски и шабурные ткани из конопляной пряжи. В основном же конопля шла на выделку кулей и рогож.

Лаптеплетение как вид домашнего промысла было распространено очень широко. Едва ли не в каждой чувашской семье плели лыковые или черемуховые лапти [МЭЭ ОмГУ, 1981, л. 5; 1982, л. 249].

Наиболее распространенным средством передвижения чувашей Западной Сибири была четырехколесная повозка с плетеным из лозы кузовом [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 8, 12]. Развитая специали-

1

2

Фрагменты полотенец, украшенные трафаретной печатью (2), вышивкой крестом и кружевом (1) (чуваши). Омская область, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*

зация в тележном производстве у сибирских чувашей так и не сложилась, поскольку с середины 1930-х гг. в их хозяйствах прочное место заняли разнообразные телеги и повозки, покупаемые у местного русского населения. Огромное влияние на этот процесс оказало участие чувашских крестьян в извозном промысле,

Лапти (чуваши).
Западная Сибирь,
I-я пол. XX в. Фонды
МАЭ ОмГУ. *Фото
автора.*

что в итоге и предопределило замену традиционных чувашских повозок на русские. В это же время в быт чувашей вошли лыжи, которыми пользовались в основном охотники.

В зимнее время главным средством передвижения были одноконные сани-розвальни (*шуна*), иногда изготовлявшиеся самими чувашскими крестьянами, но нередко покупные.

Особенности проживания чувашей в Сибири сказались и на их поселениях и жилище. Несмотря на то, что в одном поселке могли жить переселенцы из различных районов Чувашии, практически все деревни чувашей-сибиряков относятся к типу поселения чувашей-анатри. Они были расположены линейно, чаще всего вдоль небольших речек, что объясняется их поздним (относительно северо-западных районов Чувашии) возникновением [Дмитриев, 1986, с. 321]. Если же улиц было больше одной, то вторая располагалась под прямым углом к первой, чтобы не сокращать площадь огородов.

Жилые дома и хозяйственные постройки чувашаи Сибири традиционно возводили из красного леса. Чаще всего на эти цели шла сосна. Ель и лиственница применялись в строительстве гораздо реже. Сруб дома, как правило, состоял из двух частей, с последовательным расположением комнат [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 1, 46]. Нами зафиксированы также и однокамерные жилища, однако они чаще встречаются в малолесной зоне (деревни Выборненовка и Салоревка Омской области). Соединение бревен производилось рубкой «в угол» или «в крюк». Сени рубили отдельно от сруба, а затем их либо «прирубали» к срубу, либо притягивали железными скобами. Располагались сени обычно с торца дома, дверьми на улицу. Но уже в конце 1930-х гг. появились дома, сени которых прирубались к задней стене сруба.

Жилища сибирских чувашей имели двускатную крышу стропильной конструкции. Различия в покрытии крыш зависели от того, насколько зажиточной была семья, какой материал более доступен в местности, где возводился дом. Чаще всего крыли тесом, реже – дранью, еще реже – железом. Соломенные крыши чувашаи Западной Сибири, в отличие от чувашей европейской части России [Матвеев, 1986, с. 39–42], делали чрезвычайно редко. Нами зафиксированы также покрытия, выполненные из берестяных тисков.

Фронтоны крыш обычно зашивали тесом и раскрашивали «в елочку». Чаще всего фронтон, особенно если он выходил на ули-

Жилые дома—пятистенки (чуваш). Омская область, I-я пол. XX в.
Фотоархив МАЭ ОмГУ.

цу, делали в виде «бочки» (с углубленной центральной частью и округло зашитыми углами).

Окна повсеместно делали косячатыми, с обязательными наличниками, которые украшали пропильной резьбой. В начале 1920-х гг. изредка применялась резьба с выбранным фоном или трехгранновыемчатая. Позднее пропильная резьба с полихромной раскраской стала преобладать. Ставни на окнах редкость и сегодня, даже в смешанных русско-чувашских деревнях.

Снаружи избу обшивали тесом и иногда окрашивали масляной краской. Если же тес оказывался слишком дорог для хозяев,

Однокамерный жилой дом (чуваши). Омская область, I-я пол. XX в.
Фотоархив МАЭ ОмГУ.

то окраску производили по внешней поверхности бревен. В Чувашии же, как правило, отделку наружных стен не производили [Матвеев, 1986, с. 43–44]. Внутренние поверхности стен жилищ сибирские чуваши обмазывали глиной и белили.

Избы постройки начала XX в. ставили обычно прямо на землю. Пол в этом случае устраивали глинобитный либо просто земляной. Позднее стали делать дощатые полы, что было обусловлено суровым климатом. Пол выполняли на высоте 2–4 венца на поперечных балках.

Непременным элементом жилища сибирских чувашей была печь (*хамата*), сочетавшая в себе элементы русской печи и традиционный чувашский очаг. Топили печи в жилых помещениях только «по-белому» [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 46; 1987, л. 75]. От традиционной для Чувашии «белой» печи [Матвеев, 1985, с. 42; 1988, с. 57] печь сибирских чувашей отличалась несколько большими размерами, а также часто встраиваемыми в нее трубами – «воздухами», которые подавали тепло в заднюю комнату.

До середины 1960-х гг. непременной принадлежностью чувашской избы в Сибири были нары (встречаются и сегодня). Размещали их у стены, противоположной двери.

Жилые и хозяйственные постройки чувашей-сибиряков располагались в Г-образном или замкнутом П-образном дворе с глу-

Интерьер чувашской курной избы. Чувашия
[Чувашское народное..., 1981, с. 11].

хими воротами, ставившимися вплотную к дому. Хозяйственные постройки (амбар, конюшню, коровник, свинарник, стайку) ставили под одну крышу, которую крыли тесом или дранью. Иногда в одном ряду с ними ставили баню, но чаще она располагалась несколько поодаль от хозяйственных построек.

Баню, в отличие от других построек, выполненных преимущественно из красного леса, чаще рубили из осины. Топили ее, за редкими исключениями, «по-черному». Многие чуваш и сегодня предпочитают этот вариант устройства бани всем остальным.

Двор огораживали глухим дощатым или тесовым забором. Для огородов чаще всего устраивали прясло, плетни же ставили лишь со стороны улицы. Сами улицы обносили поскотинами.

Изменения, характеризующиеся смешением черт, присущих группам чувашей вирьял и анатри, не обошли стороной и одежду сибирских чувашей.

Основной женской плечевой одеждой чувашей Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в. была глухая полотняная рубаша-платье (*кебе*), имевшая прямой туникообразный покрой и

расставленный клиньями подол. Шили ее, как правило, из беленого льняного холста. Рукав платья делали обычно цельнокроеным, втачным на ластовице, иногда с манжетой. Обшлаг рукава обшивали цветной тесьмой [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 91, 124] или украшали вышивкой, выполненной нитками красного и черного цвета [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 108, 113; 1981, л. 18–21; 1987, л. 17]. Тесьму нередко вшивали в швы рукавов, ею же обшивали ворот (открытый или стойку) [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 85, 101–102, 113–114; 1982, л. 247]. Вышивка покрывала и часть полочки, примыкавшей к рукаву, а иногда и плечевую часть рукава [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 124]. Наиболее богато украшали подол платья, к которому часто пришивали кружево домашней выделки [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 93, 108, 113–114, 124; 1981, л. 18–21; 1982, л. 247; 1987, л. 17]. Орнамент вышивки традиционно был геометрическим, но в конце 1920 – начале 1930-х гг. его дополнили реалистично выполненные растительные мотивы. Не вдаваясь в подробности, отметим, что

Головной убор – *сорбан* и
наголовная повязка – *масмак*
(чуваши). Западная Сибирь,
I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ.
Фото автора.

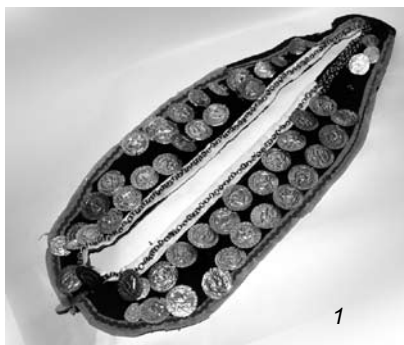

Образец чувашского народного костюма. Чувашия [Чувашское народное..., 1981, с. 49].

Стр. 54. Женское украшение – *пуцхоц* (чуваши).
Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*

Наспинное украшение –
ама (чуваши):
1 – Западная Сибирь, II-я пол.
XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото*
автора; 2 – Чувашия [Чувашское
народное..., 1981, с. 231].

наиболее ярко смешение традиций изготовления женского платья сибирскими чувашами прослеживается в сочетании покроя (принятого у анатри) и системы украшения, присущей верховым чувашам [Никольский, 1929, с. 180; Чуваши..., 1956; Иванов, 1985, с. 68].

Поверх *келе* надевался отрезной фартук, сшитый из яркой (красной, розовой, зеленой) ткани [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 119,

Женский костюм
(чувашки). Западная
Сибирь, I-я пол. XX в.
Фонды МАЭ ОмГУ.
Фото автора.

122; 1982, л. 224]. Грудку фартука присборивали, край обшивали тесьмой, низ украшали вышивкой, кружевом или оборкой. Подпоясывали фартук и кепе тонким поясом, реже – тканой опояской [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 105, 131]. На ногах носили вязанные чулки или толстые шерстяные носки [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 98, 114]. Лапти использовались в быту сибирских чувашей до начала 1950-х гг., лишь в праздники вместо них надевали сапоги.

Праздничную женскую одежду сибирских чувашей дополнял шарф [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 86, 88; 1982, л. 251], укрепленный на спине специальным украшением из серебряных монет – *пуцхоц* [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 86, 90, 132]. Грудь женщины украшали мониста [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 102, 129]. На голове чувашки-сибирячки носили повязку с вышивкой, нередко обшитую бисером [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 86, 94, 128; 1981, л. 1152; 1982, л. 246]. Распространенные в Чувашии головные уборы *тухья* и *хушту* [Трофимов, 1985, с. 83] сибирским чувашам были известны, но использовались редко.

Зимой женщины носили теплые отрезные платья из пестряди [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 104, 106, 110, 116, 121; 1982, л. 236–237; 1987, л. 21], поверх которых надевали верхнее распашное

платье – *сукман* [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 100, 117, 123; 1981, л. 1161]. В очень холодную погоду женщины и мужчины носили меховые отрезные распашные шубы (мехом внутрь) [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 97, 118, 126].

Мужской костюм чувашей западносибирского региона был достаточно традиционен. Он состоял из короткой полотняной рубахи, штанов из пестряди, онучей и лаптей [МЭЭ ОмГУ, 1980, л. 99, 103, 109, 115, 130]. Рубаху прямого покроя с втачными рукавами и без ластовиц носили навыпуск. Подпоясывали ее тонким поясом с небольшими кистями на концах. Воротник, рукава и низ рубахи, как правило, украшали вышивкой. Вариант отделки зависел от назначения одежды. Зимой поверх этой одежды носили шубу, на руки надевали теплые меховые или вязанные рукавицы.

Летом мужским головным убором была суконная шапка или покупной картуз, зимой – меховой треух, воспринятый у местного русского населения, или шапка типа папахи.

Традиционный комплекс одежды сибирских чувашей бытовал до конца 1940-х гг., когда началось его постепенное размывание. В результате из обихода исчезли ткани домашней выделки, традиционные обувь и мужские рубахи. В быт прочно вошли валенки, фабричные рубахи и платья, шерстяные платки.

Что же касается традиционной модели питания чувашей Западной Сибири, то она незначительно отличается таковой у чувашей европейской части России. Этот факт подтверждает тезис, что пища – наиболее устойчивый элемент культуры этноса [Павлов, Иванов, Суслов, 1988, с. 102; Станюкович, Шмелева, 1977, с. 239–242].

Основой пищевого рациона сибирских чувашей в конце XIX – первой трети XX в. являлись крупяные и молочные продукты, а также картофель. Пища носила ярко выраженный сезонный характер.

Летом готовили в основном молочные блюда, крупяные каши и супы, на этот же сезон падало и основное потребление зелени – лука, огурцов. Из блюд летней чувашской кухни следует отметить крупяной суп (*кербе яшки*), летний суп из картофеля, палочек теста и зелени (*самла шурти*), суп с пресными лепешками (*юсман яшки*). Из летних молочных блюд надо назвать запеканку из муки, пахты и яиц (*шутене*), вареное молоко с молозивом (*нерри*).

Кухонная утварь (чуваши). Западная Сибирь. Фонды МАЭ ОмГУ.

Фото автора:

1 – берестяной туес; 2 – плетеная коробка; 3 – сито; 4 – кадушка-логушок.

Осенью часто готовили тыквенные оладьи (*кавын игерчи*) и луковое пюре (*сухан жимри*). Из напитков потребляли слабое, практически безалкогольное пиво (*сара*), пахту и хлебный квас.

Зимний пищевой рацион сибирских чувашей отличался от летне-осеннего и по набору продуктов, и по рецептуре блюд. Его основой были изделия из теста и мясо в различных видах.

Блюда из пресного теста ежедневно были на столе чувашей. Наиболее часто готовили пирог из свинины и картофеля (*хуплу*), вареники и печеные пирожки с творогом, луком и картофелем (*хуран кукли, ума кукли*), а также мясом (*аж кукли*).

Из мясных блюд традиционно часто готовили томленое-сушеное мясо, набитое в бараний желудок (*шартан*), различные мясные супы. Достаточно часто на столах появлялись запеченная сырная масса (*чоко́т*) и жареный картофель (*шарик*). В 1950-х гг. чуваша-сибиряки стали коптить свиное сало. Для его приготовления свиней кормили то скудно, то обильно, чтобы в сале было больше мясных прослоек.

Праздничные блюда сибирских чувашей отличались значительно большей калорийностью и разнообразием, нежели повседневные. Их готовили из животного масла, свежего мяса – говядины, свинины, баранины, а также куриных яиц. В праздничное меню обязательно включали ягоды и ягодные блюда – сушеную малину и моченую бруснику, консервированную жиром смородину. Обязательным атрибутом праздничного стола были алкогольные напитки – крепкое пиво и ячменная водка (*рэкэ*).

Таким образом, традиционная материальная культура сибирских чувашей являет собой феномен, который определяют следующие признаки:

1. Смешение черт, характерных как для верховых, так и для низовых чувашей.
2. Приспособление материальной культуры как жизнеобеспечивающей системы к местным природным условиям.
3. Заимствование некоторых элементов материальной культуры у окружающего русского населения.
4. Сокращение числа и утеря отдельных этнически маркирующих элементов (особенно в одежде).

В таком относительно неизменном виде традиционная материальная культура чувашей Западной Сибири просуществовала до конца 1950-х гг. Именно в данный период она начала понемногу утрачивать свои этноспецифичные черты. Это было в значительной мере обусловлено начавшейся тогда кампанией по укрупнению совхозов и колхозов. Реализация такой программы привела к утере экономической и культурной самостоятельности сибирских чувашских деревень. Многие из них стали отделениями укрупненных хозяйств. Соответственно и сельскохозяйственное производство в них начало развиваться в едином комплексе, в том же направлении, что и в близлежащих не чувашских населенных пунктах. Все они, без исключения, сейчас специализируются на мясомолочном производстве и полеводстве. Основу стада составляют крупный рогатый скот и свиньи. Производство

мясомолочной продукции и зерновых осуществляется на высоком для Сибири уровне. Помимо зерновых, в чувашских хозяйствах возделывают картофель и кормовые культуры.

Продолжает сохраняться этническая специфика в структуре и ведении сибирскими чувашами подсобных хозяйств. Каждая семья в среднем содержит 1–2 коровы, телку или бычка, откармливает 2–3 свиньи, домашнюю птицу – кур, гусей, уток. Скот зимой содержится в стойлах, а с весны его переводят на подножный корм. Для его прокорма заготавливают сено: вручную, нередко механическими косилками на конной, а в последние десятилетия и на машинной тяге.

Весьма развито у сибирских чувашей огородничество и связанные с ним трудовые навыки. Основная огородная культура на сегодняшний день – это картофель сортов местной селекции. Выращивают чуваше также репчатый лук, свеклу, огурцы и помидоры. Товарное значение имеют картофелеводство и производство молока. Молоко сдают на молокоприемные пункты. Картофель продают на городских рынках или сдают в фонды хозяйств. Мясо после забоя скота идет не только на внутрисемейные нужды, но и на продажу заготовителям либо на рынках городов.

Немаловажное значение в домашнем хозяйстве чувашей Западной Сибири имеет сегодня сбор лесных ягод (в основном земляники). В районах, расположенных в зоне южной тайги, чуваше нередко собирают клюкву, но, как правило, лишь для удовлетворения внутрисемейных потребностей.

Практически полностью исчезли домашняя выделка льняных полотен и ткачество, хотя в некоторых семьях сохранились ткацкие станки в рабочем состоянии. Прочно забыты приемы лаптеплетения. Из всех домашних ремесел не утратило былых позиций лишь вязание из шерсти носков, теплых чулок, варежек.

В послевоенные годы окончательно определился тип застройки чувашских селений Западной Сибири. Все они имеют уличную планировку. В центре обычно находится сельсовет или контора отделения, клуб, магазин, почта, школа. На окраине или за огородами параллельно улице располагаются машинный двор, склады и хранилища. Поодаль от них размещаются скотный двор и молокоприемный пункт.

За последние десятилетия жилой фонд чувашских поселений сильно обновился. Более половины домов возведены в

1960–1980-е гг. Дома сибирских чувашей располагаются, как и раньше, фасадной частью на улице. Существует два варианта расположения сеней в домах: 1) с торца дома, вход с улицы через дверь; 2) на противоположной фасаду стороне, вход с торца. Какая-либо зависимость устройства сеней от этнической (групповой) принадлежности хозяев дома не прослеживается. Оба варианта равноправно сосуществуют. Все возведенные в последние десятилетия дома являются пятистенками или же (достаточно часто) крестовиками.

Планировка усадьбы остается практически неизменной, являясь наиболее оптимальной для западносибирского региона. Пожалуй, единственной новацией стало включение в комплекс хозяйственных построек гаража. Строительство жилья, как правило, ведется с использованием традиционной строительной техники. При этом дома, построенные из кирпича или бетона, не пользуются среди чувашей особой популярностью, предпочтение отдается рубленным домам.

Снаружи современное жилище сибирских чувашей обычно ярко украшено – резной или расписной орнамент на наличниках окон, калитке, воротах, палисаде; окрашенный в «елочку» фронтон дома. Орнамент на чувашских жилищах в Западной Сибири в настоящее время сочетает в себе мотивы как традиционно чувашские, так и перенятые от окружающего русского населения. Выделить «чистые» национальные формы становится все труднее. Одной из причин этого, на наш взгляд, является сложность ознакомления сибирских чувашей с традиционными приемами и мотивами из-за географической и культурной оторванности от населения Чувашии.

Интерьер современных домов чувашей-сибиряков претерпел весьма значительные изменения. Практически полностью исчезла из обихода стационарная мебель – нары, лавки, полати. Повсеместно в быт вошла передвижная мебель – стулья, столы, кровати и шкафы фабричного производства. В конце XX в. многие сельские чувашские семьи, особенно молодые, стали обзаводиться наборами корпусной мебели, обладание которыми являлось элементом престижа. Все дома чувашей радиофицированы, практически каждая семья имеет телевизор (иногда два), другую радиоэлектронную технику. Широкое распространение получили электробытовые приборы – холодильники, стиральные и швейные машины, пылесосы и др. Во внутренней отделке жи-

лица, наряду с традиционной для сибирских чувашей побелкой, все чаще используется оклейка стен и потолков обоями.

Традиционная утварь почти совсем исчезла из обихода: подавляющее большинство наших информаторов (85,6 %) не имеет ни одного такого предмета. При этом нужно отметить, на наш взгляд, интересный момент. Несмотря на то, что этнически маркирующие элементы в той или иной мере сохраняются примерно в 2/3 домов чувашских деревень, их наличие в своем жилище отметили менее 13 % информаторов (в планировке дома – 2,7 %, в положении печи – 5,6 %, в украшении жилища – 2,5 %, в его отделке – 3,2 %). Остальные опрошенные (87 %) считают, что ничего не сохранилось.

Весьма значительно изменилась одежда чувашей Западной Сибири. Преобладающим типом стала общепотребительная современная одежда. 98,6 % наших информаторов не видят в своей одежде каких-либо отличий от одежды окружающего русского населения.

Процесс нивелировки национально окрашенных черт в одежде и ее унификации с одеждой «общемирового» стандарта у чувашей Западной Сибири был стремительным. Подтверждением этому служит тот факт, что еще в начале 1970-х гг. во многих семьях имелись традиционные народные костюмы, использовавшиеся на праздниках и свадебных торжествах. Сейчас лишь 3,3 % опрошенных имеют какие-либо предметы национальной одежды или обуви. Этому в немалой степени способствует возможность приобретения одежды промышленного производства, что, естественно, исключает потребность в ее самостоятельном изготовлении. Так, 23,2 % наших информаторов самостоятельно изготавливают нательное белье, 39,1 % – легкое платье, 12,6 % – верхнюю одежду. При этом необходимо учесть, что значительное место здесь занимает самодельная одежда для детей. Достаточно интересен, на наш взгляд, тот факт, что домашнее изготовление этих видов одежды практикуется в семьях опрошенных, принадлежащих ко всем возрастным группам, находясь примерно на одном уровне.

Процесс вымывания национально-специфических черт коснулся и обрядовой одежды. В настоящее время обрядовый костюм не существует, его функции, в зависимости от обстоятельств, выполняет повседневная одежда с теми или иными отличиями. К таковым относятся темные тона в одежде, темные головные

женские платки на похоронах и поминках, обязательное наличие каких-либо светлых, ярких элементов в праздничном костюме (для свадеб, юбилеев и т. п.). Чрезвычайно интересно, что в данном случае сработал механизм переноса знаковых функций с одного этнически окрашенного семиотического комплекса (традиционная одежда + традиционные украшения / состав одежды + орнамент + наличие украшений) на другой, интерэтнический комплекс (повседневная одежда + украшения / состав одежды + цвет + наличие украшений).

Традиционные народные украшения у чувашей Западной Сибири прекратили свое активное бытование, кое-где исчезнув совсем, будучи замененными покупными ювелирными изделиями массового производства и бижутерией.

Изменения в пище чувашей Западной Сибири представляют для нас особый интерес. Он обусловлен, во-первых, относительной устойчивостью системы питания в материальной культуре в целом; во-вторых, тем, что пища имеет этномаркирующее значение и напрямую связана с этническим самосознанием этнофоров.

Современная кухня чувашей Западной Сибири сохранила в своей основе веками складывавшуюся систему питания, базировавшуюся на сочетании продуктов полевого земледелия, огородничества и домашнего животноводства. При этом в последнее время употребление некоторых видов пищи, ранее имевшее выраженный сезонный характер (мясо, молоко), стало фактически круглогодичным. Что же касается мяса, то за послевоенные десятилетия сибирскими чувашами были успешно освоены ранее не применявшиеся или редко использовавшиеся способы его консервации: замораживание на ледниках и в морозильных камерах, вяление, сушка путем томления в печи, копчение, консервирование тушеного мяса путем стерилизации в герметически закупоренных емкостях.

Наибольшей популярностью у сибирских чувашей пользуется свинина, на втором месте стоит говядина, затем – мясо птицы и баранина. Конину употребляют только 13 % информаторов (чаще всего за неимением другого мяса). На территории же Чувашии первые места удерживают говядина и баранина, свинина употребляется гораздо реже [Чуваши..., 1988, с. 111].

В последние десятилетия среди чувашей Западной Сибири значительно сузился набор блюд национальной кухни. Нами

отмечено современное бытование следующих кушаний: *хуран-кукли*, *хуплу*, *пуремэч*, лепешки из кислого и пресного теста, оладьи, *чокот*, творог с яйцом, овсяная, пшенная и тыквенная каши, гороховый суп, крупяные супы, простокваша с луком и с яйцом, галушки (или закрутка), *шартан*, *шаркку*, копченое сало, жареный картофель с мясом, а также напитки – пиво, простокваша, овсяный кисель.

Такой, достаточно скудный, набор блюд национальной кухни у чувашей Западной Сибири прямо коррелирует с уровнем знания ими национальных блюд. При опросе 40,9 % информаторов не назвали ни одного блюда, идентифицируемого ими как чувашское; 1–3 кушанья смогли вспомнить только 26,9 % опрошенных, а 4 и более – 32,2 % (это практически средние показатели для всех возрастных групп). Аналогичное положение и при разбивке ответов опрошенных по социально-профессиональному признаку. При этом и в том, и в другом случае в каждой возрастной или социально-профессиональной группе есть группа носителей этнической традиции (здесь – люди, знающие 4 и более национальных блюд).

Эту картину существенно дополняют данные о реальном бытовании блюд национальной кухни у сибирских чувашей. В результате опроса выяснилось, что 68,9 % информаторов вообще не готовят национальных чувашских кушаний. Нужно заметить, что частота и сфера приготовления таких блюд прямо зависит от причинно-ситуационных обстоятельств. Как явствует из этих показателей, блюда чувашской кухни активно вытесняются из обихода. В первую очередь они теряют свои позиции в меню семейной и праздничной обрядности. Такое их «выпадение» из этих сфер, на наш взгляд, говорит об уменьшении в целом престижности приготовления национальных кушаний.

Пища чувашей Западной Сибири испытывает сегодня огромное воздействие русской культурной традиции питания, сложившейся в этом регионе. Так, в рацион сибирских чувашей вошли крепкие мясные бульоны, на основе которых готовят супы из картофеля, капусты и других овощей (типа русских щей, борща), новые мясные блюда – пельмени, мясные пироги (типа русского курника), холодец, жареное и тушеное мясо, сметана. Из напитков главным нововведением стал чай. Ныне он употребляется ежедневно, особенно среди людей, принадлежащих к младшим возрастным группам.

4.2. Немцы Сибири

Основу хозяйства немцев традиционно составляли пашенное земледелие и животноводство. Немецкая деревня России за полтора века своего существования до 1917 г. прошла через ряд этапов экономического развития: от натурального хозяйства новоселов-иммигрантов, через развитие товарного животноводства и земледелия вплоть до промышленного капитализма [Малиновский, 1986, с. 23]. Те же этапы, только в рекордно короткие сроки, прошла немецкая деревня Сибири [Смирнова, 2002, с. 81].

Благоприятные климатические условия юга Западной Сибири, общеизвестная хозяйственность и прилежание привели немцев к успешному освоению новых краев. Этому способствовало то, что стоимость десятины земли в Сибири в начале XX в. была намного ниже, чем в южных губерниях России, да и возможность получить 15 десятин надела на одну душу мужского пола играла не последнюю роль (средний размер земель одного хозяйства в Акмолинской области равнялся 54 десятинам [Кригер, 1991, с. 13]). Немалые возможности давала и аренда земли [Хвостов, 1993, с. 101].

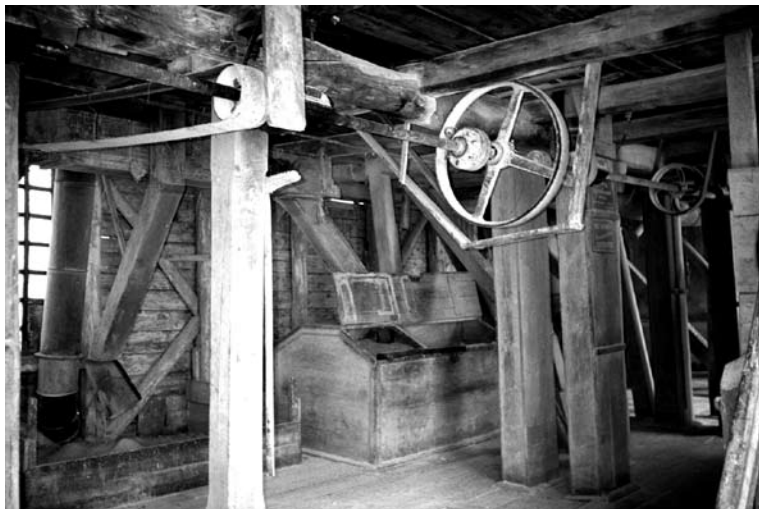
Адаптация немецких колонистов в Сибири не была простой [Смирнова, 2002, с. 82]. Несмотря на кажущийся земельный простор, удобной для обработки земли с необходимыми угодьями не всегда хватало. Главную трудность представлял недостаток воды.

Основой традиционного хозяйства немцев в Сибири было зерновое земледелие. По данным переписи населения 1897 г., в Акмолинской области земледелие являлось главным источником существования для 94,5 % крестьян [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 112]. Животноводство первоначально играло вспомогательную роль. Немцы разводили крупный рогатый скот, свиней, овец, а для обеспечения земледельческих работ – лошадей [Кригер, 1991, с. 17]. Животноводство у немцев Сибири развивалось в трех направлениях: разведение крупного рогатого скота, свиноводство и овцеводство.

Из зерновых культур преобладали пшеница, овес и ячмень. Большое значение в обеспечении сибирских немцев продовольствием имело выращивание картофеля. Значительное развитие получило огородничество и садоводство. В частности, в районе

Мельница (немцы). Село Солнцевка Исилькульского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

Интерьер мельницы (немцы). Село Александровка Азовского немецкого национального р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

Сосновских хуторов существовали яблоневые и вишневые сады [Смирнова, 2002, с. 82].

В течение короткого времени большинство немецких хозяйств становились высокотоварными, развивалась специализация: свиноводство, овцеводство, племенное животноводство и

семеноводство, производство масла и сыра. Значительное распространение в немецких селениях получил мельничный промысел. Практически в каждом селе имелась мельница, торговая точка, несколько кустарных мастерских [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 113].

Успешная адаптация немецких колонистов к условиям Сибири, их зажиточность стали возможными благодаря тому, что переселения немцев имели лучшую внутреннюю организацию, нежели переселения крестьян других национальностей. Прибывали в Сибирь в основном зажиточные семьи. Материнские колонии оказывали переселенцам помощь. Практиковались различные формы внутринациональной кооперации [Кригер, 1991, с. 23].

Таким образом, на основе традиционного хозяйства уже в начале XX в. у немцев Сибири сложилось высокоразвитое сельскохозяйственное производство [Смирнова, 2002, с. 84–85]. Его дальнейшее развитие прервала коллективизация, приведшая к исчезновению такого традиционного типа немецких поселений, как хутор, нарушившая привычные хозяйственные связи, товарообмен и специализацию хозяйств.

Усадьба, вид с улицы (немцы). Село Хортицы Нижнеомского р-на Омской области. Фотоархив МАЭ ОмГУ.

Саманный дом (немцы). Западная Сибирь. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

Несмотря на то, что жилище немецких колонистов сохраняло отдельные черты и элементы традиционного крестьянского жилища Германии, к прямому соотношению их типов надо подходить осторожно. В то же время, немецкие поселения и жилища значительно отличаются от таковых у окружающего населения. У русских Сибири, проживающих по соседству с немцами, существуют такие понятия, как «немецкий дом» и «немецкая деревня». Вероятно, можно говорить о сложении в Сибири особого типа немецкого жилища, с одной стороны, сохраняющего некоторые областные черты германских жилищ, а с другой – оптимально приспособленного к местным условиям [Смирнова, 2002, с. 85]. Изменения формы поселений и типов жилищ у немцев начались сразу после их переселения в Россию. На это влияли характер местности, недостаток традиционного строительного материала (камня и леса), а также правительственные инструкции, предписывавшие колонистам определенную планировку сел и домов. В юго-западной и средней Германии существовала кучевая форма поселений [Народы..., 1964. с. 785]. В России же преобладали линейные поселения.

Жилище немцев в разных областях России испытало влияние различных природных условий и контактов с другими народами. Различались усадьбы и жилища колонистов Украины и Поволжья, откуда происходила основная масса переселенцев в Сибирь [Смирнова, 2003, с. 46]. В постройках немецких колонистов

Постройка подсобного помещения из саманного кирпича (немцы).
Село Александровка Азовского немецкого национального р-на
Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

Сибири сохранились такие особенности жилища материнских колоний, как планировка, расположение дома по отношению к улице. В то же время отсутствует специфическая немецкая строительная техника (*фахверк*).

Первое время после переселения в Сибирь многим немцам приходилось строить дома из саманного кирпича, с земляным полом, с крышей из дерна, соломы или камыша. Такие дома ещё можно встретить в сибирских немецких деревнях, хотя их используются теперь как подсобные помещения [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 116].

Наши исследования показали, что в настоящее время у немцев Сибири преобладают дома «крестового» типа [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 116–117]. В качестве строительного материала они используют кирпич, а срубные дома снаружи часто обшивают тесом. Крыши кроют шифером, черепицей или тесом. Печь «голландского» типа чаще всего находится в центре дома, обогревая сразу несколько комнат. Преобладают фронтовые дома. К боковой стороне дома пристраивается утепленная веранда. Обязательным элементом немецкой усадьбы является летняя кухня, которая располагается параллельно дому. Часто к

Рубленый крестовый дом (немцы). Село Чучкино Горьковского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

летней кухне примыкают другие хозяйственные постройки: баня, сараи, кладовые, специальный задний двор для скота. Почти в каждой усадьбе есть копильня, нередко печи для хлеба [МЭЭ ОмГУ, 1993, п. 1, л. 4–10].

Немцы придают большое значение внешней отделке дома, окрашивая его масляными красками ярких, контрастных цветов. Фасад дома, заборы, калитки украшают орнаментом из цветов и птиц. В палисадниках сажают деревья и цветы, во дворах разбивают клумбы.

Своеобразен интерьер немецкого жилища: поверхность стен штукатурят и белят известью, потолки и печи красят. Традиционной до конца 1960 гг. была самодельная мебель, не-

Печь «голландского» типа (немцы). Село Солнцевка Исилькульского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

Коптильня (немцы).
Село Ананьевка
Кулундинского р-на
Алтайского края.
*Фотоархив МАЭ
ОмГУ.*

Интерьер жилой комнаты (немцы). Село Ананьевка Кулундинского р-на
Алтайского края. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

редко украшенная резьбой и росписью – гардеробы, комоды, колыбели, диваны с выдвигаемыми ящиками для хранения одежды, буфеты, сундуки, лавки и стулья [Смирнова, 2003, с. 48]. Стены жилищ украшают ковры (написанные красками на холсте пасторали или вышитые шерстяными нитками цветочные компози-

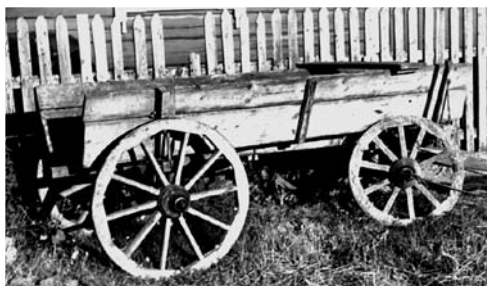

Самодельная мебель в интерьере (немцы):
1 – с. Литковка Тарского р-на Омской области.
Фотоархив МАЭ ОмГУ; 2 – с. Ананьевка
Кулундинского р-на Алтайского края.
Фотоархив МАЭ ОмГУ.

ции), фотографии в рамках, вышитые салфетки, «иконы» (картинки религиозного содержания).

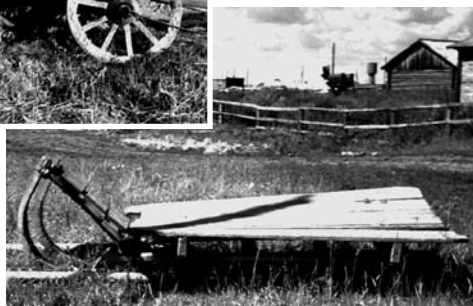
Средства передвижения – телеги, повозки, сани – немцы раньше изготовляли сами. Они не отличались принципиально от средств передвижения окружающего русского населения. Однако немцы нередко вносили в орудия труда или средства

1

Средства передвижения
(немцы). Село Литковка
Тарского р-на Омской
области. *Фотоархив*
МАЭ ОмГУ:

1 – телега; 2 – сани.

2

передвижения усовершенствования, облегчавшие управление и повышавшие производительность [МЭЭ ОмГУ, 1992, п. 79-3, л. 98–126].

В настоящее время у немцев Сибири существует та же модель питания, что и в начале XX в. Изменения связаны лишь с тем, что в последние годы большую часть продуктов стали покупать. Раньше, например, муку почти в каждой деревне молили из собственного зерна, сахар получали из патоки, которую варили из сахарной свеклы. Рацион расширился также за счет фруктов и овощей. На огородах стали выращивать томаты, огурцы, ягодные культуры. В целом же основу пищевого рациона немцев Сибири, как и в первой половине XX в., составляют мучные, мясные и молочные продукты, картофель. Даже предприятия общественного питания в немецких селах придерживаются традиционного набора блюд [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 119].

Обычно немцы употребляют легкий завтрак (кофе с хлебом или печеньем), обед из одного блюда и плотный, состоящий из нескольких блюд ужин. Супы занимают в рационе значительное место. Хотя сибирские немцы умеют готовить щи и борщ, заимствованные у славян, однако предпочитают они куриную лапшу (*нудль*), густые мучные супы, суп с клецками (*ривельсуп*). Одно из любимых первых блюд – *иницсуп*, основу которого составляет компот из сухофруктов или ягод. Он бывает нескольких разновидностей: холодный и горячий, с рисом или с хлебом, с галушками (*клейст*), с поджаренной мукой, со сметаной [МЭЭ ОмГУ, 1993, п. 1, л. 78–79].

В праздничные дни обязательно пекут различные изделия из дрожжевого или пресного теста: *ривелькухе* – пирог с посыпкой, *тыглькухе* – пирог с ягодами и др. Из сдобного теста стряпают всевозможные булочки (*крепли*), рулеты, фигурное печенье и т. д.

Мясные блюда употребляются и в будни, но являются обязательным атрибутом праздничного стола. В будни чаще готовят блюда из отварного мяса. Праздничный стол украшают блюда из рубленого мяса (*иницель*), колбасы, копченое мясо и сало, жаркое (*проуд*), рулеты (*итрудель*) [МЭЭ ОмГУ, 1993, п. 2, л. 80]. Весьма популярно копчение продуктов (мяса, сала, птицы, рыбы, колбас) горячим и холодным способом, которое используется для заготовки продуктов впрок. К середине XX в. большую

роль в создании домашних припасов стало играть консервирование: изготовление домашней тушенки, овощных консервов, ягодных компотов и варенья.

Из молочных продуктов сибирские немцы употребляют сливки, простоквашу и творог, сбивают масло. Сыр делают значительно реже, чем раньше. Основным источником получения мясных и молочных продуктов, а также картофеля по-прежнему является подсобное хозяйство.

Национальным напитком считается кофе. Часто его пьют с молоком или со сливками. Алкогольные напитки немцы употребляют в весьма ограниченном количестве. Баптисты и пятидесятники не пьют их вовсе, а также не курят. Пьянство большинством немцев осуждается и считается следствием дурного влияния русских. Община может принять решение о запрещении продажи и употребления спиртных напитков на период проведения сельскохозяйственных работ [Смирнова, 2002, с. 99]. Производство спиртного (самогона) заимствовано у русских [МЭЭ ОмГУ, 1993, п. 1, л. 74; п. 2, л. 145].

Пища в системе жизнеобеспечения сибирских немцев выполняет и символическую функцию [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 120–121]. Особенно ярко символическая роль пищи проявляется в календарных и семейных обрядах. Доказательством может служить то, что названия некоторых праздников связаны с продуктами питания. Например, «чистый четверг» перед Пасхой носит у немцев название «зеленый четверг», потому что вечером в этот день обязательно готовят блюдо из зелени [Смирнова, 2002, с. 99].

Символизм у сибирских немцев свойственен свадебной и поминальной трапезам, родинному обряду [МЭЭ ОмГУ, 1993, п. 1, л. 78]. На свадебном столе обязательно присутствует свинина, символизирующая богатство, достаток. Обрядовую пищу готовят на Рождество, Пасху. Так, на Пасху пекут фигурное печенье (чаще в виде зайца), заранее проращивают пшеницу и на «зеленый лужок» выкладывают крашенные яйца [МЭЭ ОмГУ, 1993, п. 2, л. 100].

Таким образом, следует признать, что, несмотря на заимствования некоторых элементов системы питания окружающего населения, традиционная модель питания немцев Сибири имеет наиболее устойчивый характер из всех элементов культуры.

Наименее устойчивой из всего комплекса материальной культуры немцев оказалась одежда. Народный костюм в качестве бытовой одежды перестал существовать еще в XIX в. Одежда немецких колонистов испытала сильное влияние городской моды. Ее активно приспосабливали и к суровым природно-климатическим условиям Сибири.

Т. Б. Смирновой удалось по имеющимся фотоматериалам, рисункам, выкройкам и рассказам информаторов восстановить характерные особенности одежды немцев Сибири первой половины XX в. [2002, с. 102–105]. Одежда делилась на повседневную, праздничную и обрядовую. Для повседневного костюма немецких женщин были характерны длинные юбки из темной ткани (черного, коричневого, болотного цветов в крупную клетку или полоску). Юбки имели длину до щиколотки. Кроили их из прямых полотнищ, которые собирали по линии талии до нужной ширины, а затем пришивали широкий пояс. Кофты шили отрезные по линии талии, с баской либо прямые. Застежку делали спереди, но иногда ее смещали вбок от центра. Рукава были втачными, имея соборенный окат. К низу рукава пришивали широкую манжету. Дополнял такой костюм прямой соборенный фартук, завязывавшийся сзади на бант.

В отличие от окружающего населения, немецкие женщины раньше стали использовать нижнее белье. На голове женщины носили чепец из темной ткани, который представлял собой круг, собранный по краю до необходимого размера [Бережнова, Рублевская, 1993, с. 142]. В настоящее время замужние немецкие женщины носят на голове платок, завязанный узлом на затылке.

На ногах носили вязаные чулки в полоску, деревянную обувь на деревянной подошве (*шлёры*), текстильную мягкую обувь (*шойгель*), кожаные ботинки [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 123–124].

Для праздничного костюма характерен тот же набор вещей, что и для повседневной одежды. Однако для его изготовления использовали более дорогие ткани светлых тонов. Дополнял праздничный наряд передник из хлопчатобумажной ткани, украшенный вышивкой (гладь). Праздничные чепчики отделявали кружевами. Белый вырезной воротник по краю украшали фестонами и вышивкой [МЭЭ ОмГУ, 1993, п. 4, л. 4].

В основной комплект мужской одежды входила рубашка. В качестве будничной рубашки носили косоворотку. Празд-

Семейная пара немецких
переселенцев
в праздничном «городском»
костюме. Западная Сибирь,
начало XX в. *Фотоархив
МАЭ ОмГУ.*

Семья немецких переселенцев. Западная Сибирь, начало XX в.
Фотоархив МАЭ ОмГУ.

Церковь (немцы). Село Литковка Тарского р-на Омской области, конец XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

ничные рубашки шили из тонкой белой ткани с отложным воротником. Парадные шелковые галстуки черного или темного цветов имели небольшой узел. В будничной одежде вместо них использовались выполненные крючком длинные завязки с помпонами на концах [Богомолов, 1993, с. 130; Смирнова, 2002, с. 106].

Основной верхней плечевой одеждой мужчин являлся черный или темный однобортный пиджак. Изредка на фотографиях в качестве праздничной одежды можно встретить двубортный сюртук приталенного силуэта, достигающий до колен. Брюки шили из той же ткани, что и пиджак, умеренно широкими; стрелки не заглаживали. Головными уборами мужчинам служили картузы и мягкие фетровые шляпы. В настоящее время наиболее популярным головным убором у пожилых немцев является кепи с небольшим козырьком. Зимой носили меховые шапки-ушанки. [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 124].

Праздничной обувью у сибирских немцев считались черные кожаные сапоги с короткими голенищами. Надевали сапоги под

брюки. Основной будничной обувью были *шлёры* – башмаки с деревянной подошвой, бытовавшие вплоть до 1960-х гг.

Процесс вымывания национально-специфических черт в одежде привел к тому, что нынешнее поколение немцев имеет слабое представление о народном костюме. Взятый сейчас фольклорными коллективами за образец распространенный в Германии тирольский тип народного костюма имеет мало общего с народным костюмом немецких колонистов Сибири.

Таким образом, можно утверждать, что этнические процессы у немцев Сибири в области материальной культуры в конце XIX–XX вв. определялись процессами адаптации к местным условиям и появлением смешанных форм культуры.

4.3. Сибирские прибалты

Латышские и эстонские крестьяне, переселившиеся в Сибирь в XIX–XX вв., принесли с собой и самобытные этнические традиции.

Основу традиционного хозяйства сибирских прибалтов, как у немцев и чувашей, составляло зерновое земледелие с преобладанием пшеницы, овса и ячменя. Важную роль играло животноводство, имевшее товарное значение.

Из ремесел значительное развитие получили выгонка дегтя, деревообработка и кожевенное дело. Большие масштабы на ру-

Жилая рига (латыши). Видземе, Латвия, начало XX в.
[Латыши, 1964, с. 155].

Жилой дом (латгальцы). Латвия, XIX в. [Латыши, 1964, с. 154].

Дом со «связью» (латыши). Село Кривошеино Асиновского р-на
Томской обл., I-я треть XX в. Фото А. Б. Свитнева.

беже XIX–XX вв. приобрело самогонварение, ориентированное на продажу. Средства передвижения, как можно судить по нашим материалам, прибалты Сибири заимствовали у русских, адаптированных к условиям региона.

Относительно поселений и жилищ прибалтийских переселенцев в Западной Сибири можно сказать следующее. Перво-

Рубленый дом (эстонцы). Село Рыжково Крутинского р-на Омской обл., начало XX в. *Фото А. Б. Свитнева.*

начально планировка поселений сибирских прибалтов была рассеянной. Лишь с конца 1920-х гг. она стала планомерно упорядочиваться, трансформируясь в уличную планировку [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 127].

Несмотря на то, что в Прибалтике у латышей и эстонцев существовали национальные типы жилищ (например, *istaba* – два бревенчатых сруба, соединенных жилами сенями [Народы., 1964, с. 231] и *жилая рига* [Страны., 1984, с. 92]), в Сибири они предпочитали возводить дома местного русского образца [Лоткин, 1996, с. 112]. Так, в таежных и лесостепных районах Сибири основным типом жилища был деревянный пятистенник на высоком подклете, в степных – саманные и глинобитные дома. У эстонцев бытовали также риги, но

Печь (латыши). Деревня Старая Рига Калачинского р-на Омской обл., I-я пол. XX в. *Фото А. Б. Свитнева.*

Рубленый дом (латыши). Деревня Старая Рига Калачинского р-на Омской обл., начало XX в. *Фото А. Б. Свитнева.*

лишь в качестве хозяйственных построек. Традиционные жилые дома встречались лишь эпизодически.

Печи у латышей и эстонцев тоже преобладали русские. Расположение печи в избе в Латвии было схоже с таковым в западных районах России и Беларуси: она стояла в углу при входе и была повернута устьем к двери. По диагонали от печи располагался «красный» угол [Страны..., 1984, с. 92]. Такая планировка печей в настоящее время изредка встречается у латышей, живущих в Тарском районе Омской области.

Основным элементом украшения и внешней отделки жилища латыши считают наличники со стилизованным цветочным орнаментом. Встречаются они в основном в таежной зоне Омской и Новосибирской областей [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 128].

Планировка усадьбы у латышей практически не отличается в настоящее время от типовой усадьбы соседнего русского населения [Лоткин, 1996, с. 112]. В Западной Сибири преобладает замкнутая нераздельная усадьба. Характерные черты этого типа следующие: постройки расположены по периметру, дом и амбар занимают противоположные углы у передней грани усадьбы, помещение для скота располагается в конце участка. В лесных

районах усадьба обносилась сплошным забором высотой около 2 м, строились заплоты из бревен или полубревен, врубленные в вертикальные столбы. Для лесостепных районов характерны плетни. Огород обычно обносили пряслом или плетнем. Калитки и ворота крепили на мощных опорных столбах. Обычно они имели общий карниз с небольшим двускатным навесом.

В украшении и внешней отделке дома главной национальной чертой эстонцы и латыши считают орнамент. Но если в таежной и лесостепной полосе Западной Сибири иногда можно встретить наличники со стилизованным цветочным орнаментом, то в степных районах преобладают простейшие формы геометрического орнамента, как у русских, украинцев и др.

Традиционный национальный костюм сибирских латышей и эстонцев претерпел в Сибири серьезные изменения. Уже в начале XX в. его в основном сменила одежда городского типа. При этом было заимствовано много местных, специфичных форм одежды, особенно зимней – валяная обувь, меховые полушубки, шубы-тулупы, меховые треухи.

Для одежды сибирских прибалтов были характерны общие для народов Прибалтики черты: туникообразная рубаша (без плечевого шва с наплечными нашивками), наплечное покрывало, нешитая поясная одежда, бронзовые и янтарные нагрудные украшения, тканые пояса с орнаментом, старинные девичьи головные венки и некоторые типы головных уборов замужних женщин. Позднее их дополнили продольно-полосатая юбка, распашная верхняя кофта, сшитый в талию лиф и нагрудные пряжки [Эстонская..., 1960, с. 9–11].

В Сибири традиционный национальный костюм латышей и эстонцев претерпел серьезные изменения [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 130–131]. Уже в начале XX в. его в основном сменила одежда городского типа. В настоящее время национальные костюмы можно встретить лишь на участниках латышских и эстонских фольклорных ансамблей.

В Сибири наиболее длительную сохранность и даже развитие получили традиции изготовления вязаной одежды [Лоткин, 1996, с. 115]. На базе общего художественного стиля и местных условий латышские и эстонские вязаные изделия приобрели сильную этническую специфику.

На фоне столь высокого уровня адаптации (если не степени ассимиляции) традиционного хозяйства и культуры прибалтий-

ских переселенцев в Западной Сибири особый интерес представляют изменения в пище. В целом эстонцев и латышей сохранилась система питания, основанная на сочетании продуктов земледелия и животноводства.

Так, употребление свиного мяса во многих деревнях с прибалтийским населением до сих пор сохранило сезонный характер. Говядину предпочитают 11,2 % латышей и 13,8 % эстонцев, баранину – 13,8 % латышей и 13 % эстонцев, мясо птицы – 11,6 % латышей и 14,1 % эстонцев. Как можно заметить, у латышей и эстонцев нет существенных отличий в предпочтении какого-либо мяса. В отдельных латышских и эстонских семьях разводят кроликов, в том числе на мясо. 16,4 % опрошенных латышей и 18,2 % эстонцев не отдают предпочтения ни одному из видов мяса [Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003, с. 132].

Национальная кухня сибирских латышей и эстонцев насчитывает сотни разных блюд [Лоткин, 1996, с. 117–118]. У латышей в рационе преобладают молочные блюда: молоко с луком (*piens un sipoli*), сыр с тмином, который готовят в Янов день (*jana siers*), простокваша (*ruguspiens*), молочная похлебка с перловой крупой (*putraimi putra*), уха с молоком, в основном распространенная у латгальцев (*zivju zupa ar pienu*). Из мясных блюд часто готовят студень из телятины, который в Латвии едят на Пасху [Народы..., 1964, с. 169]. В Сибири студень нередок и в будний день. Сибирские прибалты и сегодня готовят *скабпумпу* – похлебку из перебродившего молока и перловой крупы, распространенную в XIX в. в Курземе [Страны..., 1984, с. 96]. В Сибири в *скабпумпу* иногда добавляют творог (*biezpiens*). Из мучных блюд у сибирских латышей распространены оладьи (*pankukas*, сиб. лат. *ladjas*), а также пироги и ватрушки с ягодной и овощной начинкой, что вероятно, позаимствовано у русского населения. Из напитков широко было распространено пиво (лат. *alus*, латг. *ols*). В некоторых деревнях жили профессиональные пивовары, которые варили пиво на праздники или семейные события для всей деревни.

Национальная кухня сибирских эстонцев также сохранила черты, присущие эстонской национальной традиции. Помимо традиционных для Прибалтики крупяных блюд, у сибирских эстонцев очень распространены такие блюда, как холодец (*sult*, южн.-эст. *jahuliha*), который в Эстонии почитается свадебным блюдом [Народы..., 1964, с. 256]; кровяная колбаса (*vere vorst*),

мясной соус (*hamatus*). В степной полосе Западной Сибири иногда встречается оригинальное мясное блюдо – вареная говядина, залитая свежими сливками (*loomaliha koorega*). Из сладких и мучных блюд наиболее популярными были манный крем, компот со взбитыми сливками и пироги с ревенем [Лоткин, 1996, с. 117].

Следует отметить значительное увеличение места и роли мясных продуктов и блюд в повседневном рационе сибирских эстонцев, что нехарактерно для национальной эстонской кухни. Данная новация, несомненно, связана с адаптацией к более жесткому континентальному климату районов расселения. В целом, следует отметить, что в обиход сибирских латышей и эстонцев быстро и прочно вошли блюда окружающего их русского населения, чему способствовала сугубая дисперсия этнолокальных групп и интенсивность межэтнических контактов.

Таким образом, основным в развитии этнических процессов в сфере хозяйства и материальной культуры у сибирских латышей и эстонцев является активная нивелировка этнически значимых черт культуры с сохранением отдельных традиционных элементов в жилище, одежде и пище.

4.4. Украинцы Сибири

Украинцы переселялись в Сибирь в основном из районов, где веками было развито земледелие во всех его формах. Здесь они селились, как правило, в сходных по типу местностях – южной зоне лесостепи и в степных районах.

Традиционно у украинцев, как у русских и белорусов, существовало несколько систем земледелия [Украинцы, 2000, с. 96]. Наиболее древней из них была подсечно-огневая, сохранявшаяся в XIX в. только в Карпатах и Полесье. Обусловленная чрезвычайно большими трудозатратами, она почти полностью исчезла на Украине к началу XX в. Однако, в соответствии с нашими данными, в некоторых случаях ее применяли в Сибири переселенцы, попавшие в южно-таежные районы.

Еще одна достаточно примитивная система земледелия – переложная, практически изжитая в украинских губерниях, также была перенесена в Азиатскую Россию, в южных районах кото-

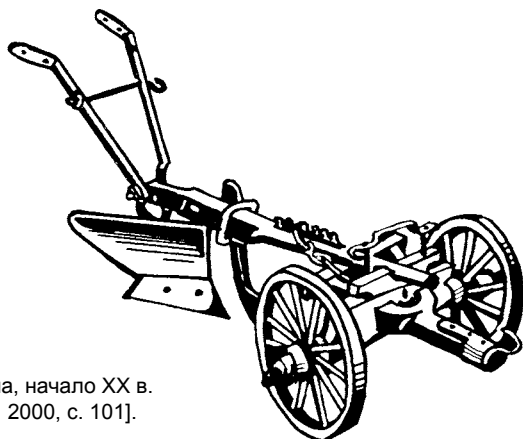

Расчистка переселенческих участков. Сибирь, начало XX в.
[Азиатская Россия, 1913, т. I].

рой оставались целинные земли. При ней в течение нескольких лет подряд поле засеивали различными зерновыми культурами, чередуя их друг с другом. Когда земля на этом участке истощалась, её оставляли под залежь и переходили на целину [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 95–96]. Однако органами землеустройства такая практика жестко пресекалась. Действующее законодательство способствовало закреплению переселенцев на конкретных участках, побуждая их к интенсивному производству.

Наибольшее распространение среди украинцев в Украине [Украинцы, 2000, с. 96–97] имела трехпольная система земледелия. Вся земля сельской общины, пригодная для земледелия, делилась на три части. Одна отводилась под озимые культуры, другая – под яровые, третья оставалась один сезон незасеянной, «под парами», т. е. отдыхала и использовалась для выпаса скота. В Сибири эту систему модернизировали, применяя в рамках отдельно взятых хозяйств, исходя из новых условий расселения хуторами и отрубам [МЭЭ ОмГУ, 1983, л. 77–79].

Наибольшее распространение среди украинских переселенцев в степных и лесостепных районах Западной Сибири

Плуг. Украина, начало XX в.
[Украинцы, 2000, с. 101].

получила многопольная система земледелия (плодосменная, травопольная), внедрявшаяся агрономами Управления переселения и землеустройства [МЭЭ ОмГУ, 1983, л. 79–80; 1988, л. 171]. Она была самой прогрессивной на тот момент и позволяла достаточно быстро встать на ноги переселенческим хозяйствам, особенно середняцким и зажиточным. Ее эффективность в значительной мере зависела от размера возделываемых наделов.

Основной зерновой культурой у украинцев издавна была рожь (*жито*). Рожь преобладала на всей территории Украины, кроме южных степных районов, где основной зерновой культурой была пшеница, ставшая к концу XIX в. важнейшей товарной культурой. Украинцы, особенно из южных губерний, накопили ценный опыт возделывания различных сортов пшеницы [Украинцы, 2000, с. 96–97]. В Сибири это сразу выдвинуло их, наравне с немцами, в основные производители зерновых культур [МЭЭ ОмГУ, 1989, л. 46, 132–135]. Стоит отметить, что процесс заимствования между украинцами и русскими в этой сфере шел взаимоболезно.

Кроме пшеницы и ржи значительную роль в жизни украинцев-сибиряков играли ячмень (*ярець*), овес, гречиха и горох [МЭЭ ОмГУ, 1986, л. 181]. Ячмень, весьма неприхотливый в возделывании, шел на производство крупы и – пива. Просо, достаточно популярное у украинцев европейской части страны, в Сибири практически не производилось. Гречиха и горох – про-

дукты традиционной украинской кулинарии, в Сибири возделывались масштабно [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 102–109], занимая обширную нишу в товарном производстве. Овес традиционно шел на корм скоту.

Выращивали в Сибири украинские переселенцы и традиционные для Украины технические культуры – лен и коноплю. Из них получали техническое и пищевое масло, волокно. Перенесенные в Сибирь приемы и способы возделывания льна стали основой для местного льноводства, не слишком успешного ранее. Огромное значение для сибирского земледелия и животноводства сыграло производство подсолнечника – как пищевого, так и кормовых сортов. Хотя приготовление масла из него и не приобрело масштабов, характерных для южной России и Украины, тем не менее, обеспечивало потребности региона в этом продукте [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 54; 1988, л. 59–60].

Важнейшим продуктом питания в конце XIX в. был картофель. Хотя его производство украинцами Сибири в интересующий нас период не приобрело промышленного значения, его роль в обеспечении жизнедеятельности переселенцев огромна. Помимо пищевого применения, весьма значимым было его использование в качестве корма в свиноводстве. То же в полной мере относится и к свекле (*бурак*). В отличие от Украины с ее сахарной промышленностью, основу этой культуры в Сибири составляли пищевые и кормовые сорта.

Такую знаменитую в истории нашей страны культуру, как кукуруза, в Сибири долгое время не выращивали в силу местных природно-климатических особенностей, отсутствия районированных сортов и невысокой потребности.

Из иных сельскохозяйственных культур, традиционных для Украины, в Сибири украинцы выращивали табак (в большей степени для собственных нужд), хмель, разнообразные огородные растения – капусту, огурцы, лук, чеснок, морковь, петрушку, укроп, помидоры [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 102–109].

Хрестоматийное украинское садоводство в Сибири в описываемый период так и не развилось. Лишь некоторые попытки создания садов завершились успехом.

Второй по значению составляющей хозяйства сибирских украинцев было животноводство, органически связанное с земледелием [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 67–71]. При его характеристике необходимо отметить, что на территории водворения переселенцы

из Украины не применяли скотоводство как таковое, т. к. землеустроительными учреждениями достаточно жестко проводился курс на создание хозяйственно специализированных районов. В связи с этим разведение скота сразу ставилось в рамки интенсивного производства, т. е. животноводства в его современном понимании.

Практически в каждом хозяйстве держали лошадей – основную транспортную и тяговую силу, а крупный рогатый скот, свиньи, домашняя птица служили источником мясных и молочных продуктов [Там же]. При этом местной особенностью стало практически полное исключение крупного рогатого скота (волов) из процесса возделывания земель. Немаловажное значение имело также овцеводство, хотя его масштабы не были значительными.

Лошадей и скот, особенно в холодное время года, содержали в закрытых теплых помещениях – стайках (модернизированное от укр. *стайня*) [МЭЭ ОмГУ, 1983, л. 25–26].

Рыболовство и охота у украинских переселенцев так и не развились до уровня хозяйственно значимых занятий, оставаясь уделом отдельных зажиточных или особо увлеченных людей [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 67–71]. Это вполне объяснимо, если учитывать природно-климатические и ландшафтные особенности основных районов проживания украинцев в Западной Сибири: широкие степные пространства с редкими колками и озерами, а также степень загруженности хозяйственными заботами.

Пожалуй, единственным занятием несельскохозяйственного назначения, получившим определенное развитие среди украинцев на новых землях, стало пчеловодство [Там же]. Огромные пространства, занятые цветущими злаками, уже своим видом побуждали к развитию этого вида хозяйственной деятельности, имевшего, однако, вспомогательное значение.

Ремесла и промыслы, перенесенные украинцами в Сибирь изначально имели несколько усеченную форму и небольшие масштабы, что связано с наличием в регионах водворения отлаженной сети запасных и торговых магазинов. Значительная часть ремесленного производства была направлена на удовлетворение собственных или общинных нужд. Среди наиболее распространенных среди украинцев Сибири ремесел и промыслов можно назвать следующие: прядение и ткачество, распространенные повсеместно, буквально в каждой семье или хозяйстве;

Улица переселенческого поселка Благодатного (украинцы).
Асмолинская область, начало XX в. [Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 480].

Саманный дом (украинцы). Село Полтавка Полтавского района
Омской области, начало XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

обработка дерева; гончарство; кожевенные ремесла, включающие выделку шкур и кож, а также пошив из них одежды и обуви; извозный промысел. Повсеместно было распространено кузнечное ремесло [МЭЭ ОмГУ, 1983, л. 74–77]. Стоит сказать, однако, что общим явлением в этой сфере была редукция и упрощение приемов и способов производства.

Поселения украинцев в Западной Сибири имели, как правило, уличную застройку относительно регулярных форм, что не исключало (в редких, правда, случаях) свободно-рядовую застройку. Хуторская застройка имела гнездовую, реже – кучевую форму. Форма поселений в описываемый нами период регламентировалась землеустроителями, старавшимися не до-

Саманный дом (начало XX в.) с пристроенной к нему хатой (1960-е гг.) (украинцы). Таврический район Омской области. *Фото автора.*

Усадьба (украинцы). Полтавский район Омской области, конец XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*

пускать нарушений со стороны переселенцев [ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 68, л. 407].

Соответственно и типы усадеб имели в наименьшей степени национальную обусловленность, хотя особенности были и есть [Майничева, 2002а].

Дом (*хата*) нередко поначалу был однокамерным, затем все чаще двухкамерным (пятистенок) и более. Возводили его вдоль улицы, а перед ним устраивали палисадник. Сени прирубали сбоку, реже – сзади [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 45]. Если дом имел трехкамерную конструкцию, то сени размещали между двух жилых камер (следует заметить, что этот вариант был редким исключением из правил).

Сам дом иногда ставили из привозного леса, однако чаще он имел каркасную или саманную конструкцию. Это диктовалось практически безлесными просторами южносибирских степей. Крыши были двускатными самцовыми, реже – стропильными. Их крыли соломой, а в некоторых местностях – камышом (особенно, кугой) [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 47]. Пол в жилище, вплоть до 1950-х гг., устраивался глинобитным. Конструкцию печи уже в первые годы проживания практически повсеместно заимствовали у русских сибиряков. Печь имела значительные размеры, непременные лежанки и трубы-«воздуха». Стены и потолки белили, а нередко и расписывали. Часто росписью покрывали наличники окон и дверей.

Двор имел Г-образную или П-образную форму, открытую в сторону огородов. Непременным элементом двора была летняя кухня, над которой обычно делали легкий навес. Хозяйственные постройки нередко имели плетневую конструкцию, реже – каркасную. Их всегда обмазывались глиной или саманом, что было продиктовано суровыми условиями континентального климата. Сами постройки были многочисленны и узкоспециализированны [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 49–50; 1989, л. 21–23].

Следующим элементом культуры, достоверно маркирующим процессы адаптации украинцев, является одежда.

Украинский традиционный костюм, ведущий свою родословную еще от костюма Киевской Руси [Украинцы, 2000, с. 200] и бытовавший в конце XIX – начале XX в. на Украине, был, естественно, перенесен и на сибирскую землю [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 70].

Основной обувью были кожаные постолы или плетенные из лыка лапти. Зажиточные крестьяне носили сапоги и низкую кожаную обувь [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 71].

Верхнюю (прямую или приталенную) одежду украинцы шили из домотканого сукна. Повсеместное распространение получила и *свита* – одежда более сложного кроя со вставными клиньями. В среде зажиточного крестьянства широко бытовал

Рушники с вышивкой и кружевом
(украинцы). Западная Сибирь,
I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ.
Фото автора.

жупан – верхняя одежда, сшитая из покупных тканей [Николаева, 1984, с. 20].

В зимнее время основной одеждой была нагольная овчинная шуба – *кожух*. В Сибири его унифицировали с русским *полушубком* и дополнили длинной сибирской шубой – *тулупом*, более удобным в климатических условиях холодной ветреной степи [МЭЭ ОмГУ, 1983, л. 34; 1987, л. 73].

Как и в Украине, украинские крестьяне-переселенцы в Западной Сибири одежду шили из тканей домашнего производства, используя покупные только для отделки. Лишь зажиточные люди могли позволить себе шить одежду из покупных тканей (фабричного сукна, шелка, бархата и даже парчи) с отделкой из меха пушных зверей.

Комплекс одежды включал сорочку и штаны у мужчин, юбку и сорочку – у женщин. Причем в Сибири было принято носить еще одну сорочку – из более плотного материала, которую надевали поверх тонкой сорочки, перешедшей в разряд нижнего белья [МЭЭ ОмГУ, 1987, л. 75]. Сорочка или верхняя одежда подпоясывались поясами (кушаками) или опоясками, вытканны-

ми на специальных станках. Рабочую одежду подвязывали простыми плетеными поясами.

Головные уборы мужчин – традиционные смушковые шапки и папахи – в Сибири были дополнены заимствованными у русских меховыми или суконными на вате (иногда набитыми шерстью) треухами.

Женские головные уборы – *венцы, обручи, намитки и очипки* [Украинцы, 2000, с. 304] – несли и смысловую нагрузку, поэтому бытовали многие десятилетия – до середины 1960-х гг. [МЭЭ ОмГУ, 1983, л. 40; 1987, л. 77, 90]. Оставаясь национально-знаковым элементом костюма, функциональную часть они уступили платкам и шалям, имевшим единое с русскими фабричное или ремесленное происхождение.

Таким образом, традиционный костюм украинцев стал одной из наиболее легко подверженных модификации составляющих этнической культуры переселенцев.

Наименее же подверженным изменениям компонентом традиционной культуры украинцев-переселенцев, как и ожидалось, оказалась пища.

Основой пищевого рациона украинцев в Сибири были крупы [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 54]. Из них готовили каши, *кондеры*, крупяные супы. Распространены были также различные мучные блюда типа затирок и клецок. Большую роль в системе питания играл картофель, активно теснивший крупы [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 42].

Огромное значение украинские крестьяне придавали свиному салу [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 71]. В Сибири его стали солить с добавлением большого количества чеснока. Соленое сало и его производное – смалец (легкие фракции перетопленного подкожного или нутряного сала) использовали в качестве заправки для борщей, похлебок, каш, картофеля и других блюд. Знаменитые шкварки, образовавшиеся при перетапливании сала, тоже служили заправкой. Соленое сало имело и самостоятельное значение как высококалорийный продукт, пригодный для дальней дороги, тяжелой работы, в конце концов, как стратегический запас семьи.

Мясо (даже свинину) солили редко, т. к. сибирский климат позволял долгое время сохранять его мороженым. Часто мясо и производимые из него колбасы коптили. Сало коптили крайне редко: по мнению информаторов, «оно в том не нуждается, зачем

Образцы гончарной посуды (украинцы). Западная Сибирь,
I-я пол XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора:*
1 – корчага; 2 – крынки; 3 – миска; 4 – макитра.

портить прекрасный продукт» [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 72]. Копчености были сугубо праздничным блюдом.

В целом же украинцы употребляли в пищу практически всю свиную тушу [Украинцы, 2000, с. 244]. Кишки и желудок шли на оболочки для приготовления мясных и кровяных колбас [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 2]. Мясные колбасы после обжаривания и варки (или копчения) укладывали в керамические емкости и заливали смальцем, прекрасно консервирующим мясные продукты.

Говядина попадала на стол украинских крестьян в исключительных случаях, поскольку разводили крупный рогатый скот ради получения молочных продуктов. Лишь старое или покалевшееся животное могли забить на мясо.

Маслобойка (украинцы). Западная Сибирь, 1-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*

Берестяной туес (украинцы). Западная Сибирь, 1-я треть XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*

Из молочных продуктов производили в основном творог (*сир*) и сливочное масло [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 40, 42]. Масло сбивали в маслобойках, чаще всего вручную, однако многие зажиточные хозяева обзаводились примитивными механическими маслобойками. Сбыт масла, экспортировавшегося из Сибири в Европейскую Россию и за рубеж, был выгодным делом, имевшим устойчивый, сложившийся рынок.

Немалую добавку к рациону давали овощи [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 57], для длительного хранения которых прибегали к солению, квашению и мочению. Квасили и солили капусту и свеклу, солили огурцы и помидоры, мочили яблоки. К концу 1920-х гг. овощи и фрукты стали еще и мариновать.

Из печеных мучных изделий более всего ценился хлеб – ржаной или из смешанной муки. Нередко, особенно в бедных семьях, в муку добавляли отруби и овсяную муку (иногда дроб-

ленную крупу) [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 58]. Хлеб был кислым, ставленным на опаре. В качестве закваски использовали старое кислое тесто, в крайнем случае – самодельные дрожжи из хмеля и солода. Разновидностей хлебобулочных изделий было великое множество.

Из многочисленных напитков, приготовлявшихся украинцами, необходимо отметить кисель, разнообразные квасы, ягодно-травяные настои, взвары и компоты, кисломолочные продукты – варенец и простоквашу, хмельные – пиво и медовуху. Чай, бывший для украинцев метрополии дорогим напитком [Украинцы, 2000, с. 252], в Сибири вошел в жизнь легко и органично [МЭЭ ОмГУ, 1988, л. 66–67], поскольку традиции чаепития среди местных русских были глубоки и многогранны, а сортовое разнообразие продукта едва ли не затмевало день сегодняшний.

Глава 5

ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ИНОЭТНИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Этноязыковые процессы являются одной из важнейших составляющих этнических процессов, поскольку язык стоит в одном ряду с основными этническими определителями – этническим самосознанием, хозяйственно-экономическим укладом, спецификой культуры и быта, а также этнопсихологическими особенностями этнофоров.

Необходимо отметить, что при изучении языка важны три аспекта: 1) структурный, выражающий изменения лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса и др.; 2) функциональный, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносимых с различными сферами человеческого общения; 3) поведенческий, состоящий в речевом поведении, которое включает в себя языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую предрасположенность (отношение к языку) [Губогло, 1984, с. 17; Современные..., 1977, с. 259].

В нашей книге все эти три аспекта будут рассмотрены в разной степени, поскольку для этносоциологического изучения языковых процессов характерно смещение акцентов на поведенческую и функциональную стороны исследования [Чуваши..., 1988, с. 71–72]. Это объясняется тем, что язык играет чрезвычайно важную роль в жизни этноса, так как служит средством накопления и передачи информации, беря на себя исполнение функции внутриэтнического общения.

Именно язык выступает для этноса основным этноинтегрирующим фактором, а по отношению к другим этническим общностям является этнодифференцирующим. Именно это свойство языка позволяет ему зачастую выступать в качестве символа этнической общности.

Предмет этносоциологического изучения языковых процессов определяется в этнографической литературе «не как изучение собственных языковых явлений (фонетики, морфологии, синтаксиса и т. п.), а как изучение складывания и варьирования речевого поведения населения» [Губогло, 1979, с. 15], которое в нашем случае очень сильно зависит от внешних внеязыковых факторов и явлений. Среди них численное соотношение народов на территории проживания интересующих нас переселенческих групп и особенности расселения этих народов и латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев среди них.

Следует добавить и такой фактор, как продолжительность проживания и этнокультурных взаимодействий переселенцев и их потомков с соседями. Немаловажной здесь представляется роль социально-экономических условий существования описываемых нами этнических групп, многолетнее отсутствие у них национально-территориальных образований в Сибири (кроме немцев, получивших, точнее выстроивших, свои национальные районы, что является, скорее, исключением, нежели правилом). Все эти, а также некоторые другие, менее выраженные факторы послужили основой для складывания современной этноязыковой ситуации в дисперсных группах переселенцев Западной Сибири.

Специфика языка как элемента системы культуры определяется его непосредственной связью с мышлением. Именно в языке находят свое отражение мыслительные структуры деятельности человека. Это определяет место языка в обществе не только как средства коммуникации, но и как необходимого условия и одновременно отражения культуры каждого народа. Подобное положение языка выдвигает его, наряду с общностью территории, социально-экономической структурой и культурно-бытовым укладом, в качестве одного из основных признаков этноса [Мартемьянова, 1990, с. 55–56].

Наиболее существенные термины использованы в следующих значениях:

- 1) *билингвизм* (двуязычие) – явление контактирования языков, когда генерируются грамматические предложения более чем на одном языке;
- 2) *диглоссия* – функциональная дифференция языков, социально обусловленная и значимая в культурном отношении;
- 3) *диффузия* – выборочный процесс распространения инноваций;

4) *интеграция языковая* – приспособление и регулярное употребление материала одного языка в другом языке;

5) *интерференция языковая* – отклонения в речи билингва под влиянием другого языка, частичное совпадение единиц двух языков;

6) *смена кода (свитчинг)* – попеременное употребление говорящим двух языков во время одного речевого акта [Вийкберг, 1989а, с. 7].

Наиболее актуальным для нашего исследования является изучение проблемы национально-русского двуязычия среди сибирских чувашей, немцев, латышей и эстонцев, выявление тенденций и путей его развития. В этой связи, как нам кажется, важно получить четкое представление о реальном соотношении национальных и русского языков в жизнедеятельности изучаемых масивов. Не менее интересен вопрос об устойчивости национального языка в условиях дисперсного расселения его носителей в иноэтнической среде.

Говоря об изучении этноязыковых процессов и языковой компоненты этноса в целом, нельзя выпускать из виду такие подразделения, «как языковая компетентность (мера, степень знания языка или языков), речевая деятельность (реальное употребление одного или более языков в различных сферах жизнедеятельности этноса) и языковая ориентация» [Чуваши..., 1988, с. 73]. Без этого невозможно обозначить направления и перспективы развития языковой ситуации в исследуемых группах.

Изучение этноязыковых процессов в исследуемых этнических группах Западной Сибири велось при помощи вопросов, сформулированных в опросном листе (анкете) следующим образом: «Какой язык считаете родным?», «В какой степени владеете языками народов СССР (России)?», «Как Вы считаете, нужно ли преподавать детям в школе язык Вашей национальности?», «В какой школе Вы хотели бы учить своих детей?», «Ваше образование и на каком языке Вы его получили?», «Как Вы используете языки народов СССР (России), которыми владеете?», «На каких языках Вы обычно читаете?», «На каком языке Вы предпочитаете смотреть самодеятельные спектакли, концерты?», «Какие газеты и журналы на языке своей национальности Вы знаете и читаете?». Нами также привлекались материалы переписей населения разных лет, что позволило проанализировать ход этноязыковых процессов в прошлом. Так, материалы переписи

1926 г., давая представление об этноязыковой ситуации в первые годы советской власти, в какой-то мере характеризуют этноязыковые процессы досоветского периода.

Первичный обсчет материалов этносоциологических опросов, ставших источниками для написания этой главы, был проведен Д. Г. Коровушкиным (чуваши), Т. Б. Смирновой (немцы), И. В. Лоткиным (латыши и эстонцы), М. В. Луговой и В. В. Ремлером (украинцы).

* * *

Прежде чем начать рассмотрение этноязыковых процессов у представителей переселенческих этнических групп Западной Сибири, хотелось бы отметить следующее.

С установлением Советской власти государство начало проводить новую языковую политику, основным декларированным принципом которой был лозунг: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!» [Ленин, т. 23, с. 150]. Поначалу так и было. Наркомпрос РСФСР стал вводить в национальных селениях обучение на родном языке или его преподавание в школах. В Сибири эту работу координировал Сибирский отдел народного образования (СибОНО), в состав которого входил созданный в 1920 г. Подотдел просвещения национальных меньшинств [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 115, л. 11]. В резолюции к докладу «Тактика и ближайшие задачи в области Подотдела Национальных Меньшинств Сибнаробраза» в качестве важнейших принципов деятельности были заявлены следующие: «1. ОНО при организации и практическом осуществлении всех видов просвещения уделяет одинаковое внимание всем национальным группам вверенной ему территории. 2. Все подотделы Наробраза... распределяют все наличные блага между национальными группировками количественно и качественно, по возможности пропорционально» [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 115, л. 47].

Однако при реализации этой масштабной задачи работники Подотдела столкнулись с огромными трудностями. Во-первых, сеть национальных культурно-просветительных учреждений приходилось создавать практически на пустом месте, поскольку до октябрьской революции для нерусского населения Сибири в лучшем случае существовали «русско-инородческие» одноклассные школы, обучение в которых велось на русском языке, по русским учебникам для церковно-приходских школ [ГАО,

ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 14]. Сеть таких школ распалась за годы Гражданской войны. Во-вторых, не было кадровой базы – учителей, культпросветорганизаторов, «избачей» и т. д. В-третьих, в 1920–1923 гг. в Сибири катастрофически не хватало учебников и пособий, которые приходилось заказывать в национальных республиках и областях, где, в свою очередь, их тоже не хватало [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 2 об.].

В дальнейшем лозунг В. И. Ульянова (Ленина), легший в основу национальной политики советской, власти, на практике обернулся фактическим пренебрежением именно национально-традиционной составляющей этнических культур. Уже к концу 1920-х гг. проявилась тенденция к унификации школьного образования на основе «интернациональных» и «общесоветских» стандартов. В других сферах культуры также старательно «подрезали» национальные корни, в чем, на мой взгляд, ярко проявилось стремление режима к разобщению всех и всего, что зиждилось не на большевистских принципах и подходах.

5.1. Сибирские чуваши

Чувашская национальная школа в Западной Сибири до установления советской власти фактически не существовала. Первые школы, официально использующие в обучении родной для переселенцев язык, стали создаваться в чувашских селениях по инициативе СибОНО Подотделом просвещения национальных меньшинств. Тяжелое положение с учебными пособиями усугублялось резко возросшим притоком переселенцев из европейской части России: только за 1920–1923 гг. численность чувашей в Новониколаевской, Омской, Томской и Тюменской губерниях удвоилась [Итоги..., 1923, с. 50–103; ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 11; ГАО, ф. 251, оп. 1, д. 273, л. 16–28 об.]. Еще один негативный фактор – невозможность точно учесть потребности чувашского населения в культурно-просветительных учреждениях и школьных учебниках из-за отсутствия опыта подобной работы. Сюда же можно отнести и относительную бедность переселенцев, которые часто не могли позволить себе покупку книг. Сибнаробраз даже ставил вопрос о централизованной государственной помощи этим группам населения для приобретения учебных пособий, содержания школ и т. п. [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 139,

л. 2 об; ф. 1053, оп. 1, д. 519]. Потребность же в культурно-просветительном и образовательном обслуживании у чувашей Западной Сибири была огромной: процент грамотных среди них равнялся в 1923 г. 9,5 % (ср.: среди немецкого населения этот показатель составлял 35 %) [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 67; Итоги..., 1923, с. 50–103]. Однако в 1922–1923 учебном году в Западной Сибири уже существовало около 40 школ первой ступени с преподаванием на чувашском языке и 12 базовых чувашских изб-читален [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 2, 12 19].

Процесс создания системы национальных школ и учреждений национального культпросвета был резко оборван введением новой экономической политики. Культурно-просветительные учреждения и школы были сняты с государственного снабжения и переданы на содержание населения [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 679, л. 34]. Сделано это было без предварительной разъяснительной работы, и почти все уездные и некоторые губернские отделы народного образования при сокращении штатов мгновенно ликвидировали подотделы просвещения национальных меньшинств. Все это роковым образом сказалось на состоянии культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств, поскольку при проведении этой кампании совершенно не были учтены финансовые возможности переселенцев содержать школы [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 17–19].

В результате количество чувашских школ в Западной Сибири сократилось до 17 [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 102], а из 8 158 чувашских детей школьного возраста имели возможность учиться лишь 630 [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 72]. Кроме того, к 1925 г. стала проявляться «недопустимая тенденция» к переводу обучения в национальных школах на русский язык [ГАО, ф. 1053, оп. 1, д. 679, л. 32].

Однако усилия местных органов власти и политических комитетов привели к заметным изменениям в культурном облике сибирских чувашей: грамотных среди них стало больше. Среди сельских жителей этот показатель составил 22,8 %, а среди городских – 46,9 % [Всесоюзная..., 1929, с. 68–87, 192–199]. По мере прибытия и водворения новых переселенцев из Чувашии и других областей Поволжья появлялись и новые школы [ГАО, ф. 84, оп. 1, д. 154, л. 1].

К концу 1920-х гг. положение с обеспечением образовательных потребностей чувашского населения Западной Сибири ста-

билизировалось. Практически во всех обследованных нами селениях были построены и действовали школы различного уровня, создана сеть пунктов по ликвидации неграмотности, избы-читальни. Однако в большинстве школ чувашских селений преподавание велось на русском языке, чувашский же язык в редких случаях преподавался как родной.

Об ослаблении внимания органов народного образования и местной власти к проблеме удовлетворения культурно-национальных потребностей чувашского населения говорит и ряд других фактов. Так, в начале 1930-х гг. стали сокращаться поставки литературы на чувашском языке в школы и сельские библиотеки, перестали выходить местные периодические издания на чувашском языке. С начала 1930-х гг. из статистических сведений и отчетов органов культуры и народного образования полностью исчезли данные о работе среди национальных групп, проживающих бок о бок с русскоязычным населением.

Такой подход, естественно, не способствовал закреплению за чувашским языком приоритетов в складывающемся чувашско-русском двуязычии. Большое значение здесь имело и то, что при водворении переселенцев из европейской части страны, как правило, не учитывались особенности их национальной, языковой и территориальной принадлежности. О подобных несообразностях свидетельствуют заявления чувашских переселенцев в Сибирское краевое земельное управление с просьбой о поселении их в национальных населенных пунктах [ГАНО, ф. 209, оп. 1, д. 492, л. 64; ф. 209, оп. 1, д. 650, л. 268].

Все это вынуждало чувашское население в Сибири использовать русский язык не только в межэтническом общении, но и как средство внутриэтнической коммуникации. Стало уменьшаться количество людей, признававших чувашский язык родным. По материалам переписей населения, в 1926 г. для сельских чувашей исследуемого региона этот показатель равнялся 91,6 % [Всесоюзная..., 1929, с. 68–105], а в 1959 г. – лишь 72,4 % [Итоги..., 1963, с. 330–382]. При этом среди чувашей ЧАССР в 1959 г. таких людей было 97,5 % [Итоги..., 1963, с. 318], а в целом по чувашам СССР – 90,8 % [Итоги..., 1973, с. 9].

На развитие этой ситуации в огромной мере повлияли потери населения в период Великой Отечественной войны. Многие мужчины – носители этнической информации и языка – не вернулись домой, а женщины и старики либо гибли в результате

голода и напряженной работы, либо не имели возможности полноценно учить языку младшее поколение. В этот период также были разорваны и утеряны многие родственные и культурные связи с чувашами ЧАССР и других регионов страны.

В конце 1950 – середине 1970-х гг. на развитие этноязыковой ситуации у чувашей Западной Сибири стали оказывать влияние и другие, ранее не существовавшие (или несущественные) факторы – сплошная электрификация- и радиофикация сел, появление телевидения, внутриобластные миграции (из сел в города, в райцентры и т. д.). Большое негативное воздействие оказала кампания по расселению и ликвидации «неперспективных» деревень, в результате которой чувашаи, жившие в Сибири моноэтническими поселениями, стали попадать в иноязычную (как правило, русскую) среду. Необходимо заметить, что все радио- и телепередачи местных и общесоюзных станций велись в этот период на русском языке. Сложившееся в 1950–1970-х гг. положение, при котором уровень знания чувашского языка сибирскими чувашами был явно недостаточен для продолжения образования в учебных заведениях Чувашии, а улучшить его на местах было негде, принуждало молодежь больше использовать русский язык во всех сферах жизнедеятельности. В силу вышеозначенных причин к 1970 г. лишь 60 % сельских жителей чувашской национальности в Западной Сибири назвали родным чувашский язык [Итоги..., 1973, с. 107–122].

Здесь, однако, необходимо отметить один нюанс: данные переписей населения учитывают всех жителей чувашской национальности в сельской местности или городе, вне зависимости от того, в каком селении (одно- или многонациональном) те проживают. При проектировании выборки мы ориентировались на селения с достаточно высокой концентрацией чувашей, что диктовалось особенностями их чрезвычайно дисперсного расселения. С целью выяснения возможной величины расхождения показателей, полученных при опросе информаторов, проживавших в преимущественно русском селении (с. Слобода Знаменского района Омской области) и чувашском моноэтническом (д. Мошканка Тарского района Омской области), были сопоставлены результаты ответов на вопрос о родном языке респондента и степени владения им чувашским и русскими языками. По некоторым позициям величина расхождения достигала 19,5 %. Ни в коей мере не придавая этим данным универсального значения,

мы считаем, что их учет способствует более верному соотношению данных переписей и нашего опроса.

Результаты обследования следующие: чувашский язык считают родным 80,2 % опрошенных, причем этот показатель варьирует от 58,6 % (мужчины 25–29 лет) до 96,8 % (женщины старше 60 лет). Своеобразным оказалось положение с языковой компетентностью чувашей обследованных групп. Так, свободно владеют чувашским языком (свободно говорят, читают и пишут) лишь 33,8 % респондентов, а 3,7 % – не владеют им вовсе. Половина же опрошенных чувашей Западной Сибири (50,8 %) владеют чувашским языком лишь на разговорном уровне. Что касается русского языка, то им свободно владеют 82,2 % респондентов, а не владеют – лишь 0,7 % (женщины старше 60 лет).

Эти данные находятся в прямой связи с образовательными характеристиками обследованного чувашского населения, учитывающими, какое и на каком языке образование получил респондент. При обработке материала за основу взято последнее (окончательное на момент опроса) образование респондента, без учета его перевода в процессе учебы с одного языка обучения на другой.

В силу изначальной неразвитости, а затем и полного исчезновения сети чувашских национальных школ на территории Западной Сибири, подавляющее большинство опрошенных нами чувашей (71,7 %) получили образование на русском языке. Те опрошенные, что получили свое образование на чувашском языке (17,8 %), принадлежат к старшим возрастным группам. Необходимо также отметить, что многие из них являются уроженцами Чувашии и других областей Поволжья.

Что же касается результатов относительно реальной речевой деятельности чувашей Западной Сибири, то они весьма убедительно, как нам кажется, доказывают тезис о существовании развитого чувашско-русского двуязычия. Сложившаяся языковая ситуация характеризуется тем, что в настоящее время установилось определенное, хотя и непрочное, равновесие в функционировании чувашского и русского языков в системе реальной речевой деятельности.

Мы не можем говорить о всеобъемлющем преобладании какого-либо языка в речевом поведении обследованных нами групп сибирских чувашей. Но должны констатировать наличие весьма отчетливой тенденции к возрастанию роли русского языка в про-

изводственной сфере и межличностном общении (эпистолярная форма). Особенно ярко активность русского языка видна в его проникновении в такую закрытую, казалось бы, сферу, как внутрисемейное общение. Между родителями и детьми он явно превалирует над чувашским языком: 52,2 % респондентов общаются на русском языке, а на чувашском – лишь 36,8 %.

На основе этих данных мы можем с достаточной степенью вероятности предсказать дальнейшее развитие языковой ситуации в сторону большей степени языковой ассимиляции чувашей Западной Сибири со стороны русских. При этом и далее будет существовать реальный билингвизм в межличностном внутри- и внесемейном общении. Это можно заключить как по материалам этносоциологического опроса, так по непосредственным наблюдениям: неоднократно в разговоре информаторы переходили с чувашского на русский, и наоборот. Нами отмечены и случаи вербальной речевой интерференции, когда в чувашской речи употреблялись русские слова, имеющие чувашский эквивалент.

В отечественной этносоциологической литературе принято считать, что развитие двуязычия может иметь две тенденции – экстенсивную и интенсивную. В первом случае двуязычие распространяется «вширь», т. е. вторым языком (в данном контексте русским) овладевают все больше представителей нерусского этноса. Во втором случае проявляется тенденция к «углублению» двуязычия посредством лучшего овладения вторым языком с использованием его во внутриэтническом общении [Губогло, 1970, с. 5].

Основываясь на приведенных выше данных, мы можем утверждать, что чувашско-русское двуязычие у чувашей Западной Сибири реализует в своем развитии обе эти тенденции. Налицо достаточно широкое овладение русским языком (94,3 % опрошенных), очень высокий для второго языка уровень языковой компетенции (82,2 % респондентов свободно владеют русским) и широкое использование его в реальной языковой практике. Необходимо при этом учесть степень воздействия столь развитого реального двуязычия на процессы культурной интеграции в ходе межэтнического чувашско-русского взаимодействия. Далеко не последнюю роль в этом воздействии играет и такой важнейший показатель уровня билингвизма в реальной речевой деятельности изучаемого социума, как использование национального и русского языков при чтении литературы и газетно-журнальной

периодики. Ведь помимо лингвистического воздействия читатель испытывает и огромное культурное влияние самого материала, в значительной степени зависящее от языка, на котором он подается.

Из наших материалов видно, что русский язык в данной сфере используется гораздо более активно, нежели чувашский. Это во многом определяется как уровнем развития его общественных функций в образовании, хозяйственной деятельности и делопроизводстве, так и особенностями дисперсного проживания сибирских чувашей в русскоязычной среде.

На развитие этноязыковой ситуации у того или иного этноса не могут не оказывать влияние языковые ориентации его представителей, их психологические установки на язык. Особое значение этот аспект приобретает в связи со способностью языковой предрасположенности, сформировавшись под воздействием среды, оказывать обратное воздействие на динамику языковой компетенции и характер языковой деятельности [Губогло, 1984, с. 25].

Одним из основных показателей в системе языковых предпочтений служит установка населения на язык школьного обучения, определяемая по двум параметрам: степени осознания необходимости преподавания детям языка своей национальности и выбору школы и языка обучения для своих детей в проективной ситуации. Второй параметр позволяет более полно отразить языковые ориентации респондентов [Чуваши..., с. 80], вынужденных в реальной жизни довольствоваться имеющимися школами.

Итак, выяснилось, что считают нужным преподавать детям в школе чувашский язык как учебный предмет 28 % опрошенных, отрицательно ответили 52,1 % респондентов, а 19,9 % – затруднились ответить. 95,4 % информаторов хотят, чтобы их дети учились в русской средней школе, и лишь 4,6 % респондентов предпочли бы их отдать в чувашскую среднюю школу. Процент желающих обучать своих детей в чувашской начальной школе был выше.

Эта установка в немалой степени обусловлена тем, что за последние три десятилетия в обследованных нами областях не было открыто ни одной чувашской школы, ни одного класса с преподаванием чувашского языка. Сейчас усилия органов народного образования как-то решить эту проблему наталкиваются на нежелание со стороны населения.

Иные мотивы лежат в основе предрасположенности к языку в сфере пассивного участия в языковой деятельности этноса. Так, 65,9 % опрошенных предпочли смотреть самостоятельные спектакли и концерты на русском языке, а на чувашском – 34,1 %. Поскольку здесь нет прагматической подоплеки (например, необходимости продолжения образования), выбор этот более обусловлен особенностями психологии восприятия, нежели какими-либо другими причинами.

Языковая ситуация определяется также изменениями лингвистических характеристик языка. Хотя нами не проводился структурный анализ языка сибирских чувашей, мы не можем совсем не затронуть данной проблемы. Не вдаваясь в подробности изменения таких структурных единиц языка, как лексика, морфология и грамматика, отметим лишь их направление и причинно-следственные связи.

Длительное проживание в географическом и культурно-языковом отрыве от основного массива чувашского этноса и дисперсное расселение представителей различных этнических и диалектных групп чувашей-переселенцев в Западной Сибири привели к тому, что произошло стирание диалектных различий в языке с последующим их синтезом в разговорной речи, а также значительная редукция лексических и морфологических структур языка в бытовом речевом общении.

Второе направление структурных изменений в языке сибирских чувашей состоит в явлении языковой интерференции. Под ней в данном случае понимается отклонение от устоявшейся структуры языка под воздействием внешнего влияния, проявляющееся в фонетике, морфологии, лексике и семантике, нарушении синтаксических и стилистических норм [Чуваши..., с. 80]. По нашим наблюдениям, у чувашей Западной Сибири это явление получило весьма широкое распространение. В настоящее время оно служит одним из оснований для осознания ими своего отличия от чувашей, проживающих в европейской части России. Однако еще раз заметим, что до сих пор изучение языка сибирских чувашей лингвистами не проводилось.

Резюмируя результаты наших изысканий в области изучения современных этноязыковых процессов у чувашей Западной Сибири, отметим основные итоги и тенденции их развития.

1. В результате особенностей расселения и исторического развития сибирских чувашей достигнута достаточно высокая

степень их языковой ассимиляции со стороны русских, имеющая тенденцию к усилению в ближайшие десятилетия. Это подтверждается взаимосвязью роста уровня свободного владения русским языком и признания его родным в направлении от старших возрастных групп к младшим с почти адекватным снижением уровней владения чувашским языком и осознания его как родного.

2. Чрезвычайно широкое распространение получило чувашско-русское двуязычие. Абсолютное большинство чувашей владеет русским языком, ставшим средством не только межнационального, но и внутриэтнического общения.

3. Билингвизм в исследованных группах чувашей развивается в двух направлениях – «вширь» и «вглубь». При этом уровень языковой компетенции повышается до абсолютного в направлении от старших возрастных групп к младшим. Уровень и степень знания чувашского языка становятся все менее глубокими по мере снижения возраста респондента. Сфера действия реального двуязычия является практически всеобъемлющей, что подтверждает тезис о развитии чувашско-русского двуязычия «вглубь». Отметим также, что речевая активность респондентов, несомненно, обусловлена уровнем и языком полученного образования, которые находятся в прямой связи с принадлежностью к той или иной возрастной группе.

4. Учитывая динамику изменения языковой ситуации у чувашей Западной Сибири в прошлом и обозначенные выше тенденции ее развития в настоящем, можно уверенно предсказать дальнейшее расширение и углубление чувашско-русского двуязычия и процесса интеграции в культуру сибирских чувашей потенциала, накопленного русским языком. Являясь позитивным в целом, этот процесс в нынешнем виде имеет и определенный негативный аспект. Утеря чувашским языком хотя бы части позиций, занимаемых им в системе речевой деятельности и языковых ориентаций его носителей, приведет к вынужденной замене отдельных элементов и целых слоев языковой культуры, основанных на лексико-семантической базе, на русскоязычный эквивалент.

Учитывая то, что процесс подобного рода может развиваться только диахронно, можно предположить: он обернется определенными потерями не только этнически, но и социально значимых культурных ценностей и ориентаций при возможном

переходе от одной системы этнокультурных и языковых традиций к другой.

Остановить такой ход событий может лишь значительная культурно-языковая «подпитка» этнически значимой информацией, распространяемой средствами телевидения, радио, а также национальной литературы и других изданий на чувашском и русском языках.

5.2. Немцы Сибири

Для изучения проблемы немецко-русского двуязычия следует учесть, что немецкий язык имеет несколько форм: разговорную (с членением на диалекты) и литературную, наддиалектное койне, особый культовый язык и др.

Проблемы развития немецкого языка и немецкой школы в российских колониях. Чтобы выявить направления, динамику и тенденции развития этноязыковых процессов у немцев Сибири, необходимо хотя бы кратко остановиться на истории развития немецкого языка в России. Большинство немецких колонистов до начала XX в. не знало русского языка. При переселении в Россию правительство гарантировало немцам сохранение самоуправления и привычного уклада жизни. Делопроизводство велось на немецком языке, школьные учителя содержались за счет общины, а образованием в колониях чаще всего занималась церковь.

Немецкая школа стала результатом реформационного движения в Германии в начале XVI в. [Шлейхер, 1992, с. 44]. В таком виде она была перенесена в Россию и сохраняла свои основные черты вплоть до начала XIX в. Ученики обучались чтению по религиозным книгам, немного занимались письмом, счетом, запоминали библейскую историю, катехизис, молитвы, церковные гимны, тексты из Евангелия. В русских колониях постоянно ощущалась нехватка учителей, т. к. долгое время не велась их подготовка.

Положение улучшилось с созданием в России специальных учебных заведений. В колониях Поволжья в 1857 г. было открыто Катериненштадтское центральное училище, в 1866 г. – училище в Гримме [Шлейхер, 1992, с. 48–49].

Гимнии и университеты были недоступны для колонистов из-за языкового барьера, поэтому потребность в знании русского языка постоянно росла. В 1833 г. по повелению Николая I в по-

волжских колониях были учреждены две русскоязычные школы (по 25 учеников в каждой). Однако этого было недостаточно для удовлетворения потребностей деревенских школ в учителях русского языка.

Несколько лучше обстояли дела в южных колониях России, особенно меннонитских. Это послужило условием для их быстрого экономического развития. Здесь были открыты центральные училища в селениях Сарате (Бессарабия), Гальбштадте и Хортице.

В 1881 г. в немецких колониях 535 сельских школ (в Саратовской губернии – 61, Самарской – 117, Херсонской – 94, Бессарабской – 34, Екатеринославской – 84, Таврической – 145) и 13 центральных училищ были переданы в ведение Министерства народного просвещения. Внедрение русского языка в немецкие школы продолжалось. Политика русификации немецкой школы была связана с общим наступлением на права и льготы немецких колонистов. Менялись программы обучения, переводилось на русский язык преподавание всех предметов, кроме закона божьего и церковного чтения. Учителя, не знающие русского языка (а таких было 75 %), подлежали увольнению в течение двух лет.

В целом уровень грамотности немцев-колонистов был исключительно высок для того времени. В 1890 г. среди немцев Самарского уезда 73,9 % были грамотными (средняя грамотность в уезде 6,8 %). В Мелитопольском уезде Таврической губернии уровень грамотности немцев равнялся 63 % (средняя грамотность в уезде 11,8 %) [Шлейхер, 1992, с. 52–53]. Меннониты все были грамотными.

Несмотря на то, что колонии немцев в Сибири в конце XIX в. только начинали обустраиваться, существовали возможности для получения образования. По результатам однодневной переписи школ от 18 января 1911 г., на территории Омского уезда в двенадцати немецких населенных пунктах существовало 3 низших одноклассных училища Министерства народного просвещения и 9 евангельско-лютеранских школ. Кроме того, в г. Омске были две евангельско-лютеранские школы, начальное училище для инородцев-меннонитов и немецкий детский сад [ГАОО, ф. 8, оп. 1, д. 6а, л. 1–20].

В евангельско-лютеранских школах преподавание велось на немецком языке, а содержались они полностью за счет сельского общества. В министерских училищах обучение велось на двух

языках: на русском – арифметика, чтение и чистописание, которые вел учитель министерства; на немецком – закон божий и немецкий язык, которые преподавал нанимаемый сельским обществом вероучитель.

Важным средством распространения немецкого языка до Октябрьской революции была национальная пресса. С 1827 г. по 1914 г. выходила «Sankt-Petersburger Zeitung». Специально для колонистов издавались газеты «Odessaer Zeitung», «Saratousche Deutsche Zeitung» и др. Были основаны издательства «Союз» и «Энергия» – в Саратове, «Радуга» – в Гальбштадте, «Готтлиб Шаад» – в Пришибе, а также издательство Ницше в Одессе. Они печатали газеты и книги для колонистов.

Газеты, кроме обычных публикаций и распространения литературного творчества российских немцев, неоднократно публиковали материалы о школьном образовании. Выдвигались требования преподавания в школе всех предметов на немецком языке, кроме русского языка и истории России [Шлейхер, 1993, с. 103–109]. Эти проекты не могли осуществиться. Накануне Первой мировой войны в России обострились антинемецкие настроения, а с началом войны положение немцев резко ухудшилось. Были закрыты немецкие газеты, в обществе запрещалось говорить по-немецки.

После февральской революции 1917 г. во всех местах компактного проживания немцев были образованы национальные комитеты, которые предлагали осуществить их право на самоопределение в рамках Российского государства. В большинстве случаев подразумевалась хозяйственно-культурная автономия. После октября 1917 г. национально-государственное строительство пошло по пути создания территориальных автономий. Функциональное развитие немецкого языка проходило в рамках автономной республики, национальных районов и сельсоветов.

В октябре 1918 г. было принято постановление «О школах национальных меньшинств». Обучение в национальных школах должно было осуществляться на родном языке по единым программам [Талдин, 1972, с. 13].

Со времени образования национальных административных районов функции немецкого языка значительно расширились. Немецкий язык был введен в делопроизводство. Местные органы власти и суды употребляли немецкий язык. Выросло число немецких школ.

В Сибири работа школ координировалась Сибирским отделом народного образования (СибОНО), в состав которого входил Подотдел просвещения национальных меньшинств [ГАНУ, ф. 1053, оп. 1, д. 115, л. 11]. Подготовкой педагогических кадров для немецких школ Сибири занимался ряд высших и средних учебных заведений в Поволжье и на Алтае (г. Славгород).

В Поволжской республике было основано государственное издательство, которое выпускало не только книги религиозного содержания и произведения немецких писателей, но и учебную литературу. В 1924–1925 гг. были изданы «Арифметика» Циглера, «Учись считать» Баха, «Азбука для взрослых» Фукса – всего до 100 тыс. учебников [Вашкау, 1993, с. 35]. К концу 1930-х гг. в Поволжской республике существовало 5 институтов, 11 специализированных учебных заведений, драматический театр, детский театр, несколько газет и журналов. С 1933 по 1935 гг. было выпущено 555 наименований печатной продукции (общий тираж 2 861 тыс. экз.), среди них 176 учебников (общий тираж 1 472 тыс. экз.) [Eisfeld A., 1991, s. 14].

В Сибири положение было сложнее, т. к. существовали огромные трудности материального характера. В докладной записке Омского ГубОНО от 30 апреля 1923 г. говорилось: «Дело с учебниками и пособиями обстоит ещё очень плохо. Немецкие школы пока учебников не имеют, но к началу учебного года эти учебники будут, так как население заинтересовано в их покупке» [ГАНУ, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 2].

Уровень грамотности по западносибирскому региону в 1920 г. составлял 35 % [ГАНУ, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 67]. Неравномерным было распределение грамотного и неграмотного населения по уездам [Итоги..., 1923, с. 50–103].

Начало 1920-х гг. можно считать относительно благополучным временем для развития немецкой национальной школы. Действовали губернские курсы по переподготовке учителей немецких национальных школ [ГАНУ, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 23]. Согласно отчетам Сибсовнацмена, в 1920–1921 учебном году в Западной Сибири действовало 165 немецких школ, 4 детских дошкольных учреждения, 40 изб-читален.

Однако вскоре положение резко ухудшилось. С введением новой экономической политики культурно-просветительные учреждения и школы были сняты с государственного обеспечения и переданы на содержание населения [ГАНУ, ф. 1053, оп. 1,

д. 553, л. 18]. Стала проявляться тенденция к переводу обучения в национальных школах на русский язык [ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 679, л. 32], а количество немецких школ резко сократилось.

На 1 декабря 1923 г. в Омской губернии действовало 85 немецких школ, в которых обучалось 2 515 детей, а к 1 мая 1924 г. осталась только 61 школа, а уже к 1 октября 1924 г. – всего 47 (55 учителей, 2 848 учащихся) [ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 679, л. 82]. До 1930-х гг. положение с обеспечением образовательных потребностей немецкого населения Сибири оставалось стабильным. Затем, в результате проведения школьной реформы, национальные школы были ликвидированы. Значительную роль в русификации немецкой школы сыграло принятие конституции 1936 г. и специального постановления СНК и ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей».

В течение нескольких десятилетий язык российских немцев предавали забвению. Он был признан иностранным и не входил в число языков народов СССР. В период с 1942 г. по 1956 г. в СССР не вышло ни одной книги, ни одной газеты на родном для полутора миллионов немцев языке.

Восстановление преподавания немецкого языка в качестве родного, либо углубленное изучение немецкого языка в сельских школах частично произошло только в 1980-х гг. В настоящее время оно сталкивается со значительными трудностями. Не хватает специальных учебников и методической литературы. Преподаватели немецкого языка получают в основном общую подготовку преподавателей иностранного языка. Их специальной подготовкой в последние годы занимается Отдел национальных школ Института усовершенствования работников народного образования. Кадровая проблема в ближайшем будущем должна быть решена, но педагоги могут столкнуться с проблемой безработицы: в результате обвальной эмиграции немцев многие классы не будут укомплектованы. Однако вести обучение тех, кто остался, необходимо. Проблемой является также то, что преподавание ведется на немецком литературном языке, для немцев же Сибири родным является диалект *муттершпрах*.

Форма существования немецкого языка в России является весьма своеобразной. На протяжении двух столетий немецкий язык развивался изолированно от тех языковых процессов, которые проходили в Германии. После завершения объединения

германских земель немецкие говоры метрополии постепенно переросли в обиходный язык со следами бывшего диалекта и различной степенью приближения к норме. Литературный язык Германии стал обгонять в своем развитии диалекты, унифицировать их, поднимая до уровня всенемецкого разговорного стандарта [Вейлерт, 1980, с. 23].

Совсем иные языковые процессы проходили в российских колониях. Традиции общего литературного языка не были сильны среди колонистов. Во-первых, колонистами были преимущественно крестьяне, а литературный язык распространяется в первую очередь в городах. Во-вторых, в Россию переселялись в основном выходцы из Западной Германии (Эльзаса, Гессена, Бадена, Пфальца, Вюртемберга). По мнению Адольфа Баха [1956, с. 247], именно эти районы и Баварско-Австрийская область дольше других оказывали сопротивление новой форме языка. Таким образом, в Россию переселенцы привезли свой родной диалект, еще не тронутый влиянием литературной нормы. Расстояние между новыми поселениями в России было огромным. Это привело к тому, что язык развивался и функционировал на новой родине, исходя из того набора языковых средств, который был привезен с собой его носителями [Вейлерт, 1980, с. 28].

Так как российские окраины заселялись выходцами из различных частей Германии, Австрии и Польши, в среде немецких колонистов были представлены все основные немецкие диалекты: нижненемецкий, средненемецкий и южнонемецкий. Локализовать эти диалекты, провести между ними четкие границы очень сложно. В условиях Сибири эта задача ещё более усугубилась из-за неоднократного перемещения носителей диалектов.

Актуальным на сегодняшний день остаются слова В. М. Жирмунского [1976, с. 492], что «изолированные среди иноязычного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой на протяжении сравнительно краткого промежутка времени в 100–150 лет, в обстановке, удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий».

К сожалению, в результате репрессивной политики по отношению к немецкому народу, исследования в области языка российских немцев на долгие годы были прекращены. Возобновлены они были в 1960-х гг., в совершенно новых условиях.

Если до Великой Отечественной войны немцы проживали в относительно закрытых колониях, то ситуация изменилась после их выселения. Произошло смешение говоров, сказывалось и интерферирующее влияние русского языка. В связи с этим возник ряд языковых проблем, изучением которых занялись лингвисты сибирского региона под руководством профессора Г. Г. Едига [Митрофанова, 1993, с. 78–80]. С 1969 по 1989 гг. под его редакцией выходил сборник «Вопросы диалектологии», благодаря чему исследования омской диалектологической школы стали широко известны. Систематические лингвистические исследования были прекращены после эмиграции Г. Г. Едига и его учеников в Германию. Основным итогом многолетней работы стала монография Н. Беренд и Г. Едига «Немецкие диалекты в Советском Союзе: история исследования и библиография», вышедшая в Марбурге в 1991 г. [Berend, Jedeig, 1991].

Немецкие диалекты Западной Сибири – явление сложное и неоднозначное. Гетерогенность здешнего немецкого населения обусловила языковое многообразие. Наиболее изученным в настоящее время является «волжско-немецкий» диалект, на котором общались жители колоний Поволжья. Он ближе других диалектов к литературной норме, обнаруживая большое сходство с классическими формами мейсенского говора восточно-средненемецкого диалекта, который и послужил основой немецкого литературного языка. Этой близостью объясняется и легкость усвоения литературных норм немецкого языка поволжскими немцами по сравнению с другими группами немцев. Об этом свидетельствуют и результаты нашего опроса. Если в целом читают на немецком языке газеты, журналы, художественную и религиозную литературу 29 % опрошенных сибирских немцев, то в группе поволжских немцев эта цифра равна 41 %. Артур Вейлерт, проводя в 1963 г. исследования средненемецкого диалекта бывших жителей Нижнего Поволжья, не обнаружил ни одного слова, которое не встречалось бы в лексикографических справочниках современного немецкого языка. По его наблюдениям, словообразовательные формы волжско-немецкого диалекта существенно не отличаются от литературного стандарта. Наибольшее отличие диалекта от немецкого литературного языка прослеживаются на фонетическом уровне [Вейлерт, 1980, с. 28–29]. Хотя расхождения в произношении иногда бывают довольно значительными, у лиц, знающих немецкий литературный язык, как правило, не

бывает затруднений в понимании говоров волжско-немецкого (т. е. средненемецкого) диалекта.

В. М. Жирмунский неоднократно указывал на необыкновенную территориальную расщепленность немецких крестьянских говоров [Архив РАН, ф. 1001, оп. 1, ед. хр. 227, л. 23]. Первоначально после переселения в Россию почти каждая деревенская общность отличалась по своему языку (хотя бы в деталях). Постепенно в процессе общения сформировались территориальные группы, язык которых был более или менее единым. Так, например, сформировался язык волынских немцев, который является вариантом восточно-средненемецкого диалекта [Лютлова, 1993, с. 49]. В наиболее чистом виде этот говор сохранился у жителей д. Смоляновка Любинского района и д. Литковка Тарского района Омской области.

В. М. Жирмунский считал, что в колониях проходил непрерывный и постоянный процесс междиалектного смешения и возникновения смешанных диалектов. В Сибири эти процессы продолжились. Однако в ряде случаев естественный ход событий нарушался, а носители диалектов на новом месте оказывались в совершенно иной ситуации языкового общения. Это хорошо видно на примере швабского (южнонемецкого) диалекта [Ростовцев, 1993, с. 81–85]. Из-за значительных диалектных различий общение швабов с представителями других групп немцев осуществлялось на русском языке. Сфера действия диалекта сузилась до внутрисемейного общения.

Диалект отторгает наметившиеся в местах прежнего расселения конкурирующие формы и возвращает себе исконные диалектные формы. Это свидетельствует о наличии внутренней устойчивости диалектной системы и даже некоторой способности диалекта к регенерации утраченных или вытесненных форм. Несмотря на отсутствие графически фиксированных норм диалектной речи, фонетические и грамматические нормы диалекта, его словарный состав адекватно передавались из поколения в поколение. Отсутствуют также и свидетельства смешения диалектов в смешанных браках. Диалекты супругов сосуществуют параллельно. При этом дети в таких семьях говорят чаще всего на некоем «смешанном» языке, понимая, но не используя родительские диалекты. Вероятно, семья является количественно недостаточной общностью для междиалектного смешения [Ростовцев, 1993, с. 84]. Таким образом, на примере швабского диа-

лекта видно, что в условиях Сибири многие архаичные элементы языка консервируются.

Дальше всего от литературных норм стоит нижненемецкий диалект, основными носителями которого в Сибири являются меннониты. Их язык имеет значительные фонетические, лексические и грамматические отличия от литературного немецкого языка. Обусловлено это сложностью, многоступенчатостью формирования меннонитов как этноконфессиональной группы. По мнению А. Н. Ипатова [1978, с. 41], в основе языка меннонитов лежат фламандский, голландский, фризский и саксонский диалекты. Языком богослужения ими был избран южнонидерландский вариант литературного языка.

В Пруссии, в результате длительного (более 200 лет) процесса смешения нескольких диалектов и *Plattdeutsche* окружающего немецкого населения, возникло своего рода смешанное разговорное *койнэ*. Образовавшийся язык в повседневном общении той или иной этнической группы меннонитов оставался диалектно окрашенным. В России существовали два основных говора меннонитов: хортицкий и молочненский. Носителями *платтдойч* являются, например, жители д. Неудачино Татарского района Новосибирской области и д. Хортица Нижнеомского района Омской области. Остается отметить, что *платтдойч* меннонитов и *Plattdeutsch* в узком значении слова представляют собой не одно и то же.

Таким образом, в Западной Сибири проживают носители всех основных немецких диалектов. Нами отмечено весьма слабое владение немцами Сибири немецким литературным языком, поэтому под термином «немецкий язык» мы подразумеваем диалект *муттершпрах*.

Современная этноязыковая ситуация у немцев Западной Сибири. Изучение конкретной этноязыковой ситуации в исследуемых нами немецких этнических группах проводилось в трех направлениях: языковая компетенция, языковое поведение и языковое предпочтение.

Данные переписей населения разных лет свидетельствуют об изменении такого важного показателя, как осознание немецкого языка родным [Итоги..., 1973; 1989, с. 219–392; Национальный..., 1990, с. 60, 68].

Представленные данные свидетельствуют о быстрой утрате немецким языком своих позиций. Эти цифры, однако, являют-

ся средними показателями, отражающими лишь общую тенденцию. Существенно отличаются ответы на вопрос о родном языке городских и сельских жителей, а также жителей различных областей [Национальный..., 1990, с. 544–558].

По данным нашего этносоциологического опроса, 84,6 % сельских респондентов считают родным языком немецкий и лишь 15,4 % – русский. Расхождение в результатах свидетельствует об относительности данных всеобщих переписей населения и конкретных социологических опросов. Естественно, при опросе жителей крупного города и сельской глубинки результаты получают разные. В нашем случае, когда опрос проводился по большей части в моноэтнических населенных пунктах, в местах компактного проживания немцев были получены результаты, свидетельствующие о достаточной степени сохранности немецкого языка в качестве родного. Основной причиной этого является относительная изолированность сибирских групп немцев.

В половозрастных группах тоже получены различные ответы. Самый высокий показатель (95,3 %) считающих немецкий язык родным был получен в группе женщин старше 60 лет, самый низкий (75,6 %) – в группе мужчин 25–29 лет.

В различных социально-профессиональных группах наивысший показатель (89,2 %) считающих родным языком немецкий был получен в группе Г2, самый низкий (70,4 %) – в группе А1. Категория «родной язык» тесно связана с этническим самосознанием. Она, на наш взгляд, отражает не столько активную языковую практику личности, сколько его национальную ориентацию. Расхождения в ответах связаны и с различным образовательным уровнем: почти все респонденты группы А1 имеют высшее образование, полученное на русском языке.

Достаточно сложным является положение с языковой компетенцией обследованных групп. Свободно владеют немецким языком (читают и пишут) лишь 43,9 % респондентов. Не владеют немецким языком совсем 3,4 % опрошенных, а русским – 0,1 % (женщины старшей группы). Около 38 % респондентов разговаривают на немецком языке, а около 15 % – лишь понимают его и могут объясняться. Языковая компетентность выше у молодых людей, которые учили немецкий язык в школе, и у лиц старшей возрастной группы, получивших образование (в основном начальное) на немецком языке. Подавляющее большинство информаторов (89,9 %) получили образование на рус-

ском языке. Неграмотных среди опрошенных было 4,4 %. Около 1,5 % респондентов получили образование и на немецком, и на русском языках.

Важнейшей составной частью этноязыковых процессов, как уже говорилось выше, является двуязычие. Относительная стабильность немецко-русского билингвизма в течение жизни нескольких поколений позволяет рассматривать его не только как этносоциальное явление, но и как этнический признак российских немцев. Являясь исторически оправданным и необходимым в связи с ростом межэтнических отношений, двуязычие ведет к уплотнению информационно-коммуникативных связей между представителями разных этносов, позволяет повысить адаптивные способности этноса [Арутюнов, 1978, с. 3–14; Губогло, 1978, с. 184–208; Микулич, 1991, с. 10].

Наряду с этим развитие двуязычия ускоряет процессы межэтнической интеграции и ассимиляции, что в ряде случаев ведет к ослаблению позиций национального языка и связанной с ним культуры. В условиях иноэтничного окружения эти процессы являются неизбежными. Речь может идти лишь о темпах и масштабах языковой ассимиляции. Оптимальным является вариант естественной ассимиляции и межэтнической интеграции. Реально в России, особенно в последние десятилетия, происходила насильственная ускоренная ассимиляция, что привело к неудовлетворенности запросов немецкого населения в области национального языка и национальной культуры.

Конкретная языковая ситуация в немецких колониях зависит не только от численности группы, характера её расселения, скорости этнических процессов в регионе, но и от государственной политики. В этой связи интересны наблюдения Ф. Шиллера по поводу русскоязычных заимствований в немецких диалектах (1929 г.): за 150 лет существования немецких колоний были заимствованы 800 слов из русского языка, а за 5 лет войны и революции (1914–1919 гг.) – 700 слов. Из этих 1,5 тыс. заимствований вскоре ушли из обращения 500 слов, т. к. исчезли понятия, которые они обозначали [Заречнева, Пластун, 1993, с. 75]. В годы советской власти возникло большое количество новых слов и понятий, а интерферирующее влияние русского языка ещё более усилилось.

В современный период немецко-русский билингвизм превратился в стойкое массовое явление, чему немало способствовали

разрушение этноизолирующих барьеров и русификация школьного образования. Немецко-русское двуязычие в Сибири носит контактный характер: оно менее развито в моноэтнических населенных пунктах.

В настоящее время система реальной речевой деятельности немцев Сибири не является устойчивой и стабильной, хотя определенные тенденции в функционировании немецкого и русского языков проследить можно.

Так, во внутрисемейном общении предпочтение отдается немецкому языку: 64,9 % респондентов говорят дома с родителями по-немецки, 61,7 % – говорят по-немецки с женой (мужем). Однако в общении с детьми прослеживается тенденция предпочтения русского языка: 61,1 % респондентов говорят с детьми по-русски, а в средних возрастных группах опрошенных, имеющих несовершеннолетних детей, эта цифра равна 75–80 %.

Значительное преобладание немецкого или русского языка в речевом поведении обследованных немецких групп нами не отмечено. Чаще всего информаторы отвечали: «Говорим и по-немецки, и по-русски», а выбор языка зависит от конкретной ситуации. Однако необходимо отметить возрастание роли русского языка во всех сферах речевой деятельности. Это связано не только с ассимиляционными процессами (прямая зависимость), но и с тем, что устаревшие диалектные формы не отвечают потребностям времени (например, в производственной сфере общения). В последние годы наблюдается усиление влияния немецкого литературного языка через печать, радио, систему образования, контакты с Германией, однако задача изучения немецкого профессионального языка только ставится [Люзе, Демидова, 1993, с. 27–30].

Естественный процесс развития языка в сибирско-немецких группах приведет к тому, что рано или поздно островные диалекты будут вытеснены как средство общения. Пока же в выбранных нами группах на момент проведения опроса по степени употребления на первом месте стоят местные диалекты, на втором – русский язык, на третьем – немецкий литературный язык. Какого-либо влияния языков других контактирующих с немцами в Сибири этнических групп (украинцев, казахов, эстонцев) и развития многоязычия нами не зафиксировано. Связано это с тем, что указанные группы являются малочисленными и тоже испытывают ассимиляционное воздействие русского языка. Скорее, в

немецких селах можно встретить эстонца или казаха, прекрасно говорящего по-немецки (например, в с. Цветнополе Азовского района Омской области).

Говоря о развитии билингвизма вглубь и вширь, нужно отметить, что у сибирских немцев наблюдаются обе эти тенденции, поскольку хорошее знание русского языка (99,9 % опрошенных владеют им в той или иной степени) сочетается с очень высоким для второго языка уровнем языковой компетенции: 90,8 % респондентов владеют русским языком свободно.

На развитие языковой ситуации большое влияние оказывает психологическая установка населения на язык школьного обучения. Так, при ответе на вопрос: «Нужно ли детям преподавать в школе язык Вашей национальности?» утвердительно высказались 86,4 % опрошенных, затруднились ответить 11,1 %, отрицательно ответили лишь 2,5 % респондентов. Отвечая на вопрос: «В какой школе Вы хотели бы учить своих детей?», большинство респондентов (68,5 %) отдали предпочтение немецкой средней школе. Реально таких школ не существует, но в перспективе их создание возможно. Значительную помощь оказывает Германия, ведется подготовка кадров. Отрицательные ответы на вопросы анкеты мотивировались тем, что после окончания школы нет возможности продолжать образование на немецком языке.

В сфере пассивного участия в языковой деятельности (например, при выборе предпочтительного языка для спектаклей и концертов) большинство респондентов (66,1 %) указали русский язык. Сами участники опроса объясняют это тем, что не понимают литературного немецкого языка. Примером могут служить гастролы Алма-атинского немецкого драматического театра: большим успехом пользовались те спектакли, которые исполнялись на диалекте. Естественно, представители младших возрастных групп более восприимчивы к той этнически значимой информации, которая поступает на немецком литературном языке.

Важную роль играет и такой показатель уровня билингвизма, как использование немецкого и русского языков при чтении литературы, газет и журналов. Русский язык в этой сфере используется более активно, нежели немецкий. Во многом такая ситуация объясняется тем, что печатной продукции на немецком языке в России выходит немного, она менее разнообразна, чем русскоязычная. Наибольшей популярностью среди газет на немецком языке пользуется «Neues Leben», выходящая в Москве

(основана в 1926 г., возобновлена в 1957 г.). В ней печатаются материалы и на диалектах. В г. Славгороде для немцев Алтайского края уже более 40 лет выходит газета «Zeitung für dich», а для населения Немецкого национального района издается газета «Новое время». В Казахстане с 1966 г. ежедневно печатается газета «Freundschaft» (современное название «Deutsche Allgemeine»). С 1981 г. дважды в год выходит альманах «Heimatliche Weiten». В г. Омске издается еженедельник «Bunte Woche», а для населения Азовского немецкого национального района – «Ihre Zeitung». Для детей обычно выписывается журнал «Миша» на немецком языке. Люди старшего поколения и верующие читают религиозную литературу. Много книг поступает в последнее время по различным каналам из Германии. Необходимо отметить, что печатная продукция, как школа, радио и другие каналы распространения литературного немецкого языка, играет важную роль в процессе стирания различий между диалектами.

В настоящее время трудно делать долгосрочные прогнозы развития немецкого языка в Сибири, но на основании наших исследований можно предположить, что ускорится процесс унификации диалектов на базе средненемецкой нормы, т. е. процесс консолидации немецкоязычных групп пойдет быстрее. Распространение литературного языка должно привести к немецкому билингвизму, когда в зависимости от ситуации возможна речевая деятельность и на литературном языке, и на диалекте. Владение той или иной формой языка будет зависеть и от возраста: диалектизмы будут более сохраняться в речи старшего поколения, чем у людей среднего и младшего возраста.

Если стирание различий между диалектами является одним из проявлений внутреннего процесса национальной консолидации, то рост влияния русского языка свидетельствует об усилении ассимиляционных процессов. Нами было отмечено, что немцы перенимают у русских не только термины, которые обозначают новые понятия, но нередко заменяют свои слова русскими с адекватным значением. Немцы, например, часто употребляют слова *топор*, *сарай*, *валенки* или *тумы* вместо *Axt*, *Schuppen*, *Filzstifeln* и т. д. Повседневная разговорная речь многих сибирских немцев содержит гораздо больше русской лексики, чем литературный немецкий язык. Двусторонние лексические заимствования (т. е. из немецкого языка в русский) у окружающего русскоязычного населения нами не отмечены. Даже немецкие топонимы в боль-

шинстве случаев переводятся на русский язык. Встречаются случаи использования на письме кириллицы вместо латинского алфавита для передачи немецкого текста.

Характер языковых процессов нашел отражение и в антропонимии. Изменения антропонимической модели выразилось в оформлении отчества. Чаще всего оно используется в деловой официальной обстановке, а в повседневном общении немцы предпочитают традиционное обращение по имени. Значительные изменения произошли в именнике. Уменьшился «разброс» имен, отсутствуют удвоенные имена. Наиболее популярны среди немцев Сибири следующие имена: мужские – Андрей, Александр, Владимир; женские – Ольга, Наталья, Светлана, Юлия. Ещё совсем недавно были очень популярны, а сейчас практически не используются имена Генрих, Роберт, Христиан, Давыд, Эмма, Эльза и др.

Материалы по антропонимии служат важнейшим источником при изучении вопросов этнической истории: уточнении мест выхода из Германии, исследовании миграционных процессов и процессов смешения сибирско-немецких групп. В частности, фамилии *Тиссен*, *Вибе*, *Фризен* указывают на нидерландское происхождение их носителей, *Малиновский* – на польское, а *Сакс*, *Шваб* говорят сами за себя.

Подводя общие итоги, следует отметить отличительные черты современных этноязыковых процессов у немцев Западной Сибири.

1. В современный период для них характерен немецко-русский билингвизм.

2. Немецко-русское двуязычие превратилось в стойкое массовое явление, развивающееся экстенсивным и интенсивным путями. При этом уровень языковой компетенции повышается в направлении от старших возрастных групп к младшим.

3. Расширение сферы действия русского языка привело к тому, что он стал средством не только межэтнического, но и внутриэтнического общения.

4. Существует тенденция сужения сферы действия немецкого языка до уровня внутрисемейного, бытового общения. Речевая деятельность обусловлена языком полученного образования.

5. Мера свободного владения русским языком у немецкого населения Сибири в настоящее время выше, чем мера свободного владения немецким языком.

6. На современном этапе достигнута достаточно высокая степень ассимиляции со стороны русского языка, имеющая тенденцию к усилению.

7. Сдерживающими факторами роста темпов языковой ассимиляции являются компактность расселения сибирско-немецких групп, слабая степень родства немецкого и русского языков, большая роль религиозного воспитания в семье.

8. В области функционирования немецких диалектов идут процессы консолидации на базе средненемецкого диалекта при консервации отдельных архаичных форм островных говоров.

9. Языковые процессы у немцев Сибири находятся в неразрывной связи с этническим самосознанием. В настоящее время рост этнического самосознания обусловил активизацию этноязыковых процессов, увеличение роли немецкого литературного языка.

5.3. Сибирские прибалты

Латышский язык – национальный язык латышей (самоназвание *latvieši*), основного населения Латвии. Он вместе с литовским языком и языком пруссов, исчезнувшим в XVII в., принадлежит к группе балтийских языков. Балтийские языки являются ветвью индоевропейской языковой семьи и подразделяются на восточно-балтийские (литовский и латышский) и западно-балтийские (древнепрусский) языки. Из индоевропейских языков наиболее близкое родство связывает балтийские языки со славянскими.

Латышский язык образовался из языков отдельных балтийских племен: *латгалов*, *земгалов*, *селов* и *куршей*. В процессе образования в него вошел также ливский язык, относящийся к семье прибалтийско-финских языков. Некоторые отличия латышского языка от остальных балтийских частично объясняются ливским и эстонским субстратом. Письменность на латышском языке появилась в XVI в. на основе латинского алфавита. Во второй половине XIX на основе среднелатышского диалекта сформировался латышский литературный язык [Грабис, 1966, с. 466–468; Латышский..., 1982, с. 699; Векслер, Юрик, 1988, с. 9].

Эстонский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорских языков. На нем говорит большинство населения Эстонии, живущие в других республиках Прибалтики эстонцы,

а также эмигранты эстонского происхождения в Швеции, США, Канаде и Австралии и др.

Эстонский язык образовался на базе древних прибалтийско-финских племенных диалектов, сложившихся еще в I тыс. до н. э. Для Эстонии были характерны две группы диалектов, на основе которых и сформировались два языка. Первые книги на эстонском языке относятся к XVI в. Они написаны на североэстонском (таллинском) или южноэстонском (тартуском) диалектах. Письменность основана на латинском алфавите.

Единый эстонский литературный язык сложился в третьей четверти XIX в. на основе североэстонского диалекта. Огромная заслуга в деле развития эстонского литературного языка принадлежат Ф. Р. Крейцвальду, который обогатил язык множеством новых слов. На его произведениях училось не одно поколение [Аристэ, Вяари, 1966, с. 26; Каск, 1966, с. 35–36; Эстонский язык, 1982, с. 1572; Reitsak, 1988, s. 7].

Национальные школы и культурно-просветительные учреждения. Попав в Сибирь, латышские и эстонские поселенцы стремились сохранить родной язык. Одним из важнейших факторов развития языковых процессов в малых этнических образованиях является состояние национальной школы. Известно, что структура и уровень развития системы национального просвещения находятся в прямой связи с уровнем национального самосознания, языковой компетенцией носителей языка и, как следствие, уровнем развития национально-специфических черт духовной культуры этноса. Чрезвычайно важную роль эти взаимосвязи начинают играть в условиях дисперсного расселения представителей какого-либо этноса в иноэтничной, иноязыковой среде [Коровушкин, 1990, с. 79].

Первая школа в лютеранских колониях открылась в 1845 г. в д. Рыжково. Преподавание велось на эстонском, латышском и финском языках. Первым учителем был пастор Пундани (*Pundani*) – один из основателей первой лютеранской колонии в Сибири. В 1861 г. его сменил учитель Ануш (*Anuss*), не только преподававший в школе, но и основавший первый в д. Рыжково певческий хор [Rizkova, 1938–1939].

В 1890-х гг. в колонии существовали уже две школы – латышская и эстонская, которые находились на государственном обеспечении (*valdibas uzturetas skolas*). Однако в 1914 г. материальное состояние этих школ ухудшилось. Резко возросла плата за обуче-

ние, поэтому учиться в них могли теперь лишь дети зажиточных крестьян. Преподавание по-прежнему велось на трех языках, но учителей не хватало, и поселенцы прибегали к помощи ссыльных. Так, на эстонском языке преподавал ссыльный Рейман, на латышском – Сула, на финском – Фрекин [Rizkova, 1938–1939; МЭЭ ОмГУ, 1988, п. 47-1, л. 1].

Обычным явлением была национальная школа и в эстонских деревнях. Это было связано с тем, что переселение эстонцев в Сибирь совпало по времени с началом национального «пробуждения» в Эстонии. Наряду с практическими стремлениями (желанием иметь свой хутор, избавиться от гнета немецких баронов и русской колониальной администрации) высокую ценность приобрело образование. По данным пастора А. Ниголя, в 1918 г. в Западной Сибири насчитывалось 21 стационарная и 2 передвижных эстонских школы, из которых 12 располагались в Тобольской губернии, 8 – в Томской, 3 – в Омской [Nigol, 1918, s. 40–54].

Грамотность переселенцев была достаточно высокой. Из Эстонии выписывали газеты, календари, книги, чтобы быть в курсе жизни в европейской части России и во всем мире [Вийкберг, 1986а, с. 12]. Во время гражданской войны в Сибири все вопросы культурного строительства отошли на второй план. Это вызвало резкое недовольство представителей западных нацменьшинств, стимулировало их отъезд на родину во время оптационной кампании 1920–1923 гг. Так, в письме от 3 мая 1921 г., направленном в Наркоминдел РСФСР, Центрэвак и председателю Сибревкома, 50 литовских беженцев, проживавших в Иркутске, назвали три основные причины, заставившие их покинуть Сибирь. Это, во-первых, желание вернуться на родину; во-вторых, «грозящая гибель от голода и холода» из-за топливного и продовольственного кризиса; в-третьих, отсутствие культурно-просветительской работы на родном языке, что при незнании большинством литовцев русского языка гарантировало полный культурный застой [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 544, л. 53].

Действительно, положение в сфере народного образования и культурно-просветительской работы на родном языке у сибирских прибалтов оставалось очень тяжелым, хотя было более предпочтительным, чем у русского населения. Так, перед октябрьской революцией среди латышей Омской губернии был 51 % неграмотных, среди латышей Иркутской губернии – 69,6 %, а всего в Западной Сибири – 78,2 % [Beika, 1973, s. 44].

По данным демографической переписи 1920 г. по Омской губернии, среди латышей было 51,7 % неграмотных, среди эстонцев – 58 %, среди русских 78 % [Итоги..., 1923, с. 102–103]. Поэтому одной из важнейших задач латышских и эстонских секций РКП(б) и РКСМ стало возрождение сети национальных школ. Уже в 1920 г. в Сибири работала 41 латышская школа, где учились 1 625 школьников. В Омской губернии существовало 18 школ, в Енисейской – 13, в Томской – 5, в Алтайской – 4, в Иркутской – 1 [Веика, 1973, с. 45]. Кроме эстонских школ, возобновивших после гражданской войны свою деятельность, в 1920 г. были открыты новые школы в селах Рыжково, Новый Ревель, д. Власинская Омской губернии и в ряде других населенных пунктов [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 26, 36, 39].

В 1924 г. кампания по ликвидации неграмотности у сибирских латышей и эстонцев вступила в завершающую фазу. К этому моменту латыши и эстонцы достигли значительных успехов в борьбе с неграмотностью и опередили по этому показателю другие национальные меньшинства Сибири. Так, неграмотных среди эстонцев Омского округа было всего 10 % (у латышей, вероятно, еще меньше), среди евреев – 22 %, среди поляков и немцев-колонистов – 48 %, среди украинцев – 65 %, среди татар – 71 %, среди киргизов – 93 %. Из 45 открытых в округе школ ликбеза было 14 татарских, 13 украинских, 11 немецких и только 3 эстонских и 3 латышских [Отчет..., 1985, с. 105].

Вместе с тем, работа в сфере народного образования сталкивалась с серьезными проблемами. Во-первых, не хватало средств для нормальной работы национальных школ. В частности, Совет поливановской эстонской школы I ступени в докладе в Совнацмен при Омском ГубОНО от 18 августа 1924 г. докладывал, что в связи со слишком большим количеством учеников, приходящихся на одного учителя, в деревне необходимо иметь двух учителей, а не одного. Однако из-за больших расходов не хватало средств даже на содержание одного учителя [ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 1167, л. 18].

Вскоре для финансирования Наробраза были приняты следующие меры: 1) введено волостное самообложение сельского населения; 2) введено самообложение родителей учащихся, а также посетителей библиотек и клубов; 3) культурно-просветительные учреждения прикрепили к фабрично-заводским предприятиям и учреждениям; 4) введено самообслуживание учебных заведений,

согласно декрету Совнаркома от 15 сентября 1922 г.; 5) культурно-просветительные учреждения, расположенные по линиям водных и железнодорожных путей, были переданы транспортным органам [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 128, л. 9].

Следует отметить, что большинство латышей и эстонцев оказывало материальную поддержку национальным школам. В частности, учитель Золотонивской эстонской школы И. Казик писал, что жители деревни, сознавая пользу образования, не только охотно посылали детей в школу, но и снабжали ее дровами и керосином, а также выплачивали учителю жалованье [ГАОО, ф. 224, оп. 2, д. 39, л. 7].

В д. Ермолаевка, где большинство населения составляли латыши, на общем собрании, состоявшемся 15 ноября 1924 г., были приняты следующие решения: 1) определить помещение для школы; 2) предоставить квартиру учителю; 3) обеспечить топливом школу и квартиру учителя; 4) выделять учителю подводу для поездок по служебным делам [ГАОО, ф. 224, оп. 2, д. 36, л. 4].

Другой крупной проблемой, о которой частично говорилось выше, была нехватка учителей и их низкая квалификация. Например, в Тарском уезде Омской губернии в 1924 г. в городских школах на одного учителя приходилось 23 ученика, а в сельских – 30. При этом только 30 % детей в возрасте 7–10 лет были охвачены обучением, а 70 % остались «за бортом». Большая часть учителей (80 %) нуждалась в повышении квалификации [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 13]. При решении этих проблем были достигнуты определенные успехи. Так, в резолюции Всесоюзной методической конференции учителей (31 января 1927 г.) говорилось, что налицо, во-первых, рост активности учительства; во-вторых, повышение квалификации учителей [ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 1166, л. 5].

Обучение в латышских и эстонских школах стали вести на двух языках: национальном и русском. Школьная программа строилась на комплексной основе и включала в себя следующие блоки: «Природа и человек», «Труд», «Общество» и др. Учебные пособия были как на русском, так и на национальных языках. Так, например, в Золотонивской школе I ступени среди изданий на русском языке были «Очерки обществоведения» Вольфсона, «Сборник арифметических задач» Арженникова, «Новый русский букварь» Вахтерова, «Игры и физические упражнения» Цабеля, «Первые работы по измерению земли» Орлова и др. Из

учебных пособий на эстонском языке можно выделить «Живую природу» Мянника, «Руководство по зоологии» Вагнера, «Эстонскую грамматику» Пелья, «Геометрию» Микельсара, «Новую историю» Пальвадре и др. [ГАОО, ф. 224, оп. 2, д. 39, л. 8–11].

Учебники для латышских и эстонских школ выписывали из Москвы и Ленинграда. В частности, в Ленинграде существовало издательство «Kulvaja» («Сеятель»), издававшее учебную и методическую литературу для эстонских школ РСФСР. Тем не менее, учебников хронически не хватало. В Тарском уезде татарские школы были снабжены учебниками на родном языке на 60 %, а латышские, эстонские и польские школы – на 20–25 % от требуемого. Тарский УОНО обратился за помощью к местной сельхозкооперации, которая изготовила нужное количество книг для всех национальных школ уезда [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 13].

Решался этот вопрос и в других районах. Как сообщалось в докладе Калачинскому УОНО осенью 1924 г., украинских букварей «Червоный прапор» имелось 100 штук, латышских – 20 штук, не было только киргизских, казахских и немецких. Кроме того, в запасе было 150 латышских книг, присланных летом 1924 г. для ликвидации неграмотности [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 23].

Материальная база национальных школ была слаба. Как отмечалось в упомянутом выше докладе Тарского УОНО, оборудование мебелью национальных школ в уезде было значительно хуже, чем в русских школах, и составляло 35–40 % от необходимого. В плачевном состоянии находились и школьные здания [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 12–13]. Не лучше обстояло дело и в других уездах Омской губернии. Так, например, на ремонт Коротковской латышской школы I ступени была составлена смета на сумму 100 руб., а отпущено только 38 руб. 80 коп. В Васюганской эстонской школе I ступени не хватало даже писчебумажных принадлежностей [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 1, 28].

Еще одной проблемой было создание национальных школ в деревнях с национально-смешанным населением. В зависимости от различных обстоятельств, в частности, от удельного веса той или иной национальности, этот вопрос решали по-разному. Так, например, в д. Ковалево Калачинского уезда, где жили эстонцы и латыши, в местной школе работал только учитель-эстонец. Общее собрание жителей просило УОНО прислать в школу еще и

учителя-латыша [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 22]. А в Тарском уезде, где в большинстве деревень преобладала какая-либо одна национальность, в школах обучали на языке большинства населения той или иной деревни. Например, в д. Верхняя Бобровка эстонские дети ходили в латышскую школу, а в д. Юрьевка – латышские дети в эстонскую [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 4–5].

Не удалось создать национальные школы для латгальцев. Коллегия СибкрайОНО на своем заседании 15 марта 1927 г. отнесла латгальцев, немцев, латышей, украинцев, белорусов, поляков, евреев и эстонцев к наиболее культурным национальным меньшинствам Сибири [ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 54, л. 11]. По отношению к латгальцам такая оценка, по всей вероятности, была ошибочной, т. к. на протяжении предшествующего периода не только не выпускалась латгальская учебная литература, но и не велась подготовка педагогического персонала для работы с этой этнической группой. В некоторых латгальских деревнях почти все взрослое население было неграмотным или малограмотным. На заседании Нацменколлегии 4 июня 1927 г. было принято решение о вовлечении латгальцев в существовавшие русские и латышские школы [ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 1166, л. 16]. Это решение оказало негативное воздействие на дальнейшее развитие латгальского языка и культуры.

Становлению национальных школ в Сибири препятствовали также отдельные граждане и целые социальные группы. Например, в с. Васюган Тарского уезда против школы активно выступали кулаки, адвентисты-сектанты, опанты и самогонщики. В с. Коротково Тюкалинского уезда многие верующие отказывались посылать детей в школу, т. к. там не преподавали закон божий [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 1, 27].

Несмотря на указанные проблемы, в сфере народного просвещения были достигнуты значительные успехи. Так, в 1926 г. по числу грамотных на каждую тысячу жителей латыши и эстонцы занимали соответственно второе и четвертое места в СССР (745 грамотных на 1 тыс. человек – у латышей и 724 – у эстонцев). По этому показателю прибалты уступали только караимам (849 грамотных на 1 тыс. чел.) и жившим в СССР чехам и словакам (743 на 1 тыс. чел.) [Маамяги, 1977, с. 93].

В 1928 г. в 372 крупных латышских колониях СССР было 106 школ. В Сибири существовали 102 колонии с 31 школой [Kolonijas latviesu, 1933, s. 17142]. В 1930 г. было принято пос-

тановление о всеобщем обязательном начальном образовании. В 1930–1931 учебном году обучением на родном языке были охвачены все эстонские, немецкие и татарские дети [Трофимов, 1962, с. 115].

Кроме национальных школ во многих латышских и эстонских деревнях (Поливаново, Рыжково, Елизаветино и др.) организовывали площадки для детей дошкольного возраста. Функционировали детские площадки ежедневно в летнее время, а работали на них в основном студенты Латышского центрального педагогического техникума и Ленинградского эстонского педагогического техникума. На площадках проводились учебные занятия (рисование, счет, письмо, изготовление моделей), а также всевозможные игры. Иногда организовывались экскурсии в лес, на луг и т. д. Детей, которые находились на площадке целый день, кормили.

Несмотря на то, что детские площадки назывались национальными, их посещали дети разных национальностей. Так, из 31 ребенка, отдохавшего на латышской детплощадке с. Елизаветино, только 5 детей были латыши, 4 – из русско-латышских семей (говорили по-латышски и по-русски), остальные – из русских и латгальских семей (говорили дома только по-русски) [ГАОО, ф. 1151, оп. 1, д. 1167, л. 52]. В с. Рыжково обе воспитательницы местной детплощадки по национальности были латышки, а дети – из латышских, эстонских и финских семей. Это создавало трудности в работе, поэтому на собрании родители решили ходатайствовать перед соответствующими учреждениями, чтобы прислали воспитательницу-эстонку [ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 1167, л. 28].

Отношение местного населения к детским площадкам было неоднозначным. Например, в с. Рыжково только 3–4 человека активно помогали организовывать местную детплощадку, а остальные относились к ней либо нейтрально, либо враждебно, рассуждая так: «Это только лишний налог на нашу шею. Наши дети вырастут и без площадки, как мы выросли». Определенная часть жителей этого населенного пункта распространяла слухи, что на детплощадке из детей сделают коммунистов, а затем навсегда увезут их в город. Более того, никакой помощи не оказали ни местная маслоартель, ни ячейка комсомола. А председатель Рыжковского сельсовета даже пытался присвоить 20 руб., присланных РИКом на нужды детплощадки [ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 39, л. 26].

Таким образом, несмотря на пропаганду, которую проводили эстонские и латышские секции ВКП(б), большинству населения цели и значение детплощадок были чужды и непонятны.

Многие латыши и эстонцы, окончившие школу, имели возможность продолжить свое образование в национальных средних специальных учебных заведениях. Кроме упомянутых выше педагогических техникумов, был открыт также Латышских сельскохозяйственный институт в г. Петрограде (первый набор произведен в декабре 1921 г). Срок обучения в нем составлял 3 года. Из 40 мест 7 выделялось латышам Сибири, 5 – Башкирии, 8 – Новгородский, 5 – Псковский, 5 – Петроградской, 3 – Московской, 2 – Витебской и 5 – Смоленской губерний [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1149, л. 2].

Одновременно представителям нацменьшинств оставляли места в русских высших учебных заведениях. Так, в 1922 г. Томский университет выделил для них 3 места на медицинском факультете и 2 – на физико-математическом [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 785, л. 12].

Неотъемлемой частью культурно-просветительной работы у сибирских латышей и эстонцев было создание клубов, библиотек, изб-читален. В 1924 г. на 8 тыс. латышских колонистов в Омском округе приходилось 4 избы-читальни, 10 библиотек и 3 клуба [Из отчета..., 1985, с. 105]. В 1928 г., по подсчетам К. Шкилтерса, во всей Сибири насчитывалось 7 латышских изб-читален (*lasitava*) и 39 красных уголков (*sarkanais sturis*) [Skilters, 1928, s. 137].

В конце 1920 г. эстонский подотдел Отдела просвещения нацменьшинств Наркомпроса зарегистрировал в Омской губернии 7 национальных библиотек, 8 клубов, 8 изб-читален [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 1–53]. Активная культурно-просветительная работа велась также и в Томской губернии. Так, в с. Березовка (*Kasekula*) существовало Эстонское культурно-просветительное общество, в котором состояло 80 членов [Siberi tooline, 1921, 23 juul.]. В этих учреждениях велась активная лекционная пропаганда. Так, в Ново-Ревельской библиотеке в январе 1921 г. было проведено 4 лекции, 5 чтений и 3 беседы, которые посетило в общей сложности 70 % населения деревни [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 14].

Кроме того, во многих деревнях с прибалтийским населением существовали различные кружки. Например, в с. Рыжково местный сельскохозяйственный кружок не только вел пропаган-

ду прогрессивных методов земледелия, но и выписал из Москвы и Кременчуга 45 кг семян различных культур на общую сумму 85 руб. [Sibirijas Cina, 1927, № 24]. Во многих деревнях существовали также литературные, хоровые, музыкальные кружки, принимавшие активное участие в организации общесоветских и народных праздников [Siberi tooline, 1921, 23 juul]. Получили широкое распространение латышские и эстонские драматические кружки. Так, в 1920 г. в Сибири работало 30 латышских драмкружков, самым популярным из которых была Омская драматическая группа – первый профессиональный латышский театр в Сибири [Бейка, 1973а, с. 22]. Наиболее крупными эстонскими драмкружками были театральные труппы в селах Поливановка и Ускюль Омской губернии [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 27, 41].

Организация культурно-просветительных учреждений также сталкивалась с серьезными трудностями. Во-первых, многие деревни были разделены на хутора, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга, ввиду чего сложно было организовать какую-либо культурно-просветительную деятельность [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 5]. Во-вторых, была слаба материальная база упомянутых организаций. Так, в с. Ускюль Тарского уезда артисты местной театральной труппы ставили спектакли под открытым небом, т. к. не имели помещения. В пос. Высоковский Тюкалинского уезда для организации театра не было специалистов, а для оркестра – струнных инструментов [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 25, 41].

Большую помощь прибалтийским культурно-просветительским учреждениям оказывали кооперативные и государственные предприятия. Например, в с. Рыжково местный кооператив пожертвовал на нужды избы-читальни 20 руб., часть из которых пошла на погашение долгов [Sibirijas Cina, 1927, № 24].

Еще одним важным направлением культурно-просветительской работы эстонских и латышских коммунистов в Сибири стало издание периодической печати на родном языке. 16 апреля 1918 г. в г. Омске вышел первый номер газеты «Sibirijas Cina» («Борьба Сибири»). В ее редакцию вошли К. Карлсон, Я. Апин, В. Чунчин, Р. Петерсон и Ридус. Омский Совет рабочих и солдатских депутатов выделил для газеты субсидию. В городе удалось разыскать вывезенный сюда в годы Первой мировой войны из Риги типографский шрифт газеты «Jauna dienas lapa» («Новый ежедневный листок»). Учитывая социальный состав проживав-

ших в Сибири латышей, «Sibirijas Cina» публиковала в основном материал, рассчитанный на читателей-крестьян.

В ходе гражданской войны погибли редакторы К. Карлсон, В. Чунчин, Р. Петерсон. В 1920 г. редколлегию газеты, выходившей 2 раза в неделю тиражом 3,5 тыс. экземпляров, возглавили П. Винтынь и Я. Ларозе [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 785, л. 120; Раевский, 1976, с. 124].

В ряде мест предпринимались попытки наладить выпуск небольших газет и журналов, но отсутствие средств и кадров, а также неэффективность таких изданий приводила к их самоликвидации. Так, в Омской литературной секции РКСМ в 1921 г. пробовали наладить выпуск газеты «Jaunais Biedris» («Молодой товарищ»), но удалось выпустить только пять номеров. Распространение получили машинописные и рукописные журналы литературных и общественно-политических студий крупных секций. Красноярская секция выпускала журнал «Jaunatnes dzirkstele» («Молодежная искра») тиражом в 10 экземпляров, Омская – «Jaunas Domas» («Новые мысли»), Новониколаевская – «Darba jaunatnes domas» («Мысли трудовой молодежи») [Раевский, 1976, с. 167 – 168].

В 1921 г. на латышском языке выходило 6 крупных газет – в Москве, Петрограде, Харькове, Омске (со второй половины года в Ново-Николаевске), Ростове и Пскове [Раевский, 1976, с. 130–131].

В сибирских латышских деревнях наибольшей популярностью пользовались газеты «Sibirijas Cina» и «Krievijas Cina» («Борьба России»). Например, в колонии Станкевичи Омской губернии на 1925 г. было выписано 14 экземпляров «Sibirijas Cina» и 4 экземпляра «Krievijas Cina» [Sibirijas Cina, 1925, № 9]. В с. Коротково в 1924 г. все латыши-домохозяева выписывали латышские газеты [Рабочий путь, 1924, 23 апреля].

В 1921 г. некоторые коммунисты-латгальцы внесли предложение в ЦК РКП(б) о создании секции при ЦК партии. В качестве основной причины называлась специфика положения проживавших в РСФСР латгальцев (большой процент неграмотных, сильное влияние религиозных сект, трудность чтения литературы с готическим шрифтом, который использовали все латышские издательства и т. д.). ЦК РКП(б) счел выделение латгальских коммунистов из общих секций нецелесообразным, но некоторые шаги навстречу латгальцам были сделаны. Например,

в целях усиления агитационно-пропагандистской, культурно-просветительной и антирелигиозной работы стали проводиться совещания коммунистов-латгальцев Петрограда, Москвы, Пскова, а также Сибири. При газете «Krievijas Čina» стал выходить листок на латгальском языке [Раевский, 1976, с. 134–135]. Для латгальцев, живших в Сибири, в 1920-х гг. выпускалась газета «Taisneība» («Правда»).

Первой эстонской газетой в Сибири была «Siberi Tooline» («Сибирский рабочий»), которая стала выходить в Омске с 25 февраля 1920 г. Редакция газеты размещалась в Доме пролетарской революции, а тираж составлял 4 тыс. экземпляров. Одновременно с «Siberi Tooline» выходила другая эстонская газета – «Toolise Kalender» («Календарь рабочего») тиражом 30 тыс. экземпляров. В сентябре 1922 г. «Siberi Tooline» получила название «Siberi Teataja» («Сибирский вестник»), а с 6 марта 1930 г. – «Kommunaar» («Коммунар»). Газета «Kommunaar» имела литературное приложение «Uus kula» («Новая деревня»). На страницах этих изданий публиковались такие авторы, как Эдуард Пялль (псевдоним *Хуго Ангервакс*), Феликс Котта, Антон Нымм (псевдоним *Антс Пылдур*) и др., известные эстонцам как школьные учителя [Вийкберг, 1986а, с. 12].

Цели «Siberi Tooline» были следующие: 1) защищать интересы рабочих и крестьян; 2) держать читателей в курсе событий общественной и политической жизни в СССР и других государствах; 3) освещать в статьях и обзорах вопросы политической жизни; 4) давать эстонским поселенцам практические советы по вопросам сельского хозяйства, кооперативной и культурной работе; 5) отражать жизнь эстонских поселенцев Сибири, устанавливать связи со всеми эстонцами СССР; 6) освещать жизнь в Эстонии, показывая политическое банкротство «белой» Эстонии [Грюнберг, 1967, с. 45].

«Siberi Tooline» не была единственной эстонской газетой, выходившей в 1920-х гг. В 1922 г. начал выпускаться еженедельник «Siberi Teel» («Сибирский путь») тиражом 3 тыс. экземпляров [ГАНО, ф. р-1, оп. 1, д. 785, л. 120]. Позднее начали выходить эстонские газеты «Edasi» («Вперед»), «Sade» («Искра») и некоторые другие.

Таким образом, несмотря на серьезные проблемы в сфере народного образования и организации культурно-просветительской работы, к середине 1930-х гг. прибалтийские поселения в

Сибири обладали разветвленной сетью национальных школ и культурно-просветительных учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), национальной прессой. Культурный уровень населения был достаточно высок.

В 1937–1938 гг. под видом борьбы против «национального демократизма» в СССР закрыли все газеты, выходившие на латышском и эстонском языках. Прекратили издавать учебники и художественную литературу, т. к. было ликвидировано издательство «Kulvaja» и ряд других, обеспечивавших прибалтийские школы учебниками. Вынуждены были прекратить свою деятельность латышские и эстонские общественные объединения, а также учебные заведения. Например, в Ленинграде были закрыты Латышский сельскохозяйственный институт, Дом просвещения эстонских трудящихся им. В. Кингисеппа и др. Осуждению и искоренению подлежало все, что было так или иначе связано с национальной самобытностью. На латышскую и эстонскую интеллигенцию в СССР обрушились жестокие гонения. Эстонский поэт Айн Раналээт, изобразивший в сборнике стихов «Вечерние села» труд и жизнь людей эстонских поселений, был назван «контрреволюционным демократом». Его соотечественник, видный поэт и деятель культуры Оскар Куллеркупп, описывавший жизнь дальневосточных эстонских поселений и рассказывавший о трудолюбивых и зажиточных поселенцах, был сурово осужден, а его выступления заклеены как «славословие нацдемократизму» [Пяль, 1989, с. 101].

В эти же годы в РСФСР были закрыты все школы национальных меньшинств, в том числе около 200 школ, где обучение велось на эстонском языке. Повсеместно был осуществлен переход обучения на русский язык. Закрытие многих школ и других культурных учреждений сопровождалось арестами и уничтожением кадровых работников. Так, Е. Ю. Озолс из д. Курлян-Дубовки Тарского района Омской области вспоминает, что в 1937 г. в деревне арестовали школьного учителя, а вместо латышского языка стали преподавать немецкий. А. Г. Ильвес из с. Семеновка Тогучинского района Новосибирской области сообщила, что в эстонской школе она проучилась только один год, а затем учителя арестовали местные органы НКВД и, вероятно, расстреляли. В дальнейшем информатор продолжала учебу в русской школе, где получила начальное образование [Блинкена, 1988, с. 91; Вийкберг, Раннут, 1988, с. 24; МЭЭ ОмГУ, 1988, п. 47-1, л. 17].

Таким образом, в конце 1930-х гг. была парализована языковая и культурная жизнь латышей и эстонцев в Сибири.

В первые послевоенные годы в деревнях Верхнем Суэтуке Красноярского края и Вамболе Томской области предпринимались попытки возобновить обучение на эстонском языке, однако конец этому начинанию положили акции по высылке из Эстонии «кулаков и их приспешников» в Сибирь в 1949 г. [Вийкберг, Раннут, 1988, с. 17].

В годы Великой Отечественной войны в Прибалтике значительная часть национальной интеллигенции была уничтожена фашистскими оккупантами либо оказалась в эмиграции. Так, в Эстонии погибли профессора А.-Т. Клийман и П.-Х. Рубель, писатели Й. Рувен и Э. Таммлаан, художники А. Йохани, Н. Куммитс, А. Лайго, К. Лийманд и др. Знаменитый эстонский гроссмейстер П. Керес, один из сильнейших шахматистов мира, был выслан оккупационными властями из Эстонии и, чтобы сохранить себе жизнь, был вынужден играть в турнирах, проходивших на территории «третьего рейха». Конец войны он встретил в Мадриде [Котов, 1982, с. 43; Эстонская ССР, 1985, с. 820].

В 1944 г. значительная часть прибалтийской интеллигенции, опасаясь сталинских репрессий, ушла на Запад с немцами. По подсчетам профессора Э. Дунсдольфа, в 1947 г. в Германии и Австрии находились 70 % всех латышских фармацевтов, 58 % врачей, 50 % художников, 30 % священников, 32 % учителей и профессуры, 52 % электротехников, 42 % инженеров [Strods, 1989].

После войны правительства Эстонской ССР и Латвийской ССР обратились с просьбой к своим соотечественникам, жившим в других союзных республиках, помочь квалифицированными кадрами. По данным Минпросвета ЭССР, с 1944 по 1950 гг. в Эстонию прибыло 1 179 педагогов, значительную часть которых составляли эстонцы [Маамяги, 1977, с. 222]. Немало преподавателей, вероятно, прибыло из Сибири. Наблюдался также отток латышской интеллигенции и квалифицированных рабочих из Сибири в Латвию.

Таким образом, в результате послевоенной миграции значительная часть образованных людей из числа сибирских латышей и эстонцев, уцелевшая во время репрессий 1930–1940-х гг., вернулась в Латвию и Эстонию. Однако проблема национальных культурных кадров остро стояла и в Сибири, а вследствие этой

миграции она усугубилась, поэтому общий культурный уровень прибалтов в Сибири значительно снизился.

По мнению Ю. Вийкберга, возрождению эстонских и латышских культурных учреждений в Сибири серьезно препятствовала непродуманная национальная политика в СССР. Двужычие толковалось односторонне – как владение нерусским населением русским языком. Сам русский язык рассматривался лишь как источник обогащения и пополнения других языков [Вийкберг, 1989, с. 10]. Этот тезис нашел отражение в ряде трудов советских ученых [Дешериев, 1976; Холмогоров, 1981; Губогло, 1984]. В связи с этим возобновление преподавания прибалтийских языков в Сибири стало возможным лишь в годы перестройки.

Таким образом, в 1920–1930-х гг. в сибирской латышской и эстонской деревне активно функционировали национальные школы и другие культурно-просветительные учреждения. В конце 1930-х гг. в результате жестоких репрессий национально-культурная жизнь прибалтийских поселений на несколько десятилетий оказалась парализованной, а национальные языки стали вытесняться русским из общественной жизни. В конце 1980-х гг. в ряде населенных пунктов возобновилось преподавание эстонского и латышского языков, но эта мера оказалась запоздалой из-за ослабления географической компактности и значительного уменьшения числа прибалтийских поселений.

Этноязыковые процессы. Первые сведения об этноязыковой ситуации у сибирских латышей и эстонцев относятся к 1858 г. Так, например, в представлении Евангелическо-лютеранской генеральной консистории говорилось: «Финны и эсты – одного племени и вскоре изучают язык друг друга, несколько понимая его и без изучения, а из числа немногих ссыльных шведов едва ли найдется хоть один, который не понимал бы по-фински. Что же касается немцев и латышей, то изучение немецкого языка для латышей, а латышского для немцев не весьма затруднительно, тогда как между финнами и эстами с одной стороны и немцами и латышами – с другой существует весьма большое различие и даже род народной неприязни, да и, во всяком случае, весьма трудно найти людей, которые могли быть проповедниками, кистерами и школьными учителями для поселенцев всех упоминаемых здесь пяти наций, собранных в один и тот же приход. Было бы весьма желательно поселить в новой Минусинской колонии тех латышей Лютеранского вероисповедания, которые за не весь-

ма важные преступления присуждаются к поселению в Западной Сибири, так как в Рыжково для них трудно ужиться с тамошними эстами и финнами» [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4936, л. 16–18].

Таким образом, в результате объединения в Рыжковской колонии представителей разных национальностей возникли серьезные языковые проблемы, которые иногда приводили к столкновениям финнов, шведов и эстонцев с латышами и немцами.

В дореволюционное время сибирские эстонцы в основном не владели русским языком. Как правило, у переселенцев, живших обособленно в деревнях и на хуторах, не возникало потребности учить язык окружающего населения. Встречались люди, побывавшие в тюрьме или на каторге, работавшие на золотых приисках или ремесленниками, т. е. жившие в русской среде и имевшие тесные контакты с русским языком, но их было немного. Поэтому, оказываясь в русскоязычной среде, эстонцы попадали в затруднительное положение. Когда переселенцы шли в город к врачу, в суд или на базар, они брали с собой переводчика. Языковой барьер мешал эстонцам служить в армии. Так, в Ивановке удалили с военной службы Эдуарда Штейнбаха (Eduard Steinbach), т. к. он не понимал команд на русском языке [Вийкберг, 1986а, с. 25].

Латыши, по нашему мнению, владели русским языком лучше, чем эстонцы. Так, Н. М. Ядринцев [1878] упоминал о беседе с одним латышом, просившим написать ему прошение.

Латышам, чей язык принадлежит к индоевропейской языковой семье и близок к славянским языкам, овладеть русским языком было значительно легче, чем эстонцам. Кроме того, после поражения в революции 1905–1907 гг. в Сибирь было сослано немало членов ЛСДРП, работавших вместе с русскими революционерами и, следовательно, неплохо знавших русский язык. В 1914–1916 гг. в Сибирь приехало около 4 тыс. беженцев из Латвии, значительную часть которых составляли рабочие с эвакуированных предприятий, трудившиеся бок о бок с людьми других национальностей и говорившие по-русски. Многие из них впоследствии оказались в латышских сибирских деревнях [Spreslis, 1987, s. 25].

Таким образом, в латышской деревне, в отличие от эстонской, люди сравнительно неплохо владели русским языком, что способствовало их вовлечению в события октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны.

В более старых поселениях эстонцы и латыши жили рядом с другими лютеранами – немцами и финнами. Ю. Вийкберг считает, что с немцами эстонцы общались на русском языке [Вийкберг, 1986а, с. 21]. Вероятно, это не так. И эстонцы, и латыши хорошо знали немецкий язык. Во-первых, в Прибалтике на немецком языке, наряду с русским, велось делопроизводство. Во-вторых, остзейские бароны, сохранявшие свое влияние в Эстонии и Латвии вплоть до 1922 г., были немцами, поэтому батраки в их поместьях умели говорить по-немецки. В-третьих, Прибалтика была одной из сфер приложения германского капитала. Например, в Риге и некоторых других городах в конце XIX в. немецкие фабриканты создавали металлообрабатывающие, вагоностроительные и химические предприятия [Всемирная..., 1960, с. 143]. Характерны в этом отношении воспоминания одного из сотрудников Омской губчека П. П. Зутиса: «Как все латыши в Прибалтике, я знаю немецкую речь» [Бударин, 1987, с. 146].

Влияние латышского языка на эстонский, и наоборот, по мнению лингвиста из Таллинна Л. Ваба, было незначительным, поскольку с самого начала языком общения был русский [Вийкберг, 1986а, с. 22]. Подобная точка зрения, на наш взгляд, неправомерна, ибо там, где латыши и эстонцы жили рядом (в Рыжково или Еланской колонии), русское население отсутствовало. Так, в 1897 г. в Ковалево жило 280 эстонцев и 112 латышей. Русские в этих деревнях не зафиксированы [Патканов, 1911, с. 96–97]. Учитывая замкнутость лютеранских колонистов по отношению к внешнему миру, можно сделать вывод, что при отсутствии в колониях русского населения, русский язык не мог быть языком межнационального общения. Информаторы из этих деревень утверждают, что латыши и эстонцы общались между собой, не прибегая к помощи русского языка. Так, учительница А. И. Андерсон из с. Рыжково вспоминает, что латыши в селе знали эстонский язык, а эстонцы – латышский [МЭЭ ОмГУ, 1988, п. 47-1, л. 31].

На эстонский язык в наибольшей степени повлиял финский язык. У этих двух родственных народов языковой барьер практически отсутствовал, между ними заключалось немало национально-смешанных браков. Особенно активно этот процесс проходил в Восточной Сибири. Так, д. Верхний Суэтук в середине XIX в. была в основном заселена финнами. Но в 1902 г., по данным И. Г. Гране, здесь уже жили 357 финнов и 355 эстонцев. Многие финны охотно вступали в брак с эстонцами и переходили на эс-

тонский язык [Вийкберг, 1986а, с. 22–23]. В Западной Сибири в этот период происходила постепенная ассимиляция корлаков эстонцами. Так, в конце XIX в. опустела корлацкая деревня Нарва в Еланской колонии. Вероятно, ее жители переселились в Ковалево [Вийкберг, 1986а, с. 23].

Иногда переселенцы из Прибалтики владели (в той или иной степени) несколькими языками. Так, по данным Е. И. Муравской, некоторые рыбаки-латыши, переселившиеся из Лифляндской губернии в Уссурийский край на рубеже XIX–XX вв., говорили по-эстонски и по-английски, понимали русскую речь, а эстонцы владели русским и латышским языками [Муравская, 1984, с. 69–70].

До октябрьской революции 1917 г. контакты латышей и эстонцев с представителями других национальностей были минимальными. Этому способствовало то обстоятельство, что поселения, созданные в Сибири добровольцами из Латвии и Эстонии, были, как правило, однонациональными. У поселенцев отсутствовал стимул к изучению других языков и межэтническим контактам. По мнению Ю. Вийкберга [1986а, с. 10], до гражданской войны эстонская деревня в Сибири представляла собой самостоятельную единицу, общество со своей школой и церковью на родном языке, общественной жизнью и делами. То же самое, вероятно, можно сказать и о сибирских латышах.

Вовлеченные в события революций и гражданской войны в Сибири латыши и эстонцы постоянно сталкивались с русскими и представителями других национальностей, что объективно способствовало изучению прибалтами русского языка. Однако степень владения русским языком в различных районах Западной Сибири была неодинаковой. Так, при регистрации Эстонским подотделом Отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса национальных культурно-просветительных учреждений Омской губернии в конце 1920 г. выяснилось, что в большинстве эстонских деревень около половины населения умели читать и писать по-русски [ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 1–53]. В Томской же губернии в 1922 г. лишь 3 % эстонцев владело русским языком хорошо, 16 % – удовлетворительно, 26 % – плохо и 55 % – не знало совсем [Маамяги, 1977, с. 45].

Обучение русскому языку в национальных школах в 1920–1930 гг., ликвидация национальных школ и переход на русский язык обучения, сближение прибалтов с другими национальнос-

тиями в годы Великой Отечественной войны и другие факторы серьезно изменили этноязыковую ситуацию в сибирском регионе. В конце 1960-х гг., когда в результате укрупнения колхозов усилился отток латышского и эстонского населения в города, существовавший ранее языковой барьер между прибалтами и другими нациями и народностями Сибири был практически ликвидирован.

Так, в 1970 г. 90,4 % эстонцев и 89,1 % латышей Омской области владели русским языком в качестве основного или второго [Итоги..., 1973, с. 108]. Однако появилась тревожная тенденция: резко сократилось число лиц, знавших родной язык. Уже в 1970 г. латышским языком владело только 62,7 % латышей Омской области, а эстонским – 82,1 % эстонцев. Родным свой национальный язык признали 59,6 % латышей и 74,1 % эстонцев, но если в сельской местности эти цифры соответственно составляли 69,2 и 82,7 % соответственно, то в городах – 40,6 и 49,4 %.

Это, на наш взгляд, объясняется тем, что, оказавшись в городах, прибалты практически не имели возможности применять родной язык (за исключением редких случаев, когда на нем говорили дома) и постепенно перешли на русский язык, а впоследствии признали его родным.

К концу 1970-х гг. эта тенденция углубилась. В 1979 г., по сравнению с 1970 г., число латышей, признавших национальный язык родным, снизилось в Омской области до 50,2 %, в том числе среди городского населения до 35 %. Аналогичная ситуация прослеживалась у большинства других народов Сибири. Так, среди украинцев Омской области число лиц, признавших национальный язык родным, снизилось с 32,4 до 25,4 %, у белорусов – с 35,1 до 25,9 %, у немцев – с 72,2 до 61,4 %, у татар – с 87,8 до 83,5 %, у казахов – с 95,6 до 95,1 % [Основные..., 1980, с. 182].

К сожалению, мы не располагаем данными об этноязыковой ситуации в 1979 г. у эстонцев Омской области. Можно только предположить, что здесь имели место те же процессы, что и у других народов. Однако свой национальный язык сибирские эстонцы сохранили сравнительно неплохо. Более того, в некоторых смешанных селах финны, латыши и немцы переходили на эстонский язык [Вийкберг, Раннут, 1988, с. 21–22].

В результате проведенного во второй половине 1980-х гг. опроса выяснилось, что 91,6 % латышей и 90,1 % эстонцев свободно владеют русским языком. Своими национальными языками

свободно владеют 46, 3% эстонцев и 29,4 % латышей. Еще 37,5 % эстонцев и 30,6 % латышей свободно говорят на национальном языке, но не читают и не пишут на нем. В процентном отношении лучше всех знают национальный язык представители старшего поколения. Так, среди мужчин старше 60 лет им свободно владеют 62,3 % эстонцев и 41, 7% латышей, среди женщин – 72,1% эстонок и 38,7% латышек.

У сибирских эстонцев, кроме национального и русского языков, функционируют также финский, латышский и немецкий языки. В различной степени этими языками владеют 8,5 % информаторов. В основном это люди старших возрастов или молодежь, вступившая в брак с финнами или латышами. Вероятно, традиция знания этих языков идет с 1920–1930-х гг., когда в эстонских деревнях русский язык еще не получил широкого распространения, а с представителями других национальных меньшинств приходилось общаться либо на своем, либо на их родном языке.

34,6 % сибирских латышей в различной степени владеют латгальским (верхнелатышским диалектом латышского языка) и эстонским языками. Языки других национальностей знают 36,5 % специалистов средней квалификации, 43,2 % квалифицированных рабочих и 38,7 % неквалифицированных.

Анализ данных по функционированию национальных языков показал, что как латышский, так и эстонский языки вытесняются русским языком из бытовой и производственной сферы. Например, на производстве только 24,2 % латышей и 34,7 % эстонцев говорят на национальном языке, в то время как на русском этот показатель равен соответственно 88,8 и 87,7 %. Из тех, кто говорит на производстве на национальном языке, большинство составляют неквалифицированные рабочие (39 % – у эстонцев, 31,1 % – у латышей). В домашней сфере национальные языки также вытесняются русским языком: с супругами и детьми по-латышски говорят соответственно 32,6 и 31,2 % опрошенных, а по-русски 64,8 и 69,2 %. У эстонцев с супругами по-эстонски говорят 43,3 % информаторов (по-русски – 52,7 %), а с детьми – 42,7 % (по-русски – 65,9 %). Активно используются латышский и эстонский языки при общении с друзьями и соседями (у эстонцев – 66,2 % опрошенных, у латышей – 49,2 %). Не менее активно применяется в этой сфере и русский язык: на нем говорят 86 % эстонцев и 90,8 % латышей.

Единственной сферой, где русский язык не смог окончательно вытеснить национальные языки, осталось общение с родителями: 42,6 % латышей и 48,5 % эстонцев говорят со своими родителями на национальном языке, а 31,4 % латышей и 27,9 % эстонцев – на русском.

Кроме родного и русского языков, у эстонцев активно функционируют латышский, немецкий и финский языки, у латышей – эстонский и латгальский. Так, 1 % респондентов-эстонцев говорит с друзьями и соседями по-латышски, 0,5 % – по-фински. У латышей 3,4 % опрошенных говорят по-эстонски с родителями, 2,6 % – с супругами, 1,8 % – с детьми, 2,6 % – на производстве, 5,4 % – с друзьями и соседями. По-латгальски говорят с родителями 11,6 % респондентов, с супругами – 10,4 %, с детьми – 11,8 %, на производстве – 16 %, с друзьями и соседями – 17,8 %, переписываются с родными – 5,6 %.

Наиболее ярко функциональный моностилизм сибирских латышей и эстонцев проявляется при чтении литературы, а также при просмотре концертов и спектаклей. Лишь 23,6 % опрошенных эстонцев читают газеты и журналы на национальном языке, тогда как на русском – 91,4 %. У латышей латышские газеты и журналы читают 11,4 % информаторов, а русские – 89,4 %. Очень немногие выписывают периодические издания из Прибалтики.

Только 4,2 % опрошенных латышей и 7,9 % эстонцев читают художественную литературу на национальных языках (на русском соответственно 58,6 % и 58,5 %). Некоторые из информаторов читают на латышском и эстонском языках общественно-политическую, научно-техническую, учебную и научно-популярную литературу, но в основном это люди старших возрастов.

На национальном языке смотрят концерты и спектакли 35,6 % эстонцев, 20 % латышей (на русском языке соответственно 74,9 и 81,2 %). Большинство информаторов старшего возраста объясняют это тем, что телевидение крайне редко транслирует концерты и спектакли из Прибалтики, а молодежь – тем, что не понимает «правильный» латышский и эстонский языки.

Знание национального языка, реальное поведение в этой сфере детерминированы условиями, в которых человек вырос и живет. В настоящее время в Сибири невозможно функционирование латышского и эстонского языков ни в одной сфере (кроме общения в семье), а их преподавание в большинстве деревень с прибалтийским населением отсутствует. Таким образом, отно-

шение к национальным языкам, включая желательность его преподавания в школе, принадлежит к относительно устойчивым этнокультурным стереотипам, и прожективное поведение отражает эти стереотипы полнее, чем поведение реальное [Коган, 1985, с. 37].

По мнению Ю. Вийкберга и М. Раннута, при вытеснении языка из различных функциональных сфер употребления возникает так называемый комплекс отвращения к себе (*self-hatred*), который проявляется в презрении к своей нации, культуре, языку и, наконец, к самому себе; часты конфликты и сдвиги в идентификации [Вийкберг, Раннут, 1988, с. 8]. Сибирские латыши и эстонцы оказались «людьми без комплексов»: 52,5 % эстонцев и 52,6 % латышей высказались за преподавание в школе национального языка. Из 30 % эстонцев и 24, 8% латышей, которые на вопрос о желательности преподавания национального языка ответили отрицательно, большинство объяснили свое решение запоздалостью этой меры.

Опрос об отношении латышей и эстонцев к национальной школе показал, что прибалты отдают предпочтение русской школе. 75,1 % эстонцев и 78,2 % латышей хотели бы учить детей в русской начальной школе, соответственно 89,1 % эстонцев и 93,6 % латышей – в средней. Однако некоторые информаторы высказались за национальные школы. В национальной начальной школе хотели бы учить детей 23,3 % эстонцев и 21,4 % латышей, в национальной средней – 9,3 % эстонцев и 6 % латышей.

Двуязычие этноса означает ситуацию, при которой в развивающейся и единой системе духовной культуры народа определенные функциональные и структурные элементы обслуживают разные языки [Мыльников, 1989, с. 16]. Процесс развития двуязычия у сибирских латышей и эстонцев постепенно привел к функциональному моностилизму, вытеснению национальных языков из общественной и производственной сфер.

Современные структурные изменения в языках латышей и эстонцев Западной Сибири. Социальные и экономические процессы, происходившие в сибирской деревне в последние несколько десятилетий, привели не только к вытеснению латышского и эстонского языков из бытовой и производственной сферы, но и к структурным изменениям в самих прибалтийских языках. Значительную роль в этом процессе, несомненно, сыграло воздействие окружающего русскоязычного населения.

Синтаксис латышского литературного языка в основном совпадает с синтаксисом русского языка. Исключения составляют лишь формы глагола-связки *but* (быть), *osmu, biju, busu* и др.; конструкция *D + ir*, идентичная русскому глаголу «иметь», нем. *haben* или англ. *to have*, а также изменение по родам и числам причастий на *-is, -usi, -ies, -usies*, которые в функции обстоятельства переводятся на русский язык как деепричастия.

Кроме того, в латышском языке существует развитая интернациональная лексика – *musika, politika, tehnika, mehanika, kolhozs, ferma, fabrika* и т. д. Наконец, поскольку славянские и балтийские языки – наиболее близкие друг к другу языковые группы, в латышском и русском языке есть много сходных корней и форм: *cilveks* – «человек», *dala* – «часть, доля», *cukurs* – «сахар», *draugs* – «друг», *dot* – «дать», *domat* – «думать, мыслить», *diena* – «день», *dzivot* – «жить» и т. д. [Векслер, Юрик, 1988, с. 450].

Все перечисленные факторы не только способствовали более быстрому распространению двуязычия у латышей, чем у эстонцев, но и привели к глубоким структурным изменениям в самом латышском языке.

Процесс интеграции русского и латышского языков, существовавший и раньше, в Сибири еще более углубился. Заимствована лексика (в основном, существительные), связанная с природой, пищей, одеждой, постройками и домоводством. Сюда же относятся принятые к употреблению топонимы.

Заимствования хорошо приспособились к звуковой системе латышского языка, чужие фонемы заменены фонемами своего языка. Так, например, в заимствованных словах вместо русского звука *o* употребляется дифтонг *uo*, свойственный латышскому языку, получил распространение дифтонг *ie*, постоянно встречаются долгие гласные *a, e, i, o, u*. Что касается согласных звуков, то следует отметить редкое употребление *f* и *h*, а также твердое произношение *l* и *t*. Основное ударение в заимствованных словах падает на первый слог.

В некоторых случаях билингв, употребляя тот или иной заимствованный термин, не знает его звучания на литературном латышском языке. Например, *universitets* – «университет» (*universitate*), *zavoda* – «завод» (*rupnica*), *cukuni* – «эстонцы» (*igauni*), *vreditels* – «вредитель» (*kaiteklis*), *ladjas* – «олады» (*pankukas*) и т. д.

Иногда билингв знает то или иное слово на литературном латышском языке, но предпочитает употреблять заимствованное.

Так, жители д. Рыжково говорят: *vnuk un vnuska* – «внук и внучка» (*mazdels un mazmeita*), *balaties* – «болото» (*purvs*), *dervina* – «деревня» (*ciems*), хотя знают соответствующие термины латышского языка. Происходит это потому, что, во-первых, с течением времени произошло значительное обеднение лексики латышского языка в Сибири; во-вторых, употребляя заимствованные из русского языка слова и выражения, латышам легче было общаться с окружающим иноязычным населением (русскими, немцами, эстонцами и др.), если по каким-то причинам нельзя (или не хотелось) перейти на язык собеседника. Вероятно, впоследствии употребление слов настолько вошло в привычку, что они закрепились в латышском языке.

В значительной степени процесс интеграции латышского и русского языков проявился в сфере топонимики. Например, название группы хуторов *Garie hutori* (Длинные хутора) на латышском литературном языке звучит *Garie viensetas*; у одной из деревень было двойное название: *Ozolaine, ari Dubrovka* – Озолайне, или Дубровка. Русские же названия многих деревень приспособлены к фонетике и морфологии латышского языка. Например, *Balsakova* (Большаково), *Daskova* (Дашково), *Dubova* (Дубово), *Gorodovska* (Городовское), *Kovaleva* (Ковалево), *Kazulina* (Козулино) и т. д. Все перечисленные населенные пункты располагались в Тобольской и Томской губерниях [Kolonijas latviesu, 1933].

Кроме интеграции, в языке сибирских латышей можно наблюдать явления фонетической, грамматической и лексической интерференции, т. е. отклонения в латышском языке под влиянием русского.

Фонетическая интерференция проявляется в перенесении основного ударения с первого слога на другие, более твердое произношение шипящих *z* и *s*, а также смягчения согласных *l* и *t*. Появились звуки, отсутствующие в латышском литературном языке *sc*, *ш*, *о*, *ы* и т. д.

Грамматическая интерференция в латышском языке не проявляется так заметно, как фонетическая, ибо грамматические категории латышского и русского языков в основном схожи. Однако ряд существительных V склонения употребляется в форме I и II склонения, тем самым женский род меняется на мужской. Например, *veste* – *vestis* («жилет»), *merce* – *mercits* («соус»). Иногда меняется число существительных. Например, существительное

grabeklis («грабли») в латышском литературном языке употребляется только в единственном числе, а в Сибири используется только во множественном – *grabekli*.

Интерференция на лексическом уровне – это заимствованные слова в речи билингвов. По мнению Ю. Вийкберга, лексическая интерференция проявляется в следующих случаях: а) билингв в своем языке не находит сразу подходящего слова; б) в используемом языке нужное слово отсутствует или билингв не знает его (не выучил); в) слова в двух языках не известны в равной мере, и билингв выбирает более для себя знакомое; г) в связи с усталостью, стрессом, возбуждением на память приходит необходимое слово из другого языка [Вийкберг, 1986а, с. 14–15].

Особенно четко лексическая интерференция проявляется у представителей молодого поколения (моложе 35 лет). Это не случайно, так как для существования языка важнейшее значение имеют межпоколенные (диахронные) информационные связи. Латышский же язык в сибирской деревне не преподается уже более полувека, литература и периодические издания в нужном количестве также отсутствуют, поэтому при передаче лексической информации значительная ее часть теряется, что в конечном итоге приводит к массовым заимствованиям слов из русского языка. Например, жители д. Бобровка Тарского района Омской области, показывая дорогу к клубу, говорили: «*Tur ir skola, tur ir klubs, tur ir bolnica*». Однокоренные слова *slimnieks* – «больной (человек)» и *slims* – «больной (орган)» билингвам также были незнакомы. Другой билингв из той же деревни вместо слов *rit* и *rits* употреблял термины *zavtra* и *utro*, заимствованные из русского языка.

Смена кода – это чередование двух языков во время одного акта речи. Она может ограничиваться включением одного слова, выражения, предложения или нескольких предложений в другой язык [Вийкберг, 1986а, с. 15]. Люди пожилого возраста иногда в разговоре на латышском языке вставляют русские слова и выражения. Например, один из билингвов д. Рыжково, говоря о постройках усадьбы, произнес: «*Ka vinu budēs vosstānāvlivāt?*» («Как ее будешь восстанавливать?»). Что же касается молодых людей, то они при разговоре на национальном языке часто чувствуют себя неуверенно и после вступительной фразы: «*Tagad parunāsim krieviski*» («Теперь поговорим по-русски») – переходят на русский язык.

Иногда у людей старшего поколения происходит обратная смена кода, когда при разговоре на русском языке употребляются латышские слова и выражения. Так, например, в с. Мартюшево Тарского района Омской области один из билингвов постоянно говорил: *vina grib* («она хочет»), *vins teica* («он сказал»), *vina saka* («она начала»). Переходят латыши на национальный язык и когда представляются собеседнику. У прибалтов не приняты отчества, поэтому они говорят не «Янович» или «Михайловна», а «сын Яна» или «дочь Михаила». Например, *Leja Viktors Andrejadels* (Лея Виктор Андреевич) или *Leppa Emilija Janameita* (Леппа Эмилия Яновна). После этого билингвы, как правило, говорят на русском языке.

Значительный интерес представляет также словарный запас латышских поселенцев. С одной стороны, произошло значительное сокращение лексики национального языка. Слова, имеющие в латышском литературном языке синонимы, в Сибири часто употребляются в единственном значении. Например, слово «овод» в литературном языке имеет два значения – *dundurs* и *spindele*, а в Сибири знают только первое из них. Слово «деревня» по-латышски *sadza* или *ciems*, а если имеется в виду сельская местность, то *lauki*. В Сибири же известен только второй из этих терминов.

С другой стороны, многие лексемы из языка сибирских латышей на территории Латвии не зарегистрированы. Например, *brute* – «невеста» (лит. и латыш. *ligava*). Эта лексема зафиксирована в Рыжково, где живет смешанное латышско-эстонское население, поэтому не исключена параллель с эстонским словом *pruut*. В той же деревне слово «магазин» произносят *bode* – «лавка» (ср. с эст. *pood*) вместо *veikals*, а «корзина» – *kurveici* (ср. с эст. *korv*) вместо *grozs*.

В Тарском районе Омской области также встречаются редкие слова. Например, в с. Мартюшево вместо *spekis* («сало») употребляют лексику *spekikis*, а для обозначения чесалки кроме слов *suseklis* (чесалка для льна) и *karstuve* (чесалка для шерсти) употребляют также термин *ekelis*.

У эстонцев Западной Сибири тоже произошли серьезные изменения в фонетике, грамматике и лексике.

Эстонская диалектная территория делится на три группы: а) северо-восточный прибрежный диалект; б) североэстонские диалекты; в) южноэстонские диалекты. Ко второй группе, в свою

очередь, принадлежат островной, западный, среднесеверный и восточный диалекты, а к третьей группе – мультинский, тартуский и вырусский диалекты. Говоров в Эстонии насчитывается более ста. Таким образом, исходная для характеристики языка сибирских эстонцев база оказывается довольно пестрой [Вийкберг, 1986а, с. 13].

В первых эстонских поселениях Сибири жили выходцы как из северной Эстонии, так и из южной. Южные эстонцы со временем ассимилировались, а преобладающим стал северозэстонский язык, в котором встречались черты разных диалектов. Однако многие слова языка ранних эстонских поселений в Сибири либо не зарегистрированы в Эстонии (*otsest* – «прямо», *paindjas* – «гибкий», *vahlakas* – «беловатый», *viina*, *kuodits* – «пьяница»), либо встречаются очень редко (*ilgalasti* – «голый», *satsi anma* – «ливень», *surnu*, *rong* – похоронная процессия) [Вийкберг, 1986а, с. 14–16].

В более поздних поселениях северные и южные эстонцы жили отдельно друг от друга. Естественным поводом к размежеванию были различия в языке переселенцев. Северные эстонцы считали свой язык лучше и престижнее, поэтому попавший в их среду уроженец тартуской или вырусской диалектной территории должен был выучить язык этой деревни. В деревнях же, населенных выходцами из Выру или Тарту, ассимилировались уроженцы Северной Эстонии. Южные эстонцы признавали северозэстонский литературный язык, но считали свой диалект более красивым и правильным [Вийкберг, 1986а, с. 16–17].

В настоящее время носители северозэстонского диалекта в Томской области живут в деревнях Березовка и Лилиенгофка Первомайского района, Вамбола Зырянского района. Носители южноэстонского диалекта составляют большую часть эстонского населения Кемеровской, Новосибирской и Омской областей. Так, жители деревень Эстония и Лилейка Седельниковского района и Золотая Нива Оконешниковского района Омской области происходят, в основном, с территорий распространения тартуского и вырусского диалектов [Вийкберг, 1986а, с. 17–18].

На развитие языка переселенцев эстонского происхождения оказали воздействие как более поздние миграции эстонского населения (в Сибирь ехали после пребывания в Самаре, Вологде, Уфе и др.), так и контакты с представителями других национальностей.

Значительно повлиял на эстонский язык финский язык. Это обусловлено сходством их структур и словарного состава. В языке сибирских эстонцев встречается множество финских заимствований: *ainagi* – «во всяком случае», *iiv* – «дрожжи», *kargulane* – «военный беженец», *katualune* – «навес», *kehnu* – «убогий», *kerjalased* – «нищие», *porsstuba* – «сени», *vaiga, vaikka* – «хотя», *vaaljas* – «светлый». Кроме имен существительных и прилагательных, заимствовалось множество глаголов и выражений: *kahklema* – «драться, резко спорить», *kargu minema* – «скрываться», *heritsema* – «стричь», *laadima* – «собираться, планировать», *suu vuori andma* – «дать другому высказаться», *tabama* – «попадать» [Вийкберг, 1986а, с. 23]. Кроме того, к финским заимствованиям Ю. Вийкберг относит слово *vai* («или»). По нашему мнению, оно могло быть заимствовано как из финского, так и из латышского языков.

Влияние латышского языка на эстонский язык, по мнению Л. Ваба, является периферическим. У эстонцев, живущих по соседству с латышами, наблюдается переключение с одного языка на другой, латышское управление и употребление латышских слов и выражений, произносимых на эстонский манер. Например, выражение (*tarklist istutama* – «осаждать (крахмал)» происходит от латышского слова *nosesties* – «осесть, оседать» [Вийкберг, 1986а, с. 22].

Наибольшее влияние на эстонский язык оказал русский язык. Чтобы лучше передать объем и характер культурных влияний, примеры заимствований лексики приводятся по понятийным группам, сначала из старых (а), затем из молодых поселений (б).

I. Лексика, связанная с природой: а) *arbus* – «арбуз», *tinn* – «дыня», *prossa* – «просо», *kedrapuu* – «сибирский кедр», *pihtu* – «пихта», *tabul* – «тополь», *nurukas* – «норка»; б) *lisvend-lisveld* – «лиственница», *tepp* – «степь», *soolanits* – «солончак», *moski* – «мошка», *prundukas* – «бурундук», *pobra* – «бобр», *andaatur* – «ондатра».

II. Лексика, связанная с пищей и домашней утварью: а) *kalats* – «калач», *pilmenid* – «пельмени», *puraakas* – «бурда», *korsik* – «горшок», *plaagu* – «фляга», *sainik* – «чайник», *toeska* – «туес»; б) *akroska* – «окрошка», *hvoorost* – «хворост», *sain* – «чай», *ussakas* – «ушат».

III. Лексика, связанная с одеждой и обувью: а) *kassonka* – «козынка», *potnik* – «потник», *tohma* – «доха», *tulup* – «тулуп», *pimmid* – «пимы», *undad-untad* – «унты»; б) *tohma-tohaa, pimmid, untad*.

IV. Лексика, связанная со строительством и домохозяйством: а) *saimgas* – «заимка», *ispuska* – «избушка», *patvan* – «подвал», *ovin* – «овин», *tokk* – «ток», *trubu* – «труба», *kossakas* – «оконный косяк»; б) *huter~kuuter* – «хутор», *imka* – «заимка», *plaasta* – «пласт (дерна)».

Многие заимствования (как ранние, так и поздние) были приспособлены к фонетической системе эстонского языка. Главное ударение перешло на первый слог (*arbus*, *taigu*, *tohha*), сочетание согласных в начале слова заменилось одним согласным (*tepp*), не свойственные эстонскому языку звуки вытеснены иными (*panku*, *plaagu*), слова с основой на *-a* приспосабливались наряду со словами на *-as* (*kossukas*, *nurukas*, *saimgas*) [Вийкберг, 1986а, с. 20–21].

В 1930-е гг. (коллективизация, репрессии) в эстонский язык вошло много слов из политической лексики того времени: *kafkuos~kalkoos* – «колхоз», *kommuuna* – «коммуна», *kulakas* – «кулак», *partiina* – «партийный», *pikulandid* – «спекулянты», *priitsedaatel* – «председатель», *punavagi* – «Советская армия», *trotskistid* – «троцкисты», *Venema vassistid* – «враги народа» (до словно «русские фашисты») [Вийкберг, 1986а, с. 25].

Переход к обучению на русском языке в 1937–1938 учебном году привел к употреблению русских слов или описательного эстонского перевода: *sussilka* или *leiva kuivaiuse maja* – «сушилка», *noovaselid* или *kolimise pidu* – «новоселье». По мере развития двуязычия, громоздкие эстонские описательные выражения были устранены и заменены русскими терминами, менее сложными и более понятными.

Среди поздних заимствований преобладают уже прямые переводы, в которых появились несвойственные эстонскому языку звуки, присущие русскому языку ([z], [s], [ts], [h] и [f]), главное ударение не на первом слоге и др. В повседневной речи используются русские слова и выражения, встречается переход с одного языка на другой: (*ma*) *on jurfaki pial* – «заниматься на юрфаке», *tsetverti otsas* – «в конце четверти», *olin patsottis mies*, *polnoi vermer* – «был человек в почете, полный фермер».

Вместе с тем, у латышей и эстонцев (особенно у людей старшего и частично среднего поколения), когда они говорят на русском языке, в речи сильно заметен национальный акцент. У латышей он проявляется в твердом произношении согласных

л, т, д, которые не смягчаются перед гласными, в мягком произношении шипящих *жс* и *ш<щ*, а также в произношении гласных *ы>и*, *е<э*, *ю<у*.

У эстонцев национальный акцент в речи выражен значительно сильнее: согласные *б, д, г* часто звучат глухо; звуки *р, т, к*, стоящие между гласными, звучат долго или сверхдолго (что в эстонском языке соответствует третьей степени долготы) – *pp, tt, kk*. Наконец, немало пожилых людей не выговаривают шипящих звуков, заменяя их фонемами эстонского языка. Например, *з, ж, ш, ч* – *с*.

Кроме того, очень часто в разговорной речи эстонцы меняют местами род существительных, т. к. в эстонском языке категория рода отсутствует: «Его укусила большая собака» (с. Цветнополе Одесского района Омской области), «Кот рассердился на мышку и съел его» (с. Николаевка Кыштовского района Новосибирской области). Таким образом, в латышском и эстонском языках произошли глубокие структурные изменения в фонетике, грамматике и лексике. Если представители старшего поколения еще говорят на языке, близком к литературным нормам, то у молодежи можно наблюдать процесс языковой интерференции (от употребления иноязычных звуков до частичного совпадения единиц двух языков), а иногда и *свитчинга* (т. е. перехода во время беседы с национального языка на русский). Вероятно, эта тенденция приведет к полному переходу сибирских латышей и эстонцев на русский язык.

5.4. Украинцы Сибири

Изучаемая нами группа украинского населения проживает в иноэтничной среде, находясь в основном в русском окружении. В этих условиях огромную роль играют коммуникативные факторы, т. е. непосредственные межэтнические контакты, постоянное общение с представителями другой (чаще всего русской) национальности в различных сферах общественной жизни: в школе, на производстве, при общении с русскими друзьями и соседями [Пименов, 1977].

Важным аспектом речевой деятельности населения является его языковая компетенция, т. е. степень владения различными языками, в том числе языком своей национальности.

Результаты исследований этнографических экспедиций Омского государственного университета 1976–1987 годов показали, что, находясь в иноэтнической среде, практически все украинское население свободно владеет (т. е. говорит, читает, пишет) русским языком: 86, 7% опрошенных в 1970 г. и 90,1 % – в 1987 г. Среди опрошенных в 1976 г. 79,5 % свободно владели русским языком, 20,5 % – говорили, но не читали и не писали на русском языке. По результатам опроса 1987 г. 95,5 % респондентов свободно владели русским языком, 4,5 % – понимали и могли объясниться на русском языке.

Необходимо отметить, что представители старшего поколения украинцев, особенно старше 60 лет, русским языком владеют хуже.

Свободно владеющих языком своей национальности среди украинцев оказалось лишь 30,6 % в 1976 г. и 17,7 % – в 1987 г. (в основном это люди старшего возраста). Большинство опрошенных (53,1 % – в 1976 г. и 40,1 % – в 1987 г.) говорили, но не умели читать и писать на украинском языке. 22,9 % респондентов в 1976 г. и 29,3 % – в 1987 г. понимали и могли объясниться на украинском языке. 3,3 % респондентов совсем не знали своего национального языка и не могли на нем объясниться (по материалам 1987 г.)

Таким образом, для украинцев-переселенцев более характерно всестороннее знание русского языка, чем знание национального языка. Данная тенденция обусловлена ролью общеобразовательной школы: в районах проживания украинцев в школах преподавание всех предметов ведется на русском языке. По данным опроса, неполное среднее, средне-специальное и высшее образование украинцы Сибири получали преимущественно на русском языке.

Однако до коллективизации на территории Западной Сибири в украинских селах были школы, преподавание в которых велось на украинском языке. В 1976 г. было зарегистрировано 3,7 % украинцев, получивших начальное образование, и 0,6 % – среднее образование на украинском языке. По материалам экспедиции 1987 г., 2,8 % опрошенных отметили, что получили начальное образование на украинском языке и 0,4 % лиц – среднее образование. Все украинцы, учившиеся в национальных школах, это люди старшего поколения (60 и более лет).

Постоянное общение с представителями русской национальности, их численное преобладание, потребности производства,

хозяйственного и культурного развития способствовали сложению выраженной тенденции – постоянного развития национально-русского двуязычия. Развитие идет по линии все большего овладения украинцами русским языком как языком межнационального общения, расширяющего культурные возможности [Калашников, Первых, Проваторова, 1981, с. 83]. С другой стороны, нельзя не отметить тенденцию к увеличению с 1976 по 1987 гг. доли лиц, стремящихся к свободному владению национальным языком. Это объясняется их субъективной оценкой украинского языка и процессами, инициированными «перестройкой», а в последующем и изменением политической и экономической системы.

Что же касается речевого поведения, то, согласно данным нашего исследования, масштабы использования языков в анализируемых сферах неодинаковы. На функционирование языков, а также на язык чтения решающее воздействие оказывает характер этнической среды. В целом украинское население довольно широко пользуется в семейно-бытовой сфере языком своей национальности. При использовании русского и украинского языков в семьях можно наблюдать своеобразное межпоколенное разделение функций: со старшими членами семьи 59,3 % среднего поколения говорят на украинском языке, а со своими детьми только 42,2 % опрошенных.

В иноэтнической среде сфера применения национального языка сужается, ограничиваясь семейно-бытовым общением, хотя и здесь постепенно украинский язык вытесняется русским языком. Материалы 1987 г. показали, что на момент опроса четко определилась тенденция глубокого проникновения русского языка в различные сферы речевого общения. В настоящее время он доминирует даже в семейно-бытовой сфере (где, как известно, национальный язык обычно сохраняет прочные позиции), так как знание русского языка в данных условиях служит важнейшим фактором успешной социальной адаптации.

Производственная сфера определяет языковое поведение наиболее широких масс. В трудовой сфере не только многообразны коммуникативные связи, но и сами виды деятельности стимулируют обращение к языку межнационального общения [Арутюнян, Гришаев, Губогло и др., 1986, с. 336].

Использование языка своей национальности (в нашем случае украинского) в производственной сфере значительно ниже,

чем в семейно-бытовой. Это следствие увеличения доли русского языка как средства межнационального общения, особенно в национально-смешанных трудовых коллективах. При сравнении результатов опросов 1976 и 1987 годов заметно, что доля национального языка в общении на работе значительно снизилась за прошедшее время (с 55,6 % до 25,9 %). Это свидетельствует об устойчивой тенденции возрастания роли русского языка в речевом поведении людей украинской национальности, особенно в сфере производства, где чаще всего каждый человек вступает в контакт с лицами другой национальности. Роль русского языка в данной иноэтничной среде возрастает при общении с друзьями и соседями, соответственно доля украинского языка падает. Так, в 1976 г. 65,3 % опрошенных говорили с друзьями и соседями на украинском языке, а в 1987 г. на родном языке с друзьями и соседями разговаривали 42,6 % украинцев.

Русский язык активно используется и в сфере духовной культуры. При выборе языка чтения определяющее значение имеет характер этнической среды, а также и внеэтнические факторы, например, предложение и спрос печатной продукции. Для сельских районов характерно почти полное отсутствие литературы на украинском языке. 92,6 % опрошенных читали газеты и журналы на русском языке и лишь 10,5 % – на украинском. Исключительно на русском языке читалась учебная, общественно-политическая и научно-техническая литература. Лишь 2,2 % респондентов могли читать художественную литературу на украинском языке.

Языковые предпочтения. По данным опроса 1976 г., 70,5 % украинцев назвали родным языком украинский, а 29,5 % – русский. К 1987 году этноязыковая ситуация изменилась следующим образом: украинский язык родным назвали 52,4 % респондентов, а русский – 47,6 % опрошенных. Эти данные позволяют утверждать, что национальный язык не всегда выступает в качестве родного, особенно когда этническая группа находится в иноэтническом окружении. Тот факт, что среди украинцев большой процент лиц, назвавших родным русский язык, можно объяснить не только сравнительной легкостью преодоления ими языкового барьера и генетической близостью украинского и русского языков. Иногда украинцы причисляют себя к более широкой этнической общности – восточнославянской. Это особенно отчетливо проявляется, когда они находятся в иноэтнической среде [Захарова, 1985].

Сформировалась положительная установка родителей на обучение детей в русских школах – 92 % опрошенных в 1976 г. и 93 % – в 1987 г. предпочитали обучать детей в русской средней школе. В то же время 57,9 % информаторов в 1976 г. и 29,9 % – в 1987 г. считали, что детям необходимо преподавать в школе родной язык. Установка на владение национальным языком говорит об эмоциональном отношении к нему. Очевидно, здесь мы имеем дело с этнокультурным стереотипом, согласно которому язык принадлежит к значимым этническим ценностям. Проявление этого стереотипа носит более выраженный характер не в реальном поведении, а в проективном.

Более трети опрошенных украинцев (33,3 %, в основном люди старшего возраста) предпочли смотреть спектакли на родном языке. В настоящее время в Омской области существуют и действуют народные ансамбли художественной самодеятельности, преимущественно фольклорные (украинский ансамбль в с. Рожино Горьковского района, украинский женский фольклорный ансамбль в с. Соловьевка Полтавского района, ансамбль в с. Алабота Русско-Полянского района и др.). Их репертуар составляют украинские народные песни. Ансамбли эти немногочисленны (от 5 до 11 человек) и состоят из пожилых людей.

Как бы интенсивно ни шел процесс украинско-русского сближения, как ни существенна роль русского языка для украинцев, но значение родного языка, совпадающего с национальным, для украинцев Сибири, как правило, велико.

Родной язык оценен информаторами в его этноинтегрирующей роли, в качестве средства идентификации с этносом. 83,2 % опрошенных видят свое отличие от людей другой национальности именно в языке. 61,9 % респондентов через язык ощущают свою близость с украинцами, проживающими в Украине.

Вместе с тем следует учитывать и противоположную тенденцию. Растет число лиц, не чувствующих связи между этнической принадлежностью и знанием украинского языка, не признаваемого в таком случае родным. В этом заключается сложность и противоречивость развития современных этнических процессов среди украинцев Западной Сибири. Необходимо отметить и тот факт, что под влиянием иноэтнического окружения, языковой изоляции от основного массива и других факторов родной язык у западносибирских групп украинцев претерпел определенные изменения. Его структурное развитие привело к тому, что сибир-

ские украинцы отличают себя от живущих на Украине, прежде всего по языку.

Складывание определенной языковой ситуации зависит от комплекса тесно взаимосвязанных факторов: половозрастной и социально-профессиональной принадлежности, образования индивида. Выбор языка общения в значительной степени обусловлен тематикой речи, обстановкой и отношением говорящего к каждому из контактирующих языков. В одном случае индивид может предпочесть родной (украинский) язык, в другом – язык межнационального общения (русский), считая его статус более высоким.

Соотношение русского и украинского языков в речевом поведении, степень владения ими, а также выбор родного языка зависят от половозрастной принадлежности украинцев Западной Сибири. Действие окружающей среды на овладение языком другого народа особенно велико в раннем возрасте. Это подтверждают материалы нашего исследования. Для молодежи характерно более глубокое знание русского языка, чем родного украинского: 100 % мужчин и женщин до 30 лет и свободно владеют (говорят, читают, пишут) русским языком, а украинским языком владеют лишь 16 % мужчин этого возраста и 14,7 % их сверстниц. Все молодые люди получили образование на русском языке. Школы и иные учебные заведения с преподаванием на украинском языке в изучаемом нами регионе с 1930-х гг. не функционируют.

Люди старшего возраста в большей степени владеют своим национальным языком, чем молодежь. Особенно эта тенденция характерна для людей в возрасте 60 и более лет: 26,6 % мужчин и 31,9 % женщин свободно владеют украинским языком. Это обусловлено тем, что люди данной группы нередко являются мигрантами в первом поколении, и украинский язык был освоен ими в детстве на Украине в качестве первого языка.

В ходе опросов выяснилось, что доля лиц, свободно владеющих русским языком, среди женщин ниже, чем среди мужчин (87 % против 94,7 %). В основном различие в степени владения русским и украинским языками между мужчинами и женщинами характерно для людей старше 50 лет. Это можно объяснить тем, что женщины старшего возраста более склонны к сохранению национальной самобытности, чем мужчины. Причина этого кроется в невысоком уровне образования, а также в том, что для многих женщин старшего поколения сфера жизнедеятельности

ограничивалась семейно-бытовым общением, в котором преобладал национальный язык.

В современных условиях развития научно-технического прогресса и в результате женской эмансипации практически отсутствуют различия в образовательном уровне, а также в сфере занятости между мужчинами и женщинами. Среди молодежи различия в уровне владения русским и украинским языками между мужчинами и женщинами минимальны.

Наиболее очевидны различия в речевом поведении 20- и 60-летних. Четко выраженная прямо пропорциональная зависимость между возрастом людей и использованием ими украинского и русского языков свидетельствует о постоянном и неуклонном расширении применения русского языка даже в сфере домашнего общения. Чем младше возрастная группа, тем реже в ней украинцы говорят только на украинском языке. Следовательно, функции украинского языка в домашней сфере сокращаются за счет двуязычия молодежи. Кроме того, предпочтение русского языка в речевом поведении молодых украинцев свидетельствует о наличии определенных установок на ассимиляцию.

Наблюдаются существенные различия в употреблении русского языка, а также в переключении с русского на украинский в различных сферах жизнедеятельности украинцев Западной Сибири. «Производственный» билингвизм по своим масштабам и характеристикам далеко не равен семейно-бытовому, а последний, в свою очередь, существенно отличается от билингвизма в различных сферах культуры. Украинцы Западной Сибири на производстве говорят преимущественно на русском языке. Но, как было отмечено выше, большинство украинцев, более или менее свободно владеющих двумя языками, дома разговаривают в основном по-украински. Оказавшись в меньшинстве в иноэтнической среде, люди в домашней обстановке придерживаются родного языка. Язык в данном случае выступает в роли элемента этнической тождественности и выполняет внутриэтническую интегрирующую функцию.

Тенденция расширения функционирования русского языка налицо и, безусловно, следует ожидать дальнейшего углубления данного процесса. Основой для такого прогноза являются данные о неодинаковых масштабах использования украинского и русского языков в сфере производства различными возрастными группами. Как показали итоги опросов, большая часть укра-

инской молодежи (88,8 % мужчин и 80,4 % женщин) в возрасте 25–29 лет на работе разговаривают только по-русски. Употребление русского языка представителями более старших возрастных групп встречалось реже (64 % мужчин и 65,1 % женщин).

Дальнейшему распространению русского языка в производственной сфере способствуют усложнение социально-профессиональной структуры сельских жителей украинского населения, рост квалификационного и образовательного уровня.

Анализ материалов по двуязычию украинцев в ситуации выбора показал четко выраженную тенденцию зависимости выбора родного языка от пола и возраста. Это присуще и другим характеризваемым нами группам.

Особенно широкое распространение русский язык получил среди молодежи. С каждым следующим поколением доля молодых людей украинской национальности, назвавших русский язык родным, растет: если в 1976 г. таковых было 65,2 % среди юношей и 58,3 % среди девушек в возрасте до 25 лет, то в 1987 г. – уже 75,5 и 67,7 % соответственно.

Однако необходимо отметить, что все большее предпочтение, отдаваемое русскому языку среди украинской молодежи, не привело к полному вытеснению украинского языка в речевой деятельности украинского населения Западной Сибири. В возрасте 60 и более лет 100 % опрошенных в 1976 г. и 71,4 % – в 1987 г. не изменили национальным традициям, продолжая считать родным языком именно украинский. Однако, сравнив эти данные, мы можем заметить определенную тенденцию к развитию русского языка в последние годы.

Среди факторов, влияющих на речевую ситуацию украинцев Западной Сибири, важная роль принадлежит образованию. Нет сомнения в том, что по мере роста уровня образованности (следовательно, повышения социального статуса) украинцы проявляют склонность к более полному двуязычию. Вместе с этим растут и интернациональные ориентации в культурном потреблении. Речевая деятельность, как уже отмечалось, в значительной степени детерминирована уровнем образования респондентов. Повышается доля лиц, свободно владеющих устно и письменно формами русского языка.

В качестве языка внутрисемейного общения русский больше всего распространен в семьях руководителей и специалистов высшего звена. Украинский язык шире распространен в семей-

но-бытовой сфере среди работников физического труда. Как отмечалось выше, такая закономерность объясняется различием в уровне образования полярных групп, долгом службы, влияние производственной среды на речевое поведение в семейном быту. Следует отметить определенную связь между речевым поведением на производстве и дома: по всей вероятности, язык производственного общения может влиять на язык семейного общения. Более того, если небольшим «речевым коллективом» семьи осознаны преимущества языка производственного общения, если на этом языке обучаются дети, то он может превратиться в язык домашнего общения.

Важнейшей сферой использования русского языка является потребление культуры. Это объясняется тем, что язык обучения в школе – русский, лишь незначительная доля лиц во всех социально-профессиональных группах читает газеты и журналы на украинском языке. Исключительно на русском языке читается общественно-политическая, научно-техническая, учебная и научно-популярная литература. И лишь 6,7 % руководителей и специалистов среднего звена и 1,6 % работников неквалифицированного труда читают на украинском языке художественную литературу.

Данные опросы свидетельствуют, что для всех социально-профессиональных групп, независимо от образования и социального положения респондентов, примерно равное число украинцев (21,2 % руководителей и специалистов высшего звена, 26,9 % служащих и 29 % работников физического труда) выразили желание, чтобы детям в школах преподавали в качестве предмета украинский язык. Для малообразованных (в основном пожилых) представителей этноса именно реальный уровень владения разговорным национальным языком определяет и частоту признания его родным, и положительное отношение респондентов к знанию языка их детьми. Проявившееся в наших опросах 1980-х гг. желание интеллигенции, чтобы дети знали национальный язык и обучались ему в школе, безусловно, отражает определенные культурно-национальные ориентации конца XX в.

Школа оказывает влияние на всю последующую трудовую деятельность человека, следовательно, язык, на котором обучаются дети в школах, должен определять национальные установки в производственной деятельности людей. Можно отметить, что люди, которые высказываются за необходимость преподавания в

местных школах украинского языка (85,7 %) все же считают, что национальный состав трудового коллектива не имеет никакого значения. Такое соотношение языковой ориентации и установок на межнациональное общение в производственной сфере объясняется, по-видимому, тем, что обследуемая нами этническая группа находится в инонациональной среде: украинцы, как правило, работают в многонациональных коллективах.

Несколько выше взаимосвязь между выбором родного языка и положительным отношением к преподаванию украинского языка в школе. 50,7 % тех, кто считает родным украинский язык, высказались за преподавание в местных школах украинского языка. Это можно объяснить тем, что национальный интерес этой части украинцев Западной Сибири связан в первую очередь с национальным языком, стремлением возродить украинский язык с помощью школьного образования.

Интересно, что не обнаруживается сколько-нибудь существенного влияния возраста на характер взаимосвязи. В это же время для мужчин характерны более высокие, по сравнению с женщинами, показатели (за исключением соотношения между выбором родного языка и отношением к работе в многонациональном коллективе).

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что одно из наиболее важных отличительных свойств этноязыковых процессов у украинцев Западной Сибири состоит в дальнейшем углублении процесса сближения украинского и русского населения Западной Сибири. Оно проявляется в двуязычии украинцев, восприятии ими многих элементов культуры, увеличении числа межэтнических браков и слияния части украинцев с русскими.

Первостепенную роль в приобщении украинцев к русскому языку сыграла продолжительность этнокультурных и этноязыковых контактов с русскими, а также характер расселения. Украинцы Западной Сибири живут в иноэтнической среде, в отрыве от основной массы своего народа, поэтому итоги приобщения к языку другой национальности среди них особенно значительны.

В различных возрастных группах украинцев степень интенсивности развития этнических процессов неодинакова: сближение с русскими более характерно для людей молодого и среднего возраста. Меньшую роль играет в процессе разница полов, но и тут по ряду моментов наблюдается большее следование традициям прошлого у женщин.

Национальный язык воспринимается представителями всех социально-профессиональных групп как один из важнейших элементов этнической культуры. В то же время значимым фактором, определяющим отношение к родному языку, является образование. Следует иметь в виду, что малограмотные люди (как правило – пожилые) относятся к своему языку как к родному с реальным уровнем владения им.

Изучению подлежала и взаимосвязь языковых ориентаций и установок на межнациональное общение. Результаты исследования приводят к следующим выводам. В целом в системе украинского этноса Западной Сибири наблюдаются: отсутствие прямой и сколько-нибудь значительной взаимосвязи между языковыми показателями и установками на межнациональное общение; значительная несбалансированность взаимосвязей между различными парами этноязыковых и этнопсихологических признаков. По всей видимости, это отражение переходного состояния этнической группы. Но отсутствие взаимосвязи между языковыми ориентациями и установками на межнациональное общение не означает утрату этнической специфики. На наш взгляд, это свидетельствует лишь об изменении роли языка в функционировании и развитии данной этнической общности на данном этапе. В то же время полученные результаты могут трактоваться шире, означая принципиальное отсутствие существенной взаимосвязи между ориентациями в языковой сфере и установками на межнациональное общение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в нашем исследовании и ряде других источников данные позволили относительно полно представить процессы адаптации и современное состояние этнического развития дисперсно расселенных этнических массивов и групп в современной Западной Сибири. Кроме того, по мере возможности нами были восстановлены и изучены некоторые вопросы исторического развития описываемых этнических групп в регионе.

В результате можно сделать следующие выводы.

1. Устойчиво существующие этнолокальные группы латышского, немецкого, украинского, чувашского и эстонского населения в лесостепной полосе Западной Сибири сложились именно в результате масштабных переселений конца XIX – первой четверти XX в.

2. Основными факторами столь мощной волны переселения из освоенных районов Европейской России на просторы ее азиатской части стали:

- относительно малоземелье и перенаселение, сопряженные с условиями экстенсивного хозяйства;

- стремление наиболее активной части крестьян различных национальностей к обретению экономической свободы;

- нужды развивающейся империи и стремление ее правящих классов к освоению новых географических и экономических пространств;

- появление новых технологических возможностей для освоения удаленных территорий (строительство Транссибирской магистрали);

- удачно проработанная система государственного регулирования процессами переселения и слаженно функционирующий аппарат ее реализации.

3. Традиционные формы хозяйства, присущие материнским этносам изучаемых нами групп, были практически без изменений перенесены в новые места хозяйственного освоения Сиби-

ри. Под действием специфических природно-климатических условий, активным влиянием иноэтничного (как правило, русского старожильского) окружения, вмешательством государства в лице землеустроительных органов, новых рыночных экономических взаимоотношений хозяйство переселенцев претерпело значительные изменения, весьма активно адаптируясь.

Адаптация традиционной материальной культуры (как и хозяйства) была достаточно стремительной. Как предполагают принятые в отечественной науке теоретические подходы, она имела свои особенности, обусловленные устойчивостью тех или иных элементов материальной культуры к внешнему воздействию. Так, наименьшим изменениям вплоть до последней четверти XX столетия подверглась основа системы жизнеобеспечения – пища, а наибольшим и быстрым – повседневный костюм. При этом праздничная одежда в условиях инационального окружения приобрела функцию одного из главенствующих этнических определителей.

Необходимо отметить, что наибольшие изменения происходили в первые 10–15 лет после водворения переселенцев, т. е. быстрая адаптация жизнеобеспечивающих структур этнолокальных групп была необходимым условием если не выживания, то успешного их функционирования.

Каждая из обследованных нами групп имеет свои степень адаптированности и особенности, но общим является прямая зависимость уровня и скорости восприятия иноэтничных (или внеэтничных) черт от степени дисперсности группы или ее части.

К середине 1930-х гг. в обследованных нами группах сложилась устойчивая локальная специфика, характеризующаяся миксацией дифференцированных внутригрупповых черт культуры и наложением на них заимствованных у русских культурных явлений.

В результате адаптационных процессов к концу XX в. был достигнут высокий уровень интегрированности национальной культуры латышей, немцев, украинцев, чувашей и эстонцев Западной Сибири с вненациональными формами культуры. Это характеризуется значительной унификацией как материальной, так и духовной культур.

4. У представителей описываемых нами групп сложилось национально-русское двуязычие, развивающееся в двух направлениях – «вширь» и «вглубь», с повышением уровня русскоязычной

языковой компетенции и адекватным ему снижением национальной языковой компетенции. Сфера действия его является всеобъемлющей, при этом родные языки данных этнолокальных групп претерпели морфологические и семантические изменения.

Непосредственным следствием этого процесса является грядущая языковая ассимиляция представителей обследованных нами этнолокальных групп на основе тотального восприятия русского языка и практического замещения им языков национальных.

Основываясь на приведенных выводах, можно говорить о прямой зависимости уровня этнокультурной адаптации от степени дисперсности расселения этнолокальных групп в преобладающей культурно-языковой среде.

Таким образом, можно констатировать:

1. Уровень сохранения национально-специфичных черт в культуре описываемых групп к настоящему времени весьма невысок, что обусловлено рядом причин:

- многочисленными культурными заимствованиями у окружающего русского и татарского (весьма незначительно) населения;

- глубокими изменениями традиционного хозяйственно-бытового уклада под воздействием трансформации политико-экономических условий жизни сельского населения как результата исторического развития страны;

- фактическим разрушением механизма трансмиссии этнической культуры и межпоколенных связей в ходе социально-экономических потрясений в жизни общества;

- снижением уровня культурно-национальных ориентаций (особенно в небольших дисперсных группах чувашей и сибирских прибалтов), что имеет в своей основе культурно-языковую оторванность от основной массы этноса;

- высоким уровнем межнациональной (как правило, с русскими) брачности.

2. Основной тенденцией в развитии этнокультурных процессов является нивелировка этнически значимых черт в материальной и духовной культуре, а также замещение утраченных или утративших реальное значение элементов национальной культуры на русские или вненациональные (чаще – на основе русских) эквиваленты.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Источники

- Архив РАН (СПб.). – Ф. 1001, оп. 1, ед. хр. 227.
ГАНУ. – Ф. 9, оп. 1, д. 65; Ф. 13, оп. 1, д. 396, 398; Ф. 163, оп. 1, д. 2, 30;
Ф. 209, оп. 1, д. 492, 650; Ф. 1053, оп. 1, д. 115, 139, 519, 553, 679.
ГАОО. – Ф. 3, оп. 3, д. 4936; Ф. 8, оп. 1, д. 6а; Ф. 28, оп. 1, д. 68; Ф. 224,
оп. 2, д. 36, 39; Ф. 318, оп. 1, д. 128, 1143, 1149, 1152; Ф. 1152, оп. 1,
д. 39, 54, 1166, 1167.
ГАТО. – Ф. 84, оп. 1, д. 154; Ф. 251, оп. 1, д. 273.
МЭЭ ОмГУ 1980–1983, 1986–1989, 1992, 1993.

Литература

- Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М.: Политиздат, 1991.
Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Закономерности социалистического развития народностей в СССР. – Махачкала: Дагкнигиздат, 1965.
Аграрная политика в решениях съездов и конференций РКП(б). – М.: Л., 1926.
Азиатская Россия. – М., 1914. – Т. I–III.
Амбайнис О. Народный анекдот в латышском фольклоре // Латышские народные анекдоты. – Рига, 1964.
Аристэ П., Вяри Э. Прибалтийско-финские языки: (Введение) // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. – М.: Наука, 1966. – Т. III.
Артамонова Н. А. Этническое самосознание украинцев Западной Сибири на современном этапе // Этническая история и культура народов Советской страны. – Омск, 1991. – С. 73–74.
Арутюнов С. А. Билингвизм и бикультурализм // СЭ. – 1978. – № 2.
Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // ЭО. – 2000а. – № 2.
Арутюнов С. А. [Рец. на кн.] «В движении добровольном и вынужденном: Постсоветские миграции в Евразии» // ЭО. – 2000б. – № 2.

- Арутюнян Ю. В., Гришаев И. А., Губогло М. Н. и др.** Социально-культурный облик советской нации. – М., 1986.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М.** Этносоциологические исследования в СССР // Социологические исследования. – 1981. – № 1.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.** Этносоциология: (Цели, методы и некоторые результаты исследования). – М.: Наука, 1984.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.** Этносоциология. – М., 1998.
- Бабенко В. Я.** Материальная культура украинцев Башкирии: (Историко-этнографическое исследование): Дис... канд. ист. наук. – Л., 1985.
- Бабенко В. Я.** Украинцы Башкирской АССР: (История. Этнография). – Уфа., 1990.
- Баллод Я.** Латыши // Сибирская советская энциклопедия. – М.: Зап.-Сиб. отд.-ние ОГИЗ, 1932. – Т. 3.
- Бах А.** История немецкого языка. – М.: Иностранная литература, 1956.
- Бейка А.** Латышские секции РКП(б) и РКСМ в Сибири (конец 1919–1922 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Рига: Изд-во Лат. гос. ун-та им. П. Стучки, 1973а.
- Бейка А.** С коммунистами на переднем крае // Коммунист Советской Латвии. – 1973б. – № 3.
- Белковец Л. П.** Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. (Историко-правовое исследование). – Новосибирск, 2003.
- Бережнова М. Л., Рублевская С. А.** К вопросу о традиционном костюме и некоторых аспектах производства одежды немцев юга Западно-Сибирской равнины XX в. // Немцы Сибири: (История и культура): Тез. Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Блинкена А.** Язык в условиях межнационального общения // Коммунист Советской Латвии. – 1988. – № 2.
- Богданович А. В.** Три последних самодержца. – М., 1990.
- Богомолов В. Б.** Мужской костюм немцев Алтайского края в первой четверти XX в. // Немцы Сибири: (История и культура): Тез. Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Бокк А. А.** Омские немцы // Политинформатор и агитатор. – 1988. – № 19–20.
- Бразоль Б. Л.** Царствование императора Николая II 1894–1917 в цифрах и фактах. – Берлин, 1958.
- Брейзе А. А., Колоткин М. Н.** Немецкая диаспора Сибири (1920–1930-е гг.). – Новосибирск, 1997.
- Бронникова О. М.** Отражение этнических процессов в области духовной культуры казахов Западной Сибири // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. – Омск, 1989.

- Брук С. И., Кабузан В. М.** Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции // СЭ. – 1982. – № 5.
- Бруль В. И.** Немцы в Сибири. – Топчиха, 1995. – Ч. I–II.
- Бударин М.Е.** Чекисты. Омск: Книжное издательство, 1987
- Буткявичус И., Терентьева Л., Шлыгина Н.** Крестьянские поселения Прибалтики // СЭ. – 1966. – № 1.
- Вашкау Н. Э.** Развитие образования и культуры в немецком Поволжье // Немцы Сибири: (История и культура): Тез. Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Вейлерт А. А.** Немецкая диалектология: (Сбор и статистическая обработка материала). – М., 1980.
- Векслер Б. Х., Юрик В. А.** Латышский язык: Самоучитель. – Рига: Звайгзне, 1988.
- Верецагин П. Д.** К вопросу о роли географического и социального факторов при выборе крестьянами-переселенцами мест за Уралом в период капитализма (на примере переселенцев из Белоруссии) // Проблемы исторической географии России. – М., 1982. – Вып. 1.
- Вийкберг Ю.** Эстонские языковые острова в Сибири: (Характер изменений, языковые контакты) // Мат-лы V Республик. науч. конф. молодых лингвистов. – Ереван, 1986.
- Вийкберг Ю.** Смена языка – «против» и «за» (на примере сибирских эстонцев) // Мат-лы VI Республик. науч. конф. молодых лингвистов. – Ереван, 1988.
- Вийкберг Ю.** Сибирские эстонцы и языковая политика // Билингвизм и диглоссия: Тез. конф. молодых ученых – М., 1989а.
- Вийкберг Ю.** Эстонские языковые островки в Сибири: (Возникновение, развитие, контакты): Автореф. дис... канд. филолог. наук. – Тарту, 1989б.
- Вийкберг Ю., Раннут М.** Исторический аспект статуса языка: (На материале эстонского языка) / АН ЭССР, отд-ние обществ. наук. – Таллин, 1988.
- Виксна Д.** Латышская советская культура в Советском Союзе в 20–30-х годах: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Рига: Изд-во Ин-та истории АН Лат. ССР, 1967.
- Витолинь Я.** Стилевые особенности латышской народной песни годового земледельческого цикла. – М.: Наука, 1964.
- Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40–50-х годах** // Изв. ЦК КПСС. – 1990. – № 8.
- Ворсмбехер Г.** Как мы представляем себе восстановление Немецкой АССР // СЭ. – 1989. – № 6.
- Всемирная история.** – М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1960. – Т. VII.

- Всеобщая** перепись населения Российской империи: (Общий свод по империи результатов разработки данных первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28.01.1897 года). – СПб., 1905. – Т. 2.
- Всероссийская** научно-практическая конференция о возрождении национального языка и культуры российских немцев // Наука в Сибири. – 1995. – № 8.
- Всесоюзная** перепись населения 1926 г. РСФСР. – М., 1929. – Т. IX, отд. 1.
- Гаупт В.** Колония ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа // ЗСОРГО. – Иркутск, 1864. – № 7.
- Гаупт В.** Состояние колоний ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости Минусинского округа (1850–1865 гг.) // Вторая памятная книга Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. – СПб., 1865.
- Гербер О. А.** Немецкий национальный район в Алтайском крае // Немцы Сибири: (История и культура): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Героник Г. И.** Дорогами новых традиций: (Опыт Советской Прибалтики). – М.: Политиздат, 1964.
- Голишева Л. А.** Национальные отделы в Сибири и их деятельность (конец 1919–1923 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970.
- Грабис Р.** Латышский язык // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. – М.: Наука, 1966. – Т. I.
- Григорьева Р. А.** Этноязыковые процессы в Чувашской АССР // Расы и народы. – М.: Наука, 1984а. – Вып. 14.
- Григорьева Р. А.** О двуязычии чувашского сельского населения // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1984б.
- Гроздова И. Н., Филимонова Т. Д.** Венгры и немцы Советского Закарпатья // СЭ. – 1970. – № 1.
- Грюнберг В.** Об одной сибирской эстонской газете // Коммунист Эстонии. – 1967. – № 4.
- Губогло М. Н.** Этносоциальные аспекты языковых контактов: Докл. на VII Междунар. социолог. конгр. – М., 1970.
- Губогло М. Н.** Социально-этнические последствия двуязычия // СЭ. – 1972. – № 2.
- Губогло М. Н.** Кизучению двуязычия в культурно-историческом аспекте // Национальный язык и национальная культура. – М.: Наука, 1978.
- Губогло М. Н.** Современные этноязыковые процессы: (Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения) // Расы и народы. – М.: Наука, 1979. – Вып. 9.

- Губогло М. Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР: (Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия). – М.: Наука, 1984.
- Губогло М. Н.* Свет и тени двуязычия: (К изучению современных этноязыковых процессов в СССР) // Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ. – М., 1992.
- Гузенкова Т. С.* Межнациональное общение в сельской местности Чувашской АССР и некоторые аспекты его оптимизации // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1984.
- Дешириев Ю. Д.* Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. – М.: Наука, 1976.
- Дмитриев В. Д.* Чувашские сказания о Казанском ханстве и присоединении Чувашии к России // История, археология и этнография Чувашской АССР. – Чебоксары, 1975.
- Дмитриев В. Д.* Чувашия в эпоху феодализма. – Чебоксары, 1986.
- Дробизжева Л. М.* Духовная общность народов СССР: (Историко-социологический очерк межнациональных отношений). – М.: Мысль, 1981.
- Дробизжева Л. М.* О проблемах межнациональных отношений и задачах этносоциологии в современных условиях // СЭ. – 1989. – № 1.
- Дробизжева Л. М.* Этническое самосознание русских в современных условиях: (Идеология и практика) // СЭ. – 1991. – № 1.
- Дробизжева Л. М.* О тенденциях в этническом самосознании русских на рубеже последнего десятилетия XX века // Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ. – М., 1992.
- Дятлов В. И.* Диаспора: (Попытка определиться в понятиях) // Диаспоры. – 1999. – № 1.
- Жигунова М.А.* Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. – Омск, 2004.
- Жирмунский В. М.* Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма // Этнография. – 1927. – № 2.
- Жирмунский В. М.* Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // СЭ. – 1933. – № 2.
- Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. – Л.: Худ. лит., 1936.
- Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. – М.; Л., 1956.
- Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. – М.; Л.: Наука, 1964.
- Жирмунский В. М.* Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. – Л., 1976.
- Заречнева В. А., Пластун К. Я.* Обзор состояния исследований островных немецких диалектов // Немцы Сибири: (История и культура):

- Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993. – Презентация кн.: Н. Беренд и Г. Едига. Немецкие диалекты в Советском Союзе: История исследования и библиография. – Марбург, 1991.
- Захарова Г. Н.** Современные украинско-молдавские межэтнические связи. – Киев, 1985.
- Земляницкий Т. А.** Чуваша в Самарской губернии // Вестник Среднего Поволжья. – Самара, 1926. – № 1.
- Злобина В.** Кто такие корлаки? // Советское финно-угроведение. – 1971. – № 2.
- Иванов В. П.** О некоторых этнографических аспектах изучения современной городской семьи Чувашской АССР // Современные этнические процессы в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1979.
- Иванов Л. А.** Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей // Исторический сборник. – Чебоксары, 1966.
- Иванов Л. А.** Современный быт и культура сельского чувашского населения. – Чебоксары, 1973.
- Иванов Л. А.** Старинная женская национальная одежда чувашского населения Самарской Луки и Саратовского Правобережья // Бытовая культура чувашей. – Чебоксары, 1985.
- Из отчета** Совета национальных меньшинств при ГубОНО о состоянии работы // Наш край. – Омск, 1985. – Ч. I.
- Ипатов А. Н.** Меннониты: (Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности). – М.: Мысль, 1978.
- Исаков К.** Немцам отступать некуда // Новое время. – 1991. – № 41.
- Итоги** Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М.: Госстатиздат ЦСУ РСФСР, 1963.
- Итоги** Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М.: Статистика, 1973. – Т. IV.
- Итоги** Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Статистика, 1989. – Т. IV.
- Итоги** демографической переписи 1920 года по Омской губернии: (Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности). – Омск: Губстатбюро, 1923. – Вып. 2.
- Кабузан В. М.** Переселення українців у Далекосхідний край в 1850–1916 рр. // Український історичний журнал. – 1971. – № 2.
- Кабузан В., Махнова Г.** Численность и удельный вес украинского населения на территории СССР в 1795–1959 гг. // История СССР. – 1965. – № 1.
- Калашиников А. Д., Первых С. Ю., Проваторова О. И.** Некоторые направления современных этнических процессов среди украинцев Западной Сибири // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск, 1981.

- Кампарс П.** Чтоб не порвалась нить времени: (Традиции старые и новые) // Дружба народов. – 1968. – № 1.
- Кампарс П., Закович Н.** Советская гражданская обрядность. – М.: Политиздат, 1967.
- Каралюн В. О.** О перемещении противников Советской власти, капиталистических и деклассированных элементов 14 июня 1941 г. // Латвия на грани эпох. – Рига: Авотс, 1988. – Вып. II.
- Каск А.** Эстонский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. – М.: Наука, 1966. – Т. III.
- Кауфман А. А.** Переселения // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1898. – Т. XXIII.
- Кахк Ю.** Черты сходства: (Социологические очерки). – Таллин: Ээсти раамат, 1974.
- Колесников А. Д.** О национальном составе населения Омской области // Мат-лы III науч. совещ. географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – Вып. I.
- Колесников А. Д.** Состав переселенцев в Сибирь // Вопросы формирования русского населения в Сибири в XVIII – начале XX в. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978.
- Кондратьев В. С.** Социальные перемещения сельского населения Чувашии на современном этапе: (Этносоциальные аспекты) // Статистико-этнографические методы в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1984.
- Коровушкин Д. Г.** Современная духовная культура сибирских чувашей (предварительное сообщение) // Всесоюзн. науч. сес. по итогам этнограф. и антрополог. исследований 1986–1987 гг.: Тез. докл. – Сухуми: Алашара, 1988.
- Коровушкин Д. Г.** О некоторых сторонах современной духовной культуры чувашей Западной Сибири // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. – Омск, 1989а.
- Коровушкин Д. Г.** Сохранение традиционных элементов в современной материальной культуре чувашей Западной Сибири // История, краеведение и музееведение Западной Сибири: Тез. докл. Обл. науч.-практ. конф. – Тюмень, 1989б.
- Коровушкин Д. Г.** Чувашская национальная школа в Западной Сибири: (Итоги и перспективы развития) // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. – Омск, 1990а. – Ч. 1.
- Коровушкин Д. Г.** Этноязыковые процессы у чувашей Западной Сибири // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. – Чебоксары, 1990б.
- Коровушкин Д. Г.** Тенденции этнокультурного развития чувашей Западной Сибири на современном этапе // СЭ. – 1991. – № 4.
- Коровушкин Д. Г.** Чувашско-русские этнокультурные взаимодействия в Западной Сибири // Этническая история тюркских народов

- Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии). – Омск, 1992а.
- Коровушкин Д. Г.** Этнические контакты как адаптогенный фактор в этнокультурной адаптации русских Западной Сибири: (К постановке проблемы) // Русский вопрос: (История и современность): Тез. докл. Всерос. науч. конф. – Омск, 1992б. – Ч. 2.
- Коровушкин Д. Г.** Чуваши Западной Сибири: (Этнодисперсная группа на современном этапе). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997.
- Коровушкин Д. Г., Пирогов Ю. В.** Современные этнокультурные процессы среди чувашей Западной Сибири // Всесоюзн. науч. сес. по итогам полевых этнограф. и антрополог. исследований 1988–1989 гг.: Тез. докл. – Алма-Ата, 1990. – Ч. 1.
- Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.** Приспособление жилища поздних переселенцев в Западной Сибири к природно-климатическим условиям как фактор этнокультурной адаптации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Год. итог. сес. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001а.
- Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.** Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: (История изучения) // Исторический ежегодник: Спец. выпуск., посвящ. 60-летию проф. Н. А. Томилова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001б.
- Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.** Неславянские этнодисперсные группы Западной Сибири: (Формирование и этнокультурная адаптация). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003.
- Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б.** Языковая адаптация неславянских переселенцев в иноэтничной языковой среде Западной Сибири // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002.
- Корусенко М. А.** Современное состояние этнокультурных процессов у барабинских татар: (По данным социологического опроса 1991 года) // Ислам, общество и культура: Мат-лы междунар. науч. конф. – Омск, 1994.
- Корусенко С. Н.** Современные этноязыковые процессы у бачатских телеутов // Проблемы этнографии и социологии культуры. – Омск, 1988.
- Кригер В. Э.** Немецкая переселенческая деревня Казахстана (на рубеже XIX–XX веков) // Советские немцы: (История и современность): Мат-лы Всесоюз. науч.-практ. конф. – М., 1990.
- Кригер В. Э.** Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1991.

- Курило О. В.** Очерки по истории лютеран в России (16–20 вв.). – М., 1996.
- Курилович П. И.** О балто-славянском языковом единстве // Вопросы советского языкознания. – 1958. – № 3.
- Лайгер М. П., Кригер В. Э.** География расселения и социально-экономическая характеристика немецкого населения Казахстана в конце XIX века // Вест. АН Казах. ССР. – 1988. – № 11.
- Лассман Н.** Минусинский округ сибирская Италия // Прибалтийский листок. – 1895. – № 1.
- Латышский язык** // Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1982.
- Ленин В. И.** Капитализм и иммиграция рабочих // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит., 1973. – Т. 24.
- Лоткин И. В.** Расселение, численность и этнические контакты сибирских прибалтов: (По материалам исследования в таежной зоне Новосибирской и Омской областей) // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества. – Омск, 1987.
- Лоткин И. В.** Некоторые направления современных этнических процессов среди латышей и эстонцев Омской области // Проблемы этнографии и социологии культуры. – Омск, 1988.
- Лоткин И. В.** Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. – М., Изд-во ИЭА РАН, 1996.
- Луговая М.В., Реммлер В.В.** Языковые ориентации и установки на межнациональное общение украинцев Западной Сибири // Этническая история и культура народов советской страны. – Омск, 1991. – С. 59 – 60.
- Любимов В. М.** Чувашия в годы столыпинской аграрной политики. – Чебоксары, 1948.
- Люзе Л. Л., Демидова И. Л.** Опыт организации высшего образования для немецкого населения Омской области // Немцы Сибири: (История и культура): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Маамяги В.** Эстонские поселенцы в СССР (1917–1940 гг.). – Таллин: Ээсти раамат, 1977.
- Майничева А. Ю.** Белорусы-переселенцы в Приобье (середина XIX – начало XX вв.) // Культура и образование национальных меньшинств в Сибири: Тез. Науч.-практ. конф. – Новосибирск, 1997а.
- Майничева А. Ю.** Переселенцы из Белоруссии в Приобье (середина XIX – начало XX в.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. – Новосибирск, 1997б.
- Майничева А. Ю.** К вопросу о польских преселенцах в Томской губернии (середина XIX в.) // Проблемы археологии, этнографии, антро-

- пологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VII год. итог. сес. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск, 1999а.
- Майничева А. Ю.** Новые материалы о поселениях белорусов в Приобье в начале XX столетия // Культура этнических образований Сибири: (Духовное возрождение – краеугольный камень современности): Тез. III науч.-практ. конф. – Новосибирск, 1999б.
- Майничева А. Ю.** Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: (Проблемы эволюции и контактов). Середина XIX – начало XX вв. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002.
- Майничева А. Ю.** Латыши // Новосибирск: Энциклопедия. – Новосибирск, 2003а.
- Майничева А. Ю.** Литовцы // Новосибирск: Энциклопедия. – Новосибирск, 2003б.
- Майничева А. Ю., Фурсова Е. Ф.** Заселение и хозяйственно-культурное освоение Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // III год. итог. сес. ИАЭт СО РАН: Тез. докл. – Новосибирск, 1995.
- Малиновский Л. В.** Немецкая деревня в Сибири в период социалистического строительства (1925–1936 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Томск, 1967а.
- Малиновский Л. В.** Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1967б.
- Малиновский Л. В.** Сибирские немцы как этническая группа // Проблема изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе. – Новосибирск, 1967в.
- Малиновский Л. В.** Жилище немцев-колонистов в Сибири // СЭ. – 1968. – № 3.
- Малиновский Л. В.** В общем строю: (Исторический очерк о немцах Алтая) // Алтай. – Барнаул, 1969а. – № 3.
- Малиновский Л. В.** Некоторые предварительные результаты социолого-лингвистического обследования немецкого населения Западной Сибири // Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири. – Новосибирск, 1969б.
- Малиновский Л. В.** К характеристике некоторых групп переселенцев в Сибирь конца XIX – начала XX в. // Изв. СО АН СССР. – Новосибирск, 1980. – № 1. – Вып. 1. – (Сер. обществ. наук).
- Малиновский Л. В.** Социально-экономическая жизнь немецкой колониальной деревни в южной России (1762–1917): Автореф. дис... д-ра ист. наук. – Л., 1986.
- Мартемьянова Л. П.** Роль языка в этнической культуре // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. – Омск, 1990. – Кн. I.

- Матвеев Г. Б.** Жилище и постройки чувашей в середине XIX – начале XX века (северо-западные районы Чувашии) // Бытовая культура чувашей. – Чебоксары, 1985.
- Матвеев Г. Б.** Крестьянская строительная техника (северо-западные районы Чувашии) // Вопросы материальной культуры чувашского народа. – Чебоксары, 1986.
- Матвеев Г. Б.** Жилище и хозяйственные постройки средненизовых чувашей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары, 1988.
- Материальная культура:** (Свод этнографических понятий и терминов). – М.: Наука, 1989.
- Машикарин М. И.** Националистическое подполье в прибалтийских советских республиках в 40–50-х годах: (По материалам журнала «Известия ЦК КПСС») // Политическая история России в отражении современной периодической печати. – Омск, 1991.
- Микулич Т. Н.** Этноязыковые процессы и система национального самосознания (на материале Беларуси): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Минск, 1991.
- Милиценко В. В.** Родильно-крестильная обрядность украинцев Западной Сибири (конец XIX – первая треть XX века) // Этнические и социально культурные процессы у народов СССР. – Омск, 1990.
- Минжуренко А. В.** Заселение и хозяйственное освоение крестьянами-переселенцами степной полосы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Проблемы исторической географии России. – М., 1982. – Вып. II.
- Митрофанова К. И.** Вклад Омской диалектической школы в исследование немецких диалектов в России // Немцы Сибири: (История и культура): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Мордик Е. А.** Современные этнокультурные процессы среди украинцев Сибири (по материалам Омской области) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. – Иркутск: ИГУ, 1982.
- Моор А.** Об историко-этнографических областях Эстонии // Вопросы этнической истории эстонского народа. – Таллин: Эстгосиздат, 1956.
- Морозов А.** Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Зап. ЗСОИРГО. – Омск, 1900. – Т. XXVII, ст. 2.
- Муравская Е. И.** Прибалтийские крестьяне-рыбаки в переселенческом движении на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы аграрной истории Латвии. – Рига, 1984.
- Муравская Е. И.** Миграция прибалтийского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. – Рига, 1986.
- Мурниек Э.** Некоторые характеристики образа жизни колхозного крестьянства Латвийской ССР // Социологические исследования. – 1980. – № 3.

- Назарцева Т. М.** Немецкое население Сосновского района Омского округа по переписи 1926 года // Немцы Сибири: (История и культура): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Народное** богатство. – 1863. – № 269.
- Народы** Европейской части СССР. – М.: Наука, 1964. – Т. 2.
- Народы** зарубежной Европы: (Этнографические очерки). – М.: Наука, 1964. – Т. 1.
- Население**, трудовые ресурсы СССР: (Проблемы размещения и пути их решения). – М., 1971.
- Наулко В. И.** Украинцы вне Украинской ССР: (Этносоциальные процессы). – Л.: Наука, 1986.
- Наумова О. Б., Чешко С. В.** Современные этнокультурные процессы у казахов и немцев Казахстана: (Опыт сравнительного анализа) // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. – М., 1989.
- Наумова О. Б., Чешко С. В.** Формирование этнической субкультуры мигрантов: (Меннониты в Тульской области) // Этносоциальные проблемы сельских миграций. – М., 1990.
- Национальный** состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Республик. информ.-издат. центр, 1990.
- Национальный** состав населения СССР: (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991.
- Немцы** Сибири: (История и культура): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Николаева Т. А.** Народные конструктивно-художественные приемы в традиционной весенне-осенней верхней одежде украинцев // СЭ. – 1984. – № 3.
- Никольский Н. В.** Краткий курс этнографии чуваш. – Чебоксары, 1928.
- Никольский Н. В.** Краткий курс этнографии чуваш. – Чебоксары, 1929. – Вып. 1: Материальная культура.
- Обзор** Акмолинской области за 1914 г. – Омск, 1915.
- Омская** область // Материалы к III науч. совещ. географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 1966.
- Основные** итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года на территории Омской области. – Омск, 1980.
- Остроух И. Г., Шервуд Е. А.** Немцы в России: (Исторический очерк) // СЭ. – 1993. – № 3.
- Павлов Ю. М., Иванов В. П., Суслов В. Л.** Традиции питания и распространение заболеваний раком желудка // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары, 1988.

- Патканов С. К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев: (На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – СПб., 1911. – Т. II.
- Патрушева Г.М.** Развитие современных этноязыковых процессов у шорцев // Социально-культурные процессы в Советской Сибири: Тез. докл. по этнокультурным процессам. – Омск, 1985.
- Патрушева Г.М.** Динамика этнических процессов у шорцев Кемеровской области в середине 1970-х – середине 1980-х гг.: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Новосибирск, 1992.
- Первая** всеобщая перепись Российской империи 1897 г.: Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим условиям, вероисповеданию, родному языку и некоторым занятиям. – СПб., 1905.
- Пименов В. В.** Удмурты: (Опыт компонентного анализа этноса). – Л.: Наука, 1977.
- Писаревский Г. Г.** Из истории национальной колонизации в России XVIII в. – М., 1909.
- Писаревский Г. Г.** Переселение прусских меннонитов в Россию при Александре I. – Ростов-на-Дону, 1917.
- Плеве И. Р.** Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. – М., 1998.
- Полный** сборник законов Российской империи. – 2-е изд. – СПб., 1869. – Т. LI; 1876. – Т. XLIV.
- Полный** сборник законов Российской империи. – 3-е изд. – СПб., 1889. – Т. IX.
- Преображенский А. А.** Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. – М., 1956.
- Прибалтийский** листок. – 1899. – № 52, 79.
- Проваторова О. М., Томилов Н. А.** О некоторых факторах динамики межэтнических браков (по материалам Омской области) // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981.
- Рабинович М. Г., Шмелева М. Н.** К этнографическому изучению города // СЭ. – 1981. – № 3.
- Раевский В.** Латышские секции РКП(б). – Рига: Лиесма, 1976.
- Рекк-Лебедев А.** Дальневосточная Лифляндия: (Эстонцы на Уссурийской земле). – Таллин: Ээсти раамат, 1989.
- Реммлер В.В.** Динамика изменений в культуре украинского населения Западной Сибири в XX веке // Проблемы развития культуры народов и изучения культуры по музейным коллекциям. – Омск, 1987.
- Реммлер В.В.** Традиционные элементы в свадебной обрядности украинцев Западной Сибири (по материалам Омской области) //

- Современная духовная культура народов Сибири и Севера. – Омск, 1989.
- Ремнев А. В.** Самодержавие и Сибирь: (Административная политика второй половины XIX – начала XX века). – Омск, 1997.
- Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). – М., 1967. – Т. 1.
- Ростовцев Е. А.** Функциональный статус швабского диалекта Закавказья после депортации его носителей // Немцы Сибири: (История и культура): Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1993.
- Савва М. В.** Иноэтническое окружение как фактор динамики традиционной культуры // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. – Омск, 1990. – Кн. I.
- Самосудов В.М.** Антисоветское националистическое движение на оккупированных территориях в годы Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Политическая история России в отражении современной периодической печати. – Омск, 1991. – С. 95 – 99.
- Сборник** документов по земельному законодательству СССР и РСФСР (1917–1954). – М., 1954.
- Свитнев А.Б.** Поселения и усадьбы латышей и латгальцев Западной Сибири конца XIX–XX вв. – Новосибирск, 2001.
- Семенов Ю. И.** Этнос. Нация. Диаспора // ЭО. – 2000. – № 2.
- Сибирские** ведомости. – 1863. – № 187.
- Сизутов П. Т.** Формирование расселения населения Азовского национального района // Немцы Сибири: (История и культура). – Омск, 1993.
- Симонов В. А.** Эмиграция и ее проблемы // Омская правда. – 1992. – 19 мая.
- Скляр Л. Ф.** Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
- Скубневский В. А.** Население Алтая по данным переписи 1897 г. // Образование и социальное развитие региона. – Барнаул. – 1998. – № 1.
- Слава М. .** Культурно-исторические связи прибалтийских народов по данным одежды. – М.: Наука, 1964.
- Слава М.** Латышская женская одежда и ее орнаментация (XIII–XIX вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1955.
- Смирнова Т. Б.** Немцы Сибири: (Этнические процессы). – Омск, ИЦ «РУСИНКО», 2002.
- Смирнова Т. Б.** Немцы Сибири: (Этнические процессы и этнокультурное взаимодействие). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003.
- Современные** этнические процессы в СССР. – М.: Наука, 1977.
- Соколовский С. В.** Брачные круги и эндогамные барьеры: (К методике анализа брачной миграции) // СЭ. – 1986. – № 4.

- Соколовский С. В.** Меннониты Алтая: (Устойчивость этноконфессиональной группы в условиях перманентной миграции) // Этносоциальные проблемы сельских миграций. – М., 1990.
- Соколовский С. В.** Этнографические исследования: (Идеал и действительность) // СЭ. – 1993. – № 2, 3.
- Соколовский С. В.** Меннониты Алтая: (История, демография, ономастика). – М., 1996.
- Социально-культурное** развитие немцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1990.
- Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В.** Переселение в Сибирь. – СПб., 1906.
- Станюкович Т. В., Шмелева М. Н.** Пища // Современные этнические процессы в СССР. – М., 1977.
- Старовойтова Г. В.** Этническая группа в современном городе. – Л.: Наука, 1987.
- Степанов В. В., Сусоколов А. А.** Этнос и его среда // Человек. – М., 1990. – Вып. 6.
- Стродс Х.** Основные этапы и причины начала массового переселения латышских крестьян в другие губернии России в 40 – 60-х годах XIX в. // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980.
- Тараканова С. А., Терентьева Л. Н.** Работа Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции в 1956 г. // СЭ. – 1957. – № 4.
- Терентьева Л. Н.** Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях. – М.: Наука, 1974.
- Тихонов Б. В.** Переселения в России во второй половине XIX в. – М.: Наука, 1978.
- Тишков В. А.** О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. – 1989. – № 5.
- Тишков В. А.** Реквием по этносу: (Исследования по социально-культурной антропологии). – М., 2003.
- Томилов Н. А.** Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири // СЭ. – 1978а. – № 4.
- Томилов Н. А.** Современные этнические процессы среди сибирских татар. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978б.
- Томилов Н. А.** Этнокультурные процессы у южных народов Западной Сибири // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981.
- Томилов Н. А.** Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992.
- Томилов Н. А.** Региональные отношения и национальные проблемы малочисленных народов и национальных групп Сибири // Регио-

- нальные проблемы межнациональных отношений в России: Мат-лы Всерос. конф. – Омск, 1993.
- Трофимов П. Л.** К истории введения начального обучения в Западной Сибири (1930–1933 гг.) // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг.: (Сибирь в эпоху строительства социализма и перехода к коммунизму). – Новосибирск, 1962. – Вып. I.
- Тынурист И.** Современные эстонцы и латыши Минусинска // V Всесоюзн. студ. конф.: Тез. докл. – Вильнюс, 1967.
- Украинцы.** – М.: Наука, 2000.
- Устинова М. Я.** Семейные обряды латышского городского населения в XX в.: (По материалам городов Латгале и Курземе). – М.: Наука, 1980.
- Филимонова Т. Д.** Об этнокультурном развитии немцев СССР // СЭ. – 1986. – № 4.
- Филимонова Т. Д.** Тенденции этнического развития немцев СССР // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. – М., 1989.
- Филимонова Т. Д., Шин М. Ф.** К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья // Карпатский сборник. – М.: Наука, 1972.
- Фокин П. П.** Земледелие и сельскохозяйственные орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края во второй половине XIX – начале XX в. // Бытовая культура чувашей. – Чебоксары, 1985а.
- Фокин П. П.** Роль современной чувашской семьи в сохранении и воспроизводстве традиционной духовной культуры // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. – Чебоксары, 1985б.
- Фурсова Е. Ф.** Особенности культуры украинцев в русских старожильческих районах Верхнего Приобья (к. XIX – н. XX в.) // Всеукр. науч. конф. «Етнична самосвідомість: національна культура». – Київ, 1991.
- Фурсова Е. Ф.** Самосознание и этническая культура славянских народов Западной Сибири (Приобья) к. XIX – нач. XX в. // Мархнин В. В. Русский этнос в межэтнических взаимодействиях: Программа исследования в регионах Сибири. – Новосибирск, 1993.
- Фурсова Е. Ф.** Восточные славяне в Западной Сибири: (Создание этноэкологических систем развития) // Музей и общество на пороге XXI в.: Мат-лы Всерос. науч. конф. – Омск, 1998.
- Фурсова Е. Ф.** Взаимоотношение этнического и природного факторов в системе жизнеобеспечения сибирских украинцев и белорусов // Тез. докл. III конгр. этнографов и антропологов России. – М., 1999а.
- Фурсова Е. Ф.** Сибирские голландцы-меннониты: (Традиции и новации в их культуре) // Немцы Сибири: (История и культура): Тез. докл. III междунар. науч.-практ. конф. – Омск, 1999б. – С. 59–60.

- Царегородцева Т. Л.** Народная ветеринария русских и украинцев Западной Сибири // Традиционная этническая культура и народные знания. – М., 1994.
- Чешико С. В.** Время стирать «белые пятна» // СЭ. – 1988. – № 6.
- Чувашии** Приуралья. – Чебоксары, 1987.
- Чувашии:** (Современные этнокультурные процессы). – М., 1988.
- Чувашии:** (Этнографическое исследование). – Чебоксары, 1956.
- Чувашское** население в России: (Консолидация. Диаспоризация. Интеграция). – М., 2000. – Т. 1: Республика и диаспора; 2002. – Т. 2: Стратегия возрождения и этническая мобилизация.
- Шарапов Я. Ш.** Национальные секции РКП(б). – Казань: Изд-во КГУ, 1967.
- Шаргородский Л. Т.** Современные этнические процессы у селькупов. – М., 1994.
- Шелегина О. Н.** Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века. – Новосибирск, 2005.
- Шлейхер И. И.** Пособие по истории российских немцев (вторая половина XVIII – начало XX веков). – Барнаул, 1992.
- Шнирельман В. А.** Мифы диаспоры // Диаспоры. – 1999. – № 2–3.
- Штах Я.** Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. – М., 1916.
- Шпорт А. М.** Хозяйство и традиционно-бытовая культура украинских переселенцев в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье): Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1987.
- Эйсуль А.** Латгалцы // Сибирская советская энциклопедия. – М.: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1932. – Т. III.
- Эккель Б. М.** Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей // СЭ. – 1976. – № 2.
- Эстонская** народная одежда. – Таллин: Эстгосиздат, 1960.
- Ядринцев Н. М.** Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя. – 1878. – № 3.
- Якименко Н.** Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861–1917 гг.). Дис... д-ра ист. наук. – Полтава, 1988.
- Якименко Н.** Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (на примере выходцев с Украины) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма: Сб. науч. тр. – Владивосток, 1989.
- Заставний Ф.** Українська діаспора: (Розселення українців у зарубіжних країнах). – Львів, 1991.
- Заставний Ф.** Східна українська діаспора. – Львів, 1992.
- Veika A.** Cilveks, kuru neaizmirst // Cīņa. – 1972. – 8 aug.

- Beika A.** Latviešu padomju skola Sibīrijā // Skola un gimene. – 1973. – № 4.
- Beika A.** Talaja Sibīrijā // Padomju Latvijas Sieviete. – 1970. – № 2, 6.
- Berend N., Jedig H.** Deutsche Mundarten in der Sowjetunion – Geschichte der Forschung und Bibliographie. – Marburg, 1991.
- Cimermanis S.** Latviešu tautas dzīves pieminēkli: (Celtne un to iekārta). – Rīga: Zinatne, 1969.
- Dinges G.** Ueber unsere Mundarten // Beiträge zur Heimatkundedeutschen Wolgagebiets. – Pokrowsk, 1923.
- Dumpe L.** Lopkopība Latvijā 19. gs. 20. gs. sakuma. Etnogrāfisks apcērojums. – Rīga: Zinatne, 1985.
- Eisfeld A.** Die Russland – Deutschen. – München, 1992.
- Eisfeld A.** Russland / Sowjetunion // Informationen zur politischen Bildung. – München, 1991.
- Fleischhauer I.** Die Deutschen im Zarenreich. – Stuttgart, 1986.
- Fleischhauer I., Jedig H.** Die Deutschen in der UdSSR in Geschichte und Gegenwart. – Baden-Baden, 1990.
- Hagin M.** Namhafte Wolgadeutsche // HB 1973–1981. – Stuttgart, 1982.
- Juntunen A.** Suomalaiset karkotettiin Siperiaan autonomian aikana ja karkotettiin Siperiassa. – Turku; Helsinki: Siirtolaisuustutkimuksia A 10, 1983.
- Kalits V.** Eesti pulmad. Traditsioon ja nüüdisaeg. – Tallinn: Eesti raamat, 1988.
- Keem H., Vaba L., Viikberg J.** Siberimaa eestlaste jutustusi (II) // Kodumurre. – Tallinn: Eesti NSV teaduste Akadeemia emakeele Selts, 1989.
- Kingisepp V.** Seltsid ja ühinged // Kiir. – 1913. – 26 veebr.
- Kolonijas** latviešu // Latviešu konversācijas vārdnīca. – R.: Gulbja apgādība, 1933. 9 seji.
- Krieger V.** Deutsche Präsenz in Kasachstan zur Zarenzeit // Deutsche in der Sowjetunion und Aussiedler aus der UdSSR. – München, 1993.
- Krieger V.** Die Deutschen in Turkestan bis 1917 // Die Russlanddeutschen – Gestern und heute. – Köln, 1992.
- Krieger V.** Westeuropäische und russlanddeutsche Spürsuche in einem russischen provinziellen Archiv // Referat der Kulturtragung der Deutschen aus Russland vom Oktober, 1993.
- Meomuttel J.** Eesti asunikud laialises Vene riigis. Esimene katse sonumid koikide Eesti asunduste üle tuua. – Jurjevis (Tartus): «Postimehe» trükikoda, 1900.
- Nigol A.** Eesti asundused ja asupaigad Venemaal. – Tartus: «Postimehe» trükikoda, 1918.
- Pahn P.** Mennoniten in der Umgebung von Omsk. – Winnipeg, 1975.
- Pinkus B., Fleischhauer I.** Die Deutschen in der Sowjetunion. – Baden-Baden, 1987.

- Rank G.** Vana eesti rahva ja kultuur. – Stockholm: Eesti raamat, 1949.
- Raun Toivo U.** Estonia and the Estonians. – Stanford: Hoover Institute press, 1987.
- Reitsak A.** Vene-Eesti vestmik. – Tallinn: Valgus, 1988.
- Rizkova //** Latviešu konversācijas vārdnīca. – R.: Gulbja apgādība, 1938–1939.
- Schiller F. P.** Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764–1926. – Pokrowsk, 1927.
- Schmidt D.** Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. – Pokrowsk, 1930. – Bd. I.
- Sibirijas** Čina. – 1925. – № 9.
- Sibirijas** Čina. – 1927. – № 24.
- Skilters K.** Latkoloniju vēsture. – M.: Prometejs, 1928.
- Skilters K.** Pilsonu kars un latvju kolonisti 1917–1921 gg. – Minska: SPPS tautas centrālās izdevniecība, 1931.
- Skrinda K.** Kur dzīvoja latvieši, kas aizbrauce uz Sibīri // Driķi. – 1909. – № 27, 35.
- Stukneks M.** Iecelšana un izcelšana Latvijā // Doma. – 1912. – № 6–7.
- Spreslis A.** Latviešu sarkangvardi čina par padoņiem 1917–1918 gadā. – Rīga: Zinatne, 1987.
- Stach J.** Das Deutschtum in Sibirien // Ostdeutsche Monatshefte. – 1925a. – № 5.
- Stach J.** Eine deutsche Kolonie in Sibirien // Koloniale Rundschau. – 1925b.
- Stach J.** Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. – Stuttgart, 1938.
- Strods H.** Septiņi plauši // Lauku avīze. – 1989. – 20. janv.
- Stumpp K.** Aus der Geschichte der russlanddeutschen Kolonisten // Deutsche Post aus dem Osten. – 1936. – № 6.
- Stumpp K.** Leistungen und Bedeutung der deutschen Kolonisten in Russland // Deutschtum im Ausland. – 1939. – № 22.
- Stumpp K.** Ostwanderung. Akten über die Auswanderung der Württemberger nach Russland 1816–1822. – Leipzig, 1941.
- Stumpp K.** Gründung der deutschen Siedlungen im Gebiet Odessa und die Herkunft der Einwohner // HB 1956. – Stuttgart.
- Stumpp K.** Das Schrifttum über das Deutschtum in Russland. Eine Bibliographie // HB 1959. – Stuttgart.
- Stumpp K.** Ergebnisse über die Gesamterhebung des Deutschtums in der Sowjetunion // HB 1964a. – Stuttgart.
- Stumpp K.** Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord (Sibirien) und Mittelasien // HB 1964b. – Stuttgart.
- Stumpp K.** Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862. – Tübingen, 1993.

- Tedre U.** Eesti pulmad. Luhiulevaade muisteist kosja ja pulma kommetest. – Tallinn: Eesti raamat, 1973.
- Treadgold D.W.** The great siberian migration. – Princeton, 1957.
- Vassar A.** Uut maad otsimas. Agraarne umberasumisliikumine Eestis kuni 1863 aastani. – Tallinn: Eesti raamat, 1975.
- Viikberg J.** Uurimus Siberi soomlastest // Eesti NSV teaduste Akadeemia toimetused. Uheskonnateadused. – 1985. – № 3.
- Viikberg J.** Finnish-Estonian contacts in Siberia // Symposium 1988. Abstracts. – Turku, 1988a.
- Viikberg J.** Vanematest eesti asundustest Siberis // Keel ja kirjandus. – 1988b. – № 5.
- Viikberg J.** Koodivahetus ja Siberi eestlased. Lahtekohti // Keel ja kirjandus. – 1989a. – № 4.
- Viikberg J.** Suomalais-virolaista kielisuhteita Siperiassa // Virittaja. – 1989b. – № 1.
- Viikberg J.** The Siberian Estonians and the language policy // Fourth international conference of minority languages. – Leeuwarden, 1989c.
- Viikberg J.** Estonian village in the Far East. Language community and contacts // Sixth Nordic conference on bilingualism. – Vasa, 1990.
- Viikberg J., Vaba L.** Siberi pohjaeestlasi konetamas // Keel ja kirjandus. – 1984. – № 3.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ с указанием происхождения

- Стр. 4. Переселенческие потоки на территорию Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в.
- Стр. 24. С. Ю. Витте [Азиатская Россия, 1913, т. II].
- Стр. 24. А. Н. Куломзин [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 25. И. Л. Горемыкин [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 25. А. В. Кривошеин [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 25. П. А. Столыпин [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 26. Западно-Сибирская железная дорога (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 27. Переселенцы (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 479].
- Стр. 28. Автомобиль Переселенческого управления (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 469].
- Стр. 29. Ручная корчевка (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 30. Временные жилища переселенцев (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 482].
- Стр. 32. Саманные дома переселенцев (начало XX в.) [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 56. Фрагменты полотенец, украшенные трафаретной печатью (2), вышивкой крестом и кружевом (1) (чуваши). Омская область, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*
- Стр. 56. Лапти (чуваши). Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*
- Стр. 58. Жилые дома–пятистенки (чуваши). Омская область, I-я пол. XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*
- Стр. 59. Однокамерный жилой дом (чуваши). Омская область, I-я пол. XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*
- Стр. 60. Интерьер чувашской курной избы. Чувашия [Чувашское народное..., 1981, с. 11].
- Стр. 61. Образец чувашского народного костюма. Чувашия [Чувашское народное..., 1981, с. 49].
- Стр. 61. Головной убор – *сорбан* и наголовная повязка – *масмак* (чуваши). Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*

- Стр. 62. Женское украшение – *пуцхоц* (чуваши). Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора*.
- Стр. 62. Наспинное украшение – *ама* (чуваши):
1 – Западная Сибирь, II-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора*; 2 – Чувашия [Чувашское народное..., 1981, с. 231].
- Стр. 63. Женский костюм (чуваши). Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора*.
- Стр. 65. Кухонная утварь (чуваши). Западная Сибирь. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора*:
1 – берестяной туес; 2 – плетеная коробка; 3 – сито; 4 – кадушка-логушок.
- Стр. 73. Мельница (немцы). Село Солнцевка Исилькульского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 73. Интерьер мельницы (немцы). Село Александровка Азовского немецкого национального р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 74. Усадьба, вид с улицы (немцы). Село Хортицы Нижнеомского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 75. Саманный дом (немцы). Западная Сибирь. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 76. Постройка подсобного помещения из саманного кирпича (немцы). Село Александровка Азовского немецкого национального р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 77. Рубленый крестовый дом (немцы). Село Чучкино Горьковского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 77. Печь «голландского» типа (немцы). Село Солнцевка Исилькульского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 78. Коптильня (немцы). Село Ананьевка Кулундинского р-на Алтайского края. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 78. Интерьер жилой комнаты (немцы). Село Ананьевка Кулундинского р-на Алтайского края. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 79. Самодельная мебель в интерьере (немцы):
1 – с. Литковка Тарского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*; 2 – с. Ананьевка Кулундинского р-на Алтайского края. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 79. Средства передвижения (немцы). Село Литковка Тарского р-на Омской области. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*:
1 – телега; 2 – сани.
- Стр. 83. Семейная пара немецких переселенцев в праздничном «городском» костюме. Западная Сибирь, начало XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 83. Семья немецких переселенцев. Западная Сибирь, начало XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.
- Стр. 84. Церковь (немцы). Село Литковка Тарского р-на Омской области, конец XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ*.

- Стр. 85. Жилая рига (латыши). Видземе, Латвия, начало XX в. [Латыши, 1964, с. 155].
- Стр. 86. Жилой дом (латгалыцы). Латвия, XIX в. [Латыши, 1964, с. 154].
- Стр. 86. Дом со «связью» (латыши). Село Кривошеино Асиновского р-на Томской обл., I-я треть XX в. *Фото А. Б. Свитнева.*
- Стр. 87. Рубленый дом (эстонцы). Село Рыжково Крутинского р-на Омской обл., начало XX в. *Фото А. Б. Свитнева.*
- Стр. 87. Печь (латыши). Деревня Старая Рига Калачинского р-на Омской обл., I-я пол. XX в. *Фото А. Б. Свитнева.*
- Стр. 88. Рубленый дом (латыши). Деревня Старая Рига Калачинского р-на Омской обл., начало XX в. *Фото А. Б. Свитнева.*
- Стр. 92. Расчистка переселенческих участков. Сибирь, начало XX в. [Азиатская Россия, 1913, т. I].
- Стр. 93. Плуг. Украина, начало XX в. [Украинцы, 2000, с. 101].
- Стр. 96. Улица переселенческого поселка Благодатного (украинцы). Акмолинская область, начало XX в. [Азиатская Россия, 1913, т. I, с. 480].
- Стр. 96. Саманный дом (украинцы). Село Полтавка Полтавского района Омской области, начало XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*
- Стр. 97. Саманный дом (начало XX в.) с пристроенной к нему хатой (1960-е гг.) (украинцы). Таврический район Омской области. *Фото автора.*
- Стр. 97. Усадьба (украинцы). Полтавский район Омской области, конец XX в. *Фотоархив МАЭ ОмГУ.*
- Стр. 99. Рушники с вышивкой и кружевом (украинцы). Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*
- Стр. 101. Образцы гончарной посуды (украинцы). Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора:*
1 – корчага; 2 – крынки; 3 – миска; 4 – макитра.
- Стр. 102. Маслобойка (украинцы). Западная Сибирь, I-я пол. XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*
- Стр. 102. Берестяной туес (украинцы). Западная Сибирь, I-я треть XX в. Фонды МАЭ ОмГУ. *Фото автора.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
- ГАКО – Государственный архив Кемеровской области
- ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
- ГАОО – Государственный архив Омской области
- ГАТО – Государственный архив Томской области
- ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области
- ЗСОИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества
- ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
- ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИГУ – Иркутский государственный университет
- ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
- КГУ – Казанский государственный университет
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
- МЭЭ ОмГУ – Материалы Этнографической экспедиции Омского государственного университета
- НГУ – Новосибирский государственный университет
- ОмГУ – Омский государственный университет
- СИ – Социологические исследования
- СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
- СЭ – Советская этнография
- ТГУ – Томский государственный университет
- ЦСУ РСФСР – Центральное статистическое управление РСФСР
- ЭО – Этнографическое обозрение

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДИСПЕРСНЫХ ГРУПП ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	8
1.1. Сибирские чувашы	8
1.2. Немцы Сибири	9
1.3. Сибирские прибалты	13
1.4. Украинцы Сибири	17
Глава 2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЭТАПЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ	20
Глава 3. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ МАССИВОВ И ЭТНОЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ	34
3.1. Сибирские чувашы	34
3.2. Немцы Сибири	41
3.3. Сибирские прибалты	46
3.4. Украинцы Сибири	50
Глава 4. ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	52
4.1. Сибирские чувашы	53
4.2. Немцы Сибири	72
4.3. Сибирские прибалты	85
4.4. Украинцы Сибири	91
Глава 5. ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ИНОЭТНИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ	104
5.1. Сибирские чувашы	108
5.2. Немцы Сибири	117
5.3. Сибирские прибалты	132
5.4. Украинцы Сибири	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	175
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	195
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	198

Научное издание

Коровушкин Дмитрий Георгиевич

ОЧЕРКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Редактор *М.А. Коровушкина*

Технический редактор *И.П. Гемуева*

Подписано в печать 10.11.2006. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 12,5; уч.-изд. л. 13. Тираж 500 экз. Заказ № 137.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.01.
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17